

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№2 (661) • 2011

«ЮНОСТЬ» © С. Красукас. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: unost-contact@mail.ru
<http://unost.org>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Валерий ЗОЛОТУХИН
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Валентина ЛАНЦЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор,
заведующий отделом поэзии
Валерий ДУДАРЕВ
главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА
ответственный секретарь
Ярослав ЛИТВИНЕНКО
заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ
заместитель главного редактора,
заведующий отделом прозы
Игорь МИХАЙЛОВ
главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА
заведующая отделом духовного наследия
Марина РЫБАКИНА
заведующая отделом публицистики
Екатерина САЖНЕВА
консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ
административный директор
Александр ТАРАСЕНКО
директор по развитию
Светлана ШИПИЦИНА

ПРОЗА

Ильдар АБУЗЯРОВ
МУТАБОР НЕДЕЛЬНЫЙ РОМАН **21**
 Эльга ЗЛОТНИК
ДВА РАССКАЗА **54**
 Сергей ДАНИЛОВ
ПИЭЛЬ Повесть. Окончание **69**

ПОЭЗИЯ

Владимир СЕМЕНЧИК **3**
 Владимир ЗИМА **14**
 Владимир КОРНИЛОВ **62**

ШУМ ВРЕМЕНИ / ТЕМА НОМЕРА

Наталья АВДОНИНА
ЗАПОЗДАЛА ПАМЯТЬ ОБ АФГАНЦАХ... ..... **11**

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ
ТЕНЬ БРОДСКОГО В ТЕНИ ПУШКИНА **13**

РАЗНООБРАЗИЕ СЛОГА

Ирина ОЗЁРНАЯ
«Я... — МЫСЛЬ, ЗАРОДИВШАЯСЯ В ДЕТСТВЕ» ЭССЕ **46**
 Маргарита СОСНИЦКАЯ
ВИДИМАЯ И НЕВИДИМАЯ СВЯЗЬ
НАБОКОВА И ЛУКАША Попытка осмысления **65**

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Дмитрий БОБЫШЕВ
УВИЖУ САМ Человекотекст, книга 3. Продолжение **91**

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Сергей КОПИН г. Ростов-на-Дону **94**
 Ольга КРУЧИНИНА г. Екатеринбург **95**
 Мария БУШУЕВА г. Москва **97**
 Зулкар ХАСАНОВ г. Калуга **101**
 Максим ЛУШОВ г. Орел **109**
 Олег ШВЕДОВСКИЙ г. Москва **110**

В КОНЦЕ КОНЦОВ

// ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ //
 Евгений РЫК
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО Плутовской роман. Продолжение **111**

// ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ //

Феликс КИРЕЕВ
ЛЕВА **121**

// «До ВОСТРЕБОВАНИЯ» //

Галка ГАЛКИНА
СИМВОЛ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ **125**

// VERIORA VERIS //

Шалун ГЕО, человек-оркестр
КАНТА ЛЕНИН НЕ ЧИТАЛ, ВОДКУ ПИЛ И НЕ ЧИХАЛ! **126**

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБКИНА

Заведующий отделом снабжения

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент
 по Белгородской области

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Секретарь-референт

Светлана КИСЕЛЕВА

Дежурные по редакции

Аврора КОТОВА

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Людмила ГУДКОВА

Техническая служба

Вячеслав ДРУЖЕЧКОВ

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
 д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправлений:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: **+7 (499) 250-40-60**

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Авторы несут ответственность

за достоверность представленных

материалов. Мнения автора

и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка

на журнал «Юность» обязательна.

Владимир СЕМЕНЧИК

Родился в 1962 году. Рос в белорусском городе Слуцке, после школы поступил на факультет журналистики в Минске, а затем уехал «за романтикой и длинным рублем» на остров Сахалин. Так и живу в Южно-Сахалинске с 1984 года. Привык, уже с трудом представляю себя жителем материка.

Работал сначала корреспондентом областной газеты, потом — редактором художественной литературы «Сахалинского книжного издательства», в 1990-е годы — в издательско-полиграфическом бизнесе. Правда, бизнесмен из меня получился не ахти, в итоге пришлось вернуться в журналистику. В 2000-е работал в пресс-службе мэрии Южно-Сахалинска, затем редактором двух областных газет: «Регион» и «Наши острова». С февраля 2007 года — директор государственного медиахолдинга «Губернские ведомости», в него входят три СМИ: одноименная газета, информационное агентство «Сахалин-Курилы» и телекомпания «ОТВ».

Писать в столбик начал в восьмом классе, чуть ли не первое стихотворение опубликовали в районной газете, а потом и в журнале «Неман», чем, конечно, несколько подгадили пятнадцатилетнему юноше, возмнившему о себе невесть что... На самом деле, как мне сейчас кажется, первые более или менее достойные печати стихи получились значительно позже.

Наверное, начало литературной судьбы можно считать вполне удачным: десяток публикаций в журналах и альманахах, первая книжка вышла в двадцать шесть лет, к тридцати годам удалось выпустить третий сборник стихов, после которого мне вручили красную корочку члена СП СССР... Но потом наступили веселье 90-е, забота о хлебе насущном стала отнимать слишком много сил; стихи приходили все реже и реже — были годы, когда не появлялось ни строчки. Может, оно и к лучшему; по крайней мере, все, что пишется сейчас, — итог исключительно вдохновения, а не стремления нарифмовать побольше ради гонорара.

О поэзии

Когда в небе порхают ласточки — что делают стоящие на земле? Кто-то глаз не может оторвать от волшебных пируэтов. Кто-то целится из рогатки. Кто-то махнет рукой и уйдет: пускай себе летают, у нас тут своих дел хватает.

А кто-то пробует взлететь сам.

Не знаю, почему однажды мне вдруг невыносимо понадобилось сказать что-то свое в рифму. Может быть, потому, что записанные в столбик слова Пушкина, Есенина, Тарковского и многих других, умеющих парить, заучивались сами собой. Так раз и навсегда врезаются в память беззаботное лицо ромашки, нежная улыбка мамы, задумчивый профиль месяца над крышей дедушкиного дома...

Самое трудное было — научиться не спешить. Дождаться, пока стихотворение само взлетит с ладони. Случается это редко. И всегда страшно: а вдруг в последний раз?!

У меня нет четкого определения, что такое Поэзия. Может быть, это просто параллельный мир, живущий по законам высшей гармонии. Иногда птицы из этого мира случайно залетают к нам — и тот, кто способен их видеть и слышать, замирает от счастья. И тогда совсем неважно, есть ли в небе ласточка, слетевшая с твоей ладони.

Владимир Семенчик

* * *

В городе шумно и сыро.
Город похож на квартиру,
Где потолки протекают,
Краской заляпан паркет,
Ветер обои срывает,
Туча полой протирает
Тусклый хозяйский портрет,
Пахнет знакомо и остро
Хламом и мокрой известкой,
Сваленным в кучу старьем.
Снова затеяла осень
Перед ремонтом разгром.
И за белилами послан
Кто-то в хозмаг за углом.

* * *

Я вовеки не успокоюсь.
Я — ничтожно маленький полюс
На одной из стольких планет.
Излучаю в пространство поле
Бесконечной любви и боли.
А другого полюса нет.

Лишь звезды одинокий свет.

* * *

Легла дорога на восток.
Довольный собственной судьбою,
Ты обернулся — за тобою
Летел березовый листок.
Ты понял: осень налетела,
Береза дома пожелтела...
Но некогда. Вперед, скорей!
Вдруг камешек попал в ботинок.
Ты сел и вздрогнул — паутина
Приклеилась к щеке твоей.
Ты вспомнил: осень налетела,
И мама дома поседела...
Но некогда. Вперед, вперед!
Там загораются рассветы,
Там прорываются ракеты
Сквозь небо, серое, как лед.
И вдруг споткнулся! Пыль взвилась
Над злостью, болью. Встал, шатаясь.
Пошел... Колдобина осталась,
Где с домом связь оборвалась.

Субботник в 9 «А»

На кладбище овраг размыло.
И череп выплыл из могилы.
Девчонки грабли побросали
И театрально запищали.
А мы спустились по песку,
Надели череп на доску,
И друг промолвил:
— Бедный Йорик!
И подхалим захохотал.
И страх удушливый пропал.
Все череп гладили рукою.
И бесновались, и бесились,
И за девчонками носились,
Зубами щелкали...

И вдруг
Явился школьный военрук.
Он подошел. И глянул так
В пустые, мертвые глазницы,
Что дрогнули его ресницы,
Скрывая замогильный мрак.
И он пошел через овраг.
И даже листья не шуршали
Под сапогами у него.
А мы стояли и молчали.
И мы тогда еще не знали
О смерти ровно ничего.

* * *

Я возвращаюсь в старый дом,
Где стены без меня остыли,
Цветы, как будто на могиле,
Завяли, сыростью и пылью
Все комнаты пропахли в нем.
Я отпираю дверь с трудом.
Со станции уходит поезд,
А дом оттаивает, полнясь
Шагами, скрипом половиц,
Дыханьем, шелестом страниц.
В нем люстры весело сияют.
В нем мухи бешено летают.
Часы размашисто идут.
Друзья заходят, водку пьют,
И сигаретный дым витает.
А я как будто лишний тут,
Как будто все еще в отъезде,
Когда друзья в моем подъезде

О чем-то думали, молчали,
В пустые комнаты звоня,
И даже, может быть, скучали
И волновались за меня.
Сейчас они шумят, поют,
Кричат, танцуют и болтают.
А я молчу. Я лишний тут.
Я выхожу — не замечают.
Мне грустно во дворе ночном
И в доме, словно не моем,
Где стены ходят ходуном,
Где пахнет дымом и вином,
Где спорят и посуду бьют...
Вернусь. Скажу: устал с дороги.
Они спохватятся, уйдут.
А я застыну на пороге.
К стене затылок прислоня,
Услышу: эхо затихает,
А дом теплеет, оживает,
Дом возвращается в меня.

ЗВЕРИНЕЦ

— На рынок приехал зверинец!
— По сколько билеты?
— По тридцать...
Лениво уроки идут.
И медь не звенит по карманам.
— Серега, а есть там верблюды?
— Ага. И еще обезьяны.
Насилу дождавшись звонка,
Ты мчишь, не жалея ботинок,
Туда, где, скучая слегка,
Подсолнухи лузгает рынок.
Там воздух рублями пропах.
Там совесть лежит на весах.
И так торгаши нас дурачат,
Что сами они — в дураках.
Вот площадь — на ней поросят
С телег продают в выходные.
А нынче вагоны стоят,
Трепещут афиши цветные.
На них — добродушные львы
В улыбке оскалили зубы,
И в зарослях пышной травы
Гуляют холеные зубры.
Упитанный белый медведь
Похож на лохматую льдину,

И хочется в небо павлину —
Да хвост не дает улететь.
Ты долго стоишь у ворот
И смотришь на эти картинки.
Ах, что за богатый народ
Собрался сегодня на рынке!
Счастливые — в кассу встают,
Небрежно считают монеты,
И тетке у входа суют
Свои голубые билеты.
А ты все стоишь у ворот.
Хоть плачь — до того не везет!
И мама сегодня в две смены.
Хоть плачь — только утром придет.
И завтрак поставить успеет,
Попросит дневник посмотреть.
И даст тебе тридцать копеек,
Чтоб смог ты зверей пожалеть.
Но это когда еще будет...
А нынче, вернувшись домой,
Ты спишь. И тебя не разбудит
Рычанье машин за стеной.
И снится тебе до зари
Волшебное, дикое поле,
Где звери и птицы на воле
Гуляют — бесплатно смотри.

* * *

Любимая, что с нами будет,
Когда мы разучимся жить?
Неужто нас небо осудит
По разным орбитам кружить?

Неужто в томлении праздном,
Под сводами звездной тюрьмы,
В обличье, невысказанно разном,
Друг другу объявимся мы?

Любимая, клекот зловещий
Летит от вороньей избы.
Как смутно в ладонях трепещут
Свинцовые знаки судьбы.

Как мерно в мерцании круга
Вращается веретено.
Как долго мы любим друг друга,
Сливаясь в сиянье одно...

* * *

Чудна моя жизнь в этом теле, чудна и бедова,
Не то чтобы в тягость, а крылья расправишь — тесна...
Так в детстве бывает: под вечер примеришь обнову,
А утром наденешь — уже не по росту она.

Проснуться бы заново — где-то в ином измеренье,
Где небо просторно и зыбко, земля солона,
Где каждая речка вливается в стихотворенье,
И жизнь непонятна — как тело твое — и чудна.

* * *

Качает ветер лодочку
На ласковой волне.
Как весело под водочку
Плывется нынче мне!

Как здорово под водочку
И под бакланий ор
Ловить треску-селедочку
И рыбу пинагор.

Залив дрожит и светится,
Вдали блестит причал.
Земля, возможно, вертится,
Но я — не замечал.

Земля, быть может, круглая —
Да плоская вода...

Вы спросите: умру ли я?
Да что вы! Никогда!

Пока плыву на лодочке
В неведомый простор.
Пока клюет селедочка
И рыба пинагор,

Пока хохочет солнышко
И прыгает волна,
И лижет лодку в доньшко
Така-ая глубина!

* * *

Усталое облако прямо на сопку легло.
Над розовой бухтой — прозрачная дрожь паутины.
Качается лодка, и к ночи у чайки крыло
Немеет от долгой путины...

Мы вместе сегодня. Мы слушаем эхо глубин —
Скольжение медузы, пугливую крабью охоту,
И щебет дельфинов, и жалобный писк субмарин,
И храп кашалота.

Качается лодка. Качаясь, уходит луна
За гребень скалы и оттуда глядит осторожно.
Любимая, что же ладошка твоя солона
И сердце стучит так тревожно?

Мы вместе сегодня — и горстку закатных минут
У нас не отнимут до смерти ни бесы, ни боги.
Послушай, как весело рыбы под нами поют
И в бубны стучат осьминоги!

Взгляни на созвездья, которых давно уже нет,
Не их ли огонь разгорается в нас понемногу?
Качается лодка. Сияет божественный свет.
И тянет в дорогу...

г. Южно-Сахалинск

Памятник советским воинам-афганцам. Екатеринбург

Не хотелось бы использовать словосочетание «забытая война», скорее — «неизвестная». Ведь чтобы забыть, надо для начала узнать, что забывать будем, а что помнить придется, даже если и пожелаем забыть.

Читатель, спроси себя: «Что же я знаю про десятилетие пребывания наших солдат в Афганистане?»

Потери посчитали, книги памяти пишутся, возведены скромные обелиски, есть и музеи (например, в Брянской колонии для несовершеннолетних, в Подмосковье в центре реабилитации, много еще где), но все это разрозненно и цельной картины не получишь. Еще можно найти книгу Алексиевич, интервью в потертых журналах, можно включить известное либеральное радио и по нашей теме услышать: «Последняя советская авантюра» — очень смелое заявление. Да и была ли та далекая война однородна все десять лет?

Трагедия памяти об афганской трагедии в отсутствии большой прозы и поэзии. Не случилось своих «Танки идут ромбом», «В окопах Сталинграда», «Время жить и время умирать», «Я убит подо Ржевом», «Жди меня». Есть емкий фольклор, но рожденным в последние двадцать лет — непонятный.

В кинематографе, кроме страшных шоу (одно даже с итальянским актером-красавцем), ничего не создано — опять же нет достойного литературного основания. Почему «Судьба человека» — великий фильм? Потому что и у Шолохова — великая книга, хотя и не большая.

В начале нового века вообще смешали Афганскую и чеченскую. Возникло единое «льготы для участни-

ков Афганской и чеченской войн». Чиновникам, наверное, так удобней.

Сегодня в Афганистане — американцы, и, оказывается, та наша далекая война не закончена!

Все познается в сравнении.

Прошло время. И вот жители Афганистана вдруг вспомнили, что советские в то далекое десятилетие восьмидесятых в Афганистане и школы строили, и больницы, и населению местному помогали. Сами афганцы запричитали, что лучше шурави и не было никого.

Достоинно и слаженно вошли, достойно воевали и помогали и вывели войска тоже достойно! Честь и хвала тебе, советский солдат, спасший мир от фашистской чумы и принесший надежду на счастье многим народам. Афганская кампания — твоя последняя война. Ты остался интернационалистом, верным присяге, даже тогда, когда не стало Союза Советских Социалистических Республик.

Новая Россия любит обновляться. То милицию на полицию поменяет, то «Архипелаг ГУЛАГ» сократит и адаптирует для школьников, то в московском ТЮЗе начнет оплакивать зарвавшегося миллиардера, который во времена войны в Афганистане сладко ел, крепко спал на комсомольских работах. Где уж тут помнить о погибших!

Может быть, права аспирантка петербургского университета Наталья Авдонина — запоздал рассказ о боях в Афганистане? Ее материал, кстати, присланный по электронной почте, мы публикуем с надеждой на развитие данной темы.

ЗАПОЗДАЛА ПАМЯТЬ ОБ АФГАНЦАХ...

Впервые я встретила с Александром Лелетко, председателем общественной благотворительной организации «Долг» (г. Архангельск), в 2009 году. Я пришла к нему с наивными вопросами и очень скудными знаниями о настоящей войне, которая была в действительности. Пришла под впечатлением от прочитанной публицистики о раненом герое Вьетнама и одиоком солдате Афгана. Я пыталась найти в незнакомых мне людях то, что не находили другие журналисты. А в итоге ушла с фразой «Пусть о войне рассказывает тот, кто на ней не был».

Спустя два года, поступив в аспирантуру и продолжая работать над темой войны в Афганистане, я вновь встретила с Александром Лелетко. На этот раз он интересовал меня не только как общественный деятель, но и как герой журналистской публикации о ветеранах Афгана. Двадцать с лишним лет назад о возвращении Александра с войны в родной город Архангельск написала журналистка «Огонька» Нина Чугунова. Это был материал о жизни после войны, о проблемах ветеранов, о судьбах тех, кто уже никогда не вернется. «Знаешь, как мы тебя ждали» выбивается из общего ряда пропагандистских и эмоционально сухих репортажей о войне. Нина Чугунова написала, каким был Архангельск, встретивший ветеранов, какими были видевшие войну солдаты. Спустя двадцать лет Александр Лелетко все так же считает Архангельск своим родным городом, а что же город сделал для него?

— Александр Дмитриевич, пролистывая старые подшивки, нашла о вас статью в «Огоньке», автор — Нина Чугунова...

— В «Огоньке» — да. Лелетко выпил, Лелетко хорошо выпил, Лелетко дал, тот ушел. Помню такую статью. На всю страну.

— Вы ее храните?

— Где-то она у меня, может, и есть. Это давно было... Журнал вышел в 1989-м, а до этого мы уже общались с Ниной. Еще раньше она писала статью про нас, даже не столько про нас, «Девушка с веслом» называется. Про героиню, так ее прозвали, героиню погибшего нашего пацана, героя Советского Союза Корякина из Загорска. В то время ведь Афган был на слуху, поэтому многие им прикрывались. «Я — афганец», «Я — десантник». А на самом деле были все липовые. Вот и она была помещена на Афганистан. Хотя ездила и в Ташкент, в госпитали, санитарочкой работала, раненым подносила.

— Статья Нины Чугуновой «Знаешь, как мы тебя ждали...» — об организации, о том, как Вы ее создавали. Это же было начало 80-х...

— Организация наша существует с 1984 года. Да и музей уже был открыт, многие приезжали, смотрели выставку, посвященную Афгану. Журналисты ходили на нас, конечно. Ведь и Животов (Геннадий Животов — художник станковой графики, живописец. — Н. А.), первый художник, который писал про Афганистан, у нас выставлялся. Подарил нам три картины. Тогда еще тема перезахоронений в печати поднималась. В то время появилась и нашумевшая книга Светланы Алексиевич «Цинковые мальчики». В одном издании у очерка есть название — «Архангельский комар», в другом — названия нет.

— «Архангельский комар» — это о вас?

— Да. Она тогда ездила по городам и все сумбурно написала, многое напутала. Когда стали возмущаться, она убрала названия. Ищи теперь свой рассказ...

— Вот и в очерке Нины Чугуновой есть послесловие, где она пишет, что отправила Вам статью для уточнения. Вы кое-что исправили, потому что «народ может неправильно понять»...

— Про войну потому что раньше не рассказывали, о военных действиях не писали. А только — как пришел да как водку пил. Сейчас, по прошествии лет, может, и нормальная статья. А тогда... Хотя если правда, так что скрывать. Своеобразно, конечно, написано...

— **Сейчас война в Афганистане — память только для ветеранов? Еще одна страница в истории?**

— Да, сколько лет существует наша организация, а толку никакого. Все приходится биться. Два года уже как мы создали ассоциацию ветеранских организаций. Собираются объединяться ветераны при крупных бюджетных организациях. Только все равно проблемы остаются нашими. Вот отметили двадцатилетие в 2009 году, а городу-то и не надо. В этом году, например, уже официально 15 февраля установлено Днем памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества (ФЗ от 29 ноября 2010 года № 320. — Н. А.). Хотелось бы, чтобы власти провели мероприятие, но они не знают, что делать.

— **Вот и в очерке Нины Чугуновой о Вас сказано: «Я не привык выступать. Я привык выбирать!»**

— Да-да, а всем послышалось — убивать. Не выбивать, а убивать. Потом и в газетах писали про этот случай. А Нина Чугунова написала так, как я сказал.

— **«Долг» ведь благотворительная организация...**

— Да, люди знают о нас, не все черствеют, помогают кто чем может, иногда и пайками. В основном просто друзья, знакомые. Иногда приходят и с выгодой, особенно перед выборами. Мы деньги вообще стараемся не брать. Если решили продовольственный подарок сделать, значит, принимается именно продовольствие. Деньги мы собираем на Книгу Памяти.

— **Как продвигаются дела с Книгой?**

— В этом году двадцать лет мемориалу «Площадь Памяти», хотим к 19 октября выпустить. Тираж планируем примерно 5000 экземпляров. Все зависит от финансов. Надо журналистам платить за обработку материала, написание биографий, чтобы и грамотно было, и не сухо: «Родился. Погиб. Награжден. Похоронен». Должен быть художественно-документальный рассказ, чтобы было интересно читать. Все уже собрано в экспедиции: целый год мы ездили по районам Архангельской области, по школам. Сейчас обрабатывается 1985 год. К сожалению, не обо всех мы можем собрать полную инфор-

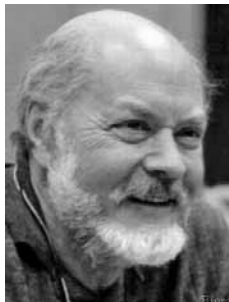
Александр Лелетко родился в Архангельске 31 января 1964 года, окончил школу № 17 в 1981 году, был призван в Афганистан в составе 103-й Витебской воздушно-десантной дивизии (1982–1984), войсковая часть 15831. По возвращении с войны работал в УГРО. С 1984 года и по сей день возглавляет общественную благотворительную организацию «Долг».

мацию. Вот, например, Николай Косяк. Родился у нас, на Соловках, но отец был военный, семья часто переезжала. В Книге Памяти ветеранов Афганистана Санкт-Петербурга о нем есть информация, но там только письма, воспоминания мамы. Фотографий мало. А хочется побольше рассказать, ведь человек жил, чем-то увлекался. Нам бы и детские фотографии, и где учился, в какой части служил...

Прошло больше двадцати лет с тех пор, как Нина Чугунова опубликовала очерк в «Огоньке», а его герой Александр Лелетко помнит эту историю, пусть и не дословно. Для советских журналистов афганцы были какими-то чужими, отчужденными от хладнокровного мира. Для солдат же репортеры были любопытными писателями. Для каждого ветерана Афган — запретная тема, о ней вспоминают, собираясь вместе 25 декабря или 15 февраля (Афганская война официально продолжалась с 25 декабря 1979 г. до 15 февраля 1989 г. — Н. А.). И потом опять на целый год забывают — или забываются. Для советских журналистов Афган сначала тоже был запретной темой, а потом, когда разрешили, когда пришли гласность и демократия, начались совсем другие проблемы совсем новой России. Запоздала память об афганцах...

Лев АННИНСКИЙ

Тень Бродского в тени Пушкина

Молодая женщина выходит на сцену — рассказать, что делается в ее душе после чтения стихов знаменитого поэта. Душа — парит. Внизу жизнь, а тут — высота, холмы, холмы...

«Здесь на холмах, среди пустых небес, / среди дорог, ведущих только в лес, / жизнь отступает от самой себя / и смотрит с изумлением на формы, шумящие вокруг...»

Вокруг — формы, отлетевшие от непроходимой реальности. Взглянуть вниз боязно. Какой-то ужас в этой белизне. То ли оледенение смертельное грозит в грядущем, то ли боль невыносимая, если выжить. Но как выжить? Слиться с пейзажем, раствориться в нем?..

«Слиться и раствориться».

Решившись раствориться, автор моноспектакля Мария Бородина раскланивается и, сойдя со сцены, сливается с публикой. Маленький зал полон. Местная интеллигенция не пропускает таких вечеров. Все свои.

Аплодисменты принимает также куратор спектакля Алексей Иванов. И еще — коллекционер джазовой музыки, чьи записи звучат в спектакле. И еще — владелец картинной галереи, устраивающий такие театральные-поэтические вечера (кажется, это первый и пока единственный владелец частной галереи в области).

Думал ли при жизни Иосиф Бродский, что стихи его отрезонируют в такой задушевной обстановке? Не знаю. Вот Пушкин...

А Пушкин тут при чем?

А он везде. В молчании заснеженных дворов. В криках проходящих электричек. В рыке машин, проталкивающих по Ярославскому шоссе.

Вокруг маленького театра живет и работает, то сливаясь с перспективой, то прячась в перспективу, известный на все Подмоскovie город Пушкин.

Владимир ЗИМА

Владимир Зима родился в 1982 году в Тольятти. В 1997 году, окончив восьмилетнюю школу и мечтая связать свою жизнь с военной службой, поступил в Военно-технический кадетский корпус, по окончании которого решил не продолжать намеченного пути.

С 2000 года живет в Москве и за ее пределами. Студент пятого курса Литературного института имени А. М. Горького (семинар Г. И. Седых).

Не печатался, к наградам не представлялся, премий не получал.

О ПОЭЗИИ

Поэзия — это слово... Это творчество каждого и всего живого. Это мечта, когда один, если не был бы поэтом, то был бы мошенником и вором, другой бы — музыкантом, художником, просто прохожим, мечтателем или бы просто учился летать, зная, что не взлетит никогда. Это — поэзия. Это одиночество в себе, которое никто не нарушит, потому как не

поймет. И любовь — это поэзия — сотворение нового, потому как живет и существует по тем же законам, по законам, которых в природе нет. Поэзия есть слово, а слово — мир, а мир — это тот вопрос, «на который все ищут и не найдут ответа», потому как ответ — длиной в жизнь.

Владимир Зима

Были

Были ли вы, когда ветер в лицо,
Как осколки стекла,
И с кровавыми деснами волки
Мимо елей, впаянных в лед и в землю,
Режут тайгу?

Были вы, я вас спрашиваю? Были?
Эй, вашу мать! Идут босиком по солнцу!
Это только песок. Бесконечный песок
И бл...ство!
И по горло в пургу
Я хотел бы вдоль берега,
Но нет его, моря! Суша! Суша!
Горе...
Ни слышать не хочешь, ни слушать.

Что
Осталось от прежнего?
Для меня
Только память: моя и ушедших морем,
А дед говорил, что остались топор и лопата.
Дед был из тех, что молчат,
И плотником.
«Плотничай, — говорил он, — дерево — хлеб и достаток,
И душа, которую раздавили прогрессом.
Знай, только тот, кто несет в себе веру, ее не выказывая,
Есть среди людей творец.
Но и есть безумец!
Как дерево, что пускает себя загубить ради новой жизни.
Замахнешься, повалишь, в руки возьмешь,
Обнажишь породу, чиркнешь стружку...
И вот она вся — твоя.
Твори!»

Я не знаю, как умер дед,
И могилы его не нюхал,
Только выпил пол-литру
С тем, что теперь не друг.
Но я знаю, как лагерный север
Проникает под ватник и кожу,
Когда по уши вросши в тулуп, понимаешь, что голый!
Голый! Голый
И сломленный в каждом суставе,
Чувствуешь этот мир.
Ну, так были вы, я вас спрашиваю? Были?

Полудурком, что лапу с запазухи в рот,
Как какую конфетину, — глубже,
Глубже!
Стоять вдоль дороги и шериться
Мимо едущим и идущим,
И бедствующим и имущим,
Всем, кто подумает: «Вот полудурок...»

Скучно...
Ах, кто бы знал, как скучно...
Дать бы
По полю
Или по склону,
Или пологому долгому лугу...
Ох!

Вскипеть! Выпустить! Выпить! Залить эту храбрость дурью!
Найти, разгадать, что еще загадка,

Забытая в страхе быть однажды разгаданной.
Вот где зарыта собака.

Что? Кажется вам,
Я спятил?
А я и спятил. А я и взаправду спятил!
Оттого, что вся жизнь «к барьеру»,
Оттого, что как в яме — глухо,
Оттого, что уже под тридцать
И такие красивые адские лица,
Что хочется жить
Полудурком.

И думаешь, думаешь,
Думаешь:
А ведь больницы и тюрьмы забиты доверху
Дохлым брюхом, костями, железом, бетоном и воздухом,
Проникающим в легкие через смертность металлопрокатного.

Дико? А когда узнаешь, что каждый почти на полсотни,
Понимаешь, что жизнь и не так коротка.
Но когда распорядок ее не работа и 20 дней отпуска,
А сухое короткое грубое слово «режим»,
Значашее, что каждый твой шаг под прицелом
И мать через две запретных и несколько тысяч...
Господи, обернись!
Ты у цели.

Глянь
Вон на ту чумазую девочку
В медном тазу.
На того не одетого мальчика,
Что посеял полмира в носу.
Их отцы
По те самые разные стороны.
Тот, что девочки, умер литейщиком.
Он давал пятилетку в три года.
Тот, что мальчика, пишет по телу
И сквозь труд первого глядит на свободу.

А в том дальнем забытом цеху,
В котором чугунный пол растащили еще в перестройку
И было взялись за крышу,
Но начался развал,
В семь нисходящих потоков
Пятую тянут жилу
Их матери
И горды, что пока справляются.

Посмотрите! Посмотрите,
Посмотрите, на что похоже
Это небо
Над тысячей деревень!
Разве это мечтали видеть, когда к границе
Через прорву окопов, снарядов, потерь,
Через версты этапов и концлагерей,
Через свежий такой
И морозный,
И солнечный день,
Чтоб остались одни только книжицы,
Ржавые кровью!

*«Красноармейскую книжку
Иметь всегда при себе.
Не имеющих книжек — задерживать».*

«Сержант Огородников, рядовой Капралов,
Сержант Фомичев, лейтенант Назаров,
Капитан Казанцев, Юрьев, Рыбин, Дрогин,
Рядовой... рядовой... рядовой... рядовой...
Смертью храбрых...
Представить посмертно...
Сообщить,
Тем, кто остался».
И тысячи, тысячи, тысячи, тысячи
Ждущих и ждущих сердец...
Ну, так были вы? Были, спрашиваю!

Слышали? Слышали? Слышали гул
Безголосых и приговоренных
К расстрелу
Колоколен?
Так вот...
Их простили,
Приведа в исполнение:
В сердце, в около, в пах и чело;
В путь до фабрики,
Вымощенный надгробными плитами
Кладбища,
Срытого в поле для игрищ;
В храм, перестроенный под тюрьму, склад, детприемник, детдом, интернат,
общежитие
(Но одно, чтоб бойчей ногами!);
В Ганину яму,
В 37-й и в 70 лет
По Октябрьской, Северной, Горьковской, Дальневосточной
И тринадцати прочим ж/д.

После войны,
После страшной войны,
После мучительной, выжженной, долгой, бездонной войны,
Моя бабка,
Тогда молодая женщина,
Работала шпалоукладчицей
Горьковской ОТКЗ железной дороги.
Она рассказала,
Как на отрезке метров в 400 между Шерстками и станцией Буреполом
Через каждые 30–40 шагов
На шпалах с изнанки
Видела,
Было
Высечено:
«РАЗСТРЕЛЯННЫЕ».

(Она не ходила в церковь
И говорила о Боге
Как будто стыдясь.
Чтила два православных праздника —
Пасху и Рождество.
Детей не могла окрестить из-за веры в «светлое будущее»,
Меня окрестила тайком от сестер и мужа,
И все время что-то большое хранила в груди.)

Мне
Так и слышатся, слышатся, слышатся, слышатся,
Слышатся
Их голоса:
«Мы пропали этапом из 39-го в СТОН (ликвидированный Соловецкий).
Без имени, адреса, рода занятий.
Помните нас! Помните нас! Помните нас! Помните нас!»
Так были вы? Были? Были?

Шесть месяцев после того, как война закончилась,
Она продолжалась,
Как продолжается самая смертная пытка,
Пытка безвести и разлуки,
Когда бесконечные вечные ждущие, рвущие сердце, руки
Тянутся, тянутся, тянутся, тянутся,
Тянутся, тянутся
Вверх!

Но всегда,
Всегда, что бы ни было с нами, всегда
Самое главное, что случается в жизни, —
Детство,
Наше детство, каким бы оно ни случилось.
Ведь главное в том, что случается или случится,

Помнить,
Какими мы были детьми
И какими людьми
Были наши родители.

Мне, как самое страшное,
Видится в сон, как в горы,
В мои Жигулевские горы
Врежется техника и котлованы,
Бетонный забор и подъездов в двадцать панельная девятиэтажка,
А за нею еще одна и еще
С видом на озеро (где мальчишкой!),
Осушенным под стоянку китайского гипермаркета.
И детство уйдет,
Исчезнет с земли,
Как уходит родник.
Останется только боль, память.
Память равно одиночество.

Господи, выйди!
На пару с тобой по душам постоим покурим,
Здесь вот от деда остались две папироски
И спичка.
Я расскажу тебе,
Пусть даже ты и знаешь,
Ведь ты же не скажешь: «Послушай, я это знаю...»
Ведь ты же поймешь, что мне нужно кому-то сказать
То, что мне нужно сказать!

В тех полях,
Где когда-то тянулись окопы,
Могилы... могилы... могилы... могилы...
Штыки из воронок торчат, как вилы,
И тебя
Молодого, нагого, смиренного
Снова несут на погост.
А вслед тебе мы
На носилках и на грабарках,
Как лохмотья на скользких палках,
Едем-тащимся
По канавам.

Слышишь, Господи,
Стопы твои по следам
Разбреду по свету,
Как нищим заплаты, раздам твое слово людям,
В иконах следы от пуль залижу, как раны.
За набат оглашенный этот
Вырви язык мой! Швырни собакам!

Высеки всеми плетьюми и вышли...
Ибо живу, как глухое эхо
Тех, для кого не останусь слышным.

Ну! Так были вы? Были? Были? Были?
(Полюсы в землю, как трупы, встыли!)
Через «е... твою мать!» и «держись, прорвемся!»
В полевом песочном,
Разрывном, межстрочном,
В самом строгом и прочном,
Нержавеющем и обреченном
На погибель,
Кто бы ни был, были вы? Были? Были?

Продолжение. Начало в № 1 за 2011 г.

МУТАБОР

НЕДЕЛЬНЫЙ РОМАН

Глава 6

Пророчество Абдулхамида

1.

Заслышав воинственные крики сторонников Гурабаходжи, филателист надвинул на лицо маскирующее его от фанатичного южного солнца и разгоряченных фанатиков кепи, схватил ходули стенда и бросился бежать. Полный недоумений и плохих предчувствий, Омар остался один посреди полноводной вечерней улицы, все больше погружаясь на дно раздумий. Ему, конечно, следовало бы нагнать наглеца и вернуть непрощенный подарок. Но почему-то в эту секунду Омару вспомнилась его ненаглядная Гюляр. Как она тайком от него сунула перед дорогой в его походную сумку подушечку, вынув оттуда куда более жесткий шахматный набор. А еще он подумал, что уже давненько не посылал ей весточки.

Наверняка встреча с филателистом, как и все встречи в этом мире, была далеко не случайна. Она напомнила Омару о неотзывчивости его сердца к Гюляр. К тому же открытка могла послужить неплохой закладкой для памяти. Загибать страницы книги — плохая привычка, так Омара учил наставник еще в начальной школе, а мысли загибать бесполезно. С другой стороны, это было бы очень красиво: отправить ей весточку на последней открытке странника из этого и того мира Максута-паши, известного всем как Александрийский Марко Поло.

Пока Омар сомневался, ремешок болтающегося фотоаппарата начал натирать шею. Он камнем тянул его голову вниз. В последние часы Омару часто приходило на ум сравнение, что его фотик как ярмо, что он, словно вол, впряжен в свою работу. В воз и еще в маленькую тележку. Что он как каракатица, тянущая свое бремя, что он как медленнотазый рак-отшельник. И что поездка в Кашевар все более и более тяготит его. Что он, как Максут-паша, увяз в

командировках, откуда уже не может отправить ненаглядной Гюляр ни ММС, ни СМС. Да, и Интернет в Кашеваре был под запретом. Другое дело — настоящее искусство: открытки и спичечные этикетки.

2.

Постояв какое-то время в раздумьях с книжкой под мышкой, у которой в свою очередь под мышкой приютилась крохотная открытка, Омар отправился в каштановый парк, где выбрал скамейку рядом с озером у мавзолея Буль-Буль Вали. Солнце опускалось все ниже, и зеркальная поверхность умело отражала его лучи, предварительно забрав весь апельсиновый жар-сок.

На ветку каштана над самой скамьей Омара — хороший знак! — сел «северный попугай» клест. Птицы — весточки благодати и весьма почитаемы на Востоке. Жаль, что у Омар-бея с собой не было птичьего лакомства — фундука, кешью или арахиса.

Примерно с такими мыслями он открыл кожаную обложку под цвет грецкого ореха и сразу наткнулся на горстку орешков, который автор этого послания предлагал ему раскусить.

Как и говорил филателист, на открытке не было ни слова, ни даже подписи. На самом изображении снег крыльями белого лебедя заметал огромную котловину, так похожую на площадь каменного города, на которой некий мальчик, надев на ноги каллиграфические сапожки, прямо на льду написал «С Рождеством!».

Теперь становилось понятно, почему Жарият не могла отыскать любимого по следам. Он скрыл их с помощью каллиграфических сапог, затерявшись во времени и пространстве. К тому же наверняка Жарият не умела читать на латинице и продолжала ис-

коть возлюбленного по лунному календарю, за точку отсчета взяв не Рождество, а Навруз.

3.

Собственно, Омару предоставлялся шанс отыскать след Ревеса Максута-паши. У него в руках была книга о путешествии. Возможно, написанная самим благословенным странником.

Чтобы разобраться, Омар решил немедленно начать читать новую историю о путешествиях, мытарствах и подвигах благородного отпрыска гор и степей. Героем второй попавшей Омару в руки книги был также благородный камень Алмаз, но на этот раз его прототипом являлся не знаменитый «Хоуп», который, как помнилось Омару, достиг просветления в седьмой чакре Будды, а совсем другой камень. Может быть, знаменитый бриллиант «Орлов» или никому не известный «Потемкин».

Омар подумал так, потому что этот камень, как следовало из повествования, каким-то чудесным образом оказался в России, где в черед 876 алмазов украшал трон Бориса Годунова. А во время Смуты он угодил в лапы Лжедмитрия и был использован последним как доказательство законного престолонаследия. Далее судьба Алмаза терялась в темных анналах истории и всплывала только в царствование Екатерины II. Возможно, он был вывезен из России в анусе какого-нибудь поляка и вернулся на престол в бархатной шкатулке великой немки. Как бы то ни было, граф Орлов получил в подарок от императрицы костюм, украшенный бриллиантами стоимостью в миллион рублей. Среди прочих камней на костюме фаворита красовался и герой книги. Позже шляпа князя Потемкина была до такой степени унижена алмазами, что ее из-за тяжести невозможно было носить. Долю неудобства голове светлейшего создавал и наш благородный слуга. Далее герой романа украшал собою одежду, обувь, кубки, оружие, скипетры — царей, великих князей, фаворитов и любовниц. Последней из них была любовница императора Николая II балерина Матильда Кшесинская.

Прима хотела вывезти Алмаз из России, но герой не хотел далее оставаться подмастерьем. Он вывалился из бархатного мешочка балерины, чтобы послужить великой социалистической революции и делу становления народного хозяйства. И надо сказать, эта новая роль ему вполне удавалась. С конца XIX века алмазы выступают в обновленном качестве — они начинают широко применяться на производстве.

Когда же в сорок первом году на СССР вероломно напал враг и черной тучей стал стремительно

продвигаться на Москву, Алмаз Алексеевич добровольцем отправился на фронт. Не раз попадал он в суровые переделки, не раз с головой окунался в сто боевых грамм, окропленных горячей слезой бойца.

За выдающиеся заслуги во время Великой Отечественной войны несколько крупнейших советских полководцев были награждены орденом «Победа». Орден представлял собой рубиновую звезду с лучами из платины, усыпанными бриллиантами общей массой шестнадцать карат. Так наш герой попал на грудь легендарного Маршала Жукова и не раз лично принимал участие в разработке боевых операций.

На этом описание истории камня заканчивалось, и анонимный автор выводил героя уже в наше новейшее время. Надо заметить, что прекрасные метаморфозы произошли не только со страной, но и с Алмазом Алексеевичем. Пройдя через все страдания и мытарства, что выпали на долю советского народа, и совершив свои героические подвиги, Алмаз, как и многие несознательные мелкобуржуазные элементы, проделал колоссальный путь и превратился в настоящего человека. Не только он, но и тысячи вынужденных до революции прислуживать богачам в советское время имели возможность получить прекрасное образование и продвинуться по социальной из князи в грязи, взлететь, что называется, от крестьянина и колхозника в космос, ну или на пост председателя ЦК КПСС, а после и первого президента СССР.

Но тут грянули роковые девяностые, и все достижения советского народа вмиг рухнули и оказались растоптаны и попорчены. На этом вводная глава книги переходила в главу новую, которую Омар тут же принялся с увлечением читать. Единственное, что удивляло Омара, — почему автора этой книги из богом забытого южного захолустья Кашевара заинтересовало другое захолустье империи — моногород, стоящий на вечной северной мерзлоте.

4.

Хозяин города Изумрудного (глава из второй книги)

Завод жил, пока еще жил. Он выдыхал пар из труб в осеннее холодное небо, он шаркал дверьми проходной, точнее, резиновыми ластами-утеплителями, пытаясь хоть как-то остаться на плаву, несмотря на то, что некоторые его части давно отмерли. Теперь в них либо поселилась вечная мерзлота, либо они были забиты тоннами шлака, как кровеносные сосуды холестерином сливочного масла.

С тех пор, как часть цехов отдали в аренду под продовольственный склад, Алмаз Алексеевич Гра-

фитуллин перестал есть масло. Поднимая крышку масленки, словно саркофаг замороженного цеха, он видел этот шматок, который надо было крошить ножом, и ужасался. Все в этой жизни имело свой срок, и даже камни рождались, умирали и распадались. Как там говорится в книге Екклесиаста: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать». Вот и Алмаз Алексеевич доживал свой век вместе с заводом.

Согревшись чаем, Алмаз Алексеевич снимал чайник с плиты, чтобы добавить немного кипятка в раковину. Затем долго и тщательно скреб щеки и мыл руки. Он по-прежнему жил в щитовом домике без удобств, построенном его же руками в шестидесятые годы для строителей завода. Когда-то полный сил Алмаз приехал на комсомольскую стройку с молодежным стройотрядом в эти северные края. «Время разрушать, и время строить».

Завод развивался, рос, а вместе с ним развивался и рос и Алмаз Алексеевич, пока не вырос до элиты рабочей интеллигенции — фрезеровщика шестого разряда. Уже тридцать пять лет со дня открытия он жил вместе с заводом, дышал вместе с ним. Завод заставлял откликаться на протяжный гудок, как требующий пищи пес.

Каждое рабочее утро АА проделывал путь от дверей квартиры до проходной цеха 6-Б. Не было никаких причин изменить заведенному графику и сегодня. Надев стоптанные ботинки, Алмаз Алексеевич вышел на бетонную лестницу подъезда. Темнота, сырость и холод северной осени ударили в нос, словно перепуганная старушка прыснула из газового баллончика слезоточивым газом.

Всю ночь накануне в подъезде завывали свои тоскливые песни волчата. Они, как у Джека Лондона, были уже рядом и подобрались к жилищу стареющего и слабеющего Алексеевича вплотную. Это они вывернули или разбили лампочку. Это они горлопанили, как бешеные. «Время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать».

И хотя у Алексеевича глаз был алмаз, а руки хранили былую твердость, спускаться в темноте ему приходилось держась за стены. Но это ничего, ноги, кажется, знали каждую выбоину, пальцы чувствовали каждую щербину. Под ногами скрипнуло битое стекло — то ли лампочки, то ли сверкающей бутылки. «Время насаждать, и время вырывать посаженное».

Толкнув дощатую дверь, Алмаз Алексеевич вместе с частью тепла дома вывалился на мороз. Дело шло к полярной зиме, а северный край неизменно сиял во всей муаровой красоте. Наверху горели крупные звезды, ибо северный олень носит на своей голове звездное дерево. Под ногами хрустели круп-

ные гранулы снега. Вместе с замерзшими красными кленовыми листьями и желтыми дубовыми они не давали в осеннюю распутицу и жигу уйти в землю по щиколотку.

«Пока жив завод, буду жить и я», — думал Алмаз Алексеевич, двигаясь мимо старой котельной, которую все еще топили каменным углем, мимо заброшенного детского садика, во дворе которого сиротливо стояла ракета — все дальше в космос. Молодежь ее не трогала, потому что на подсознательном уровне понимала: она была единственным шансом улететь, вырваться из очерченного круга.

С этими мыслями Алмаз Алексеевич подошел к воротам завода. Проходная, как беззубый рот старика, принимала в себя энное количество рабочих, необходимых для поддержания жизнедеятельности, и выпускало минимальное количество продукции. Завод производил буровые долота с алмазными коронками для горнодобывающей промышленности. Алмаз Алексеевич делал на отлитых из стали кольцах долота углубления, в которые и вкрапляли разновидности самого прочного камня мира алмаза — буровой борт или карбонадо. Этими алмазными коронками буры вгрызались в самую твердую скальную породу.

Получив табельный номер, Алмаз Алексеевич поспешил в раздевалку — принять горячий душ и переодеться в спецовку. В каптерке уже собрались коллеги Алексеича — все как на подбор самородки и народные умельцы. Раскуривая папиросы, рабочий цвет судачил о том, что владелец завода Диамант хочет провести ревизию и перетасовку кадров. Быстро нацепив очки, Яхонт Яковлевич подсчитал, что такая пертурбация принесет в карман Диаманту семь миллиардов дополнительных доходов.

— Алексеич, наш хозяин-то, слышь, чё учудил, — поделился новостью с только что вошедшим Алмазом Алексеевичем молодой парень, русский немец Александр со странной фамилией Ит.

— Что? — По опыту Алмаз уже не ждал ничего хорошего от хозяина.

— Предложил нам увеличить рабочую неделю до шестидесяти часов, а пенсионеров отправить на пенсию. Так что скоро, Алексеич, попрут тебя с завода за милую душу.

— Это мы еще посмотрим, кого первым попрут, — огрызнулся Алексеич на сопляка. — Куда тебе шестьдесят часов выдержать языком трепаться.

— А там шестьдесят по желанию. Хочешь — работаешь, а хочешь — нет.

— А ты попробуй не прояви желание, а потом еще потребуй за непроявленное желание сверхурочных, — ухмыльнулся Алексеич, — тебя быстро от паровоза отцепят.

— Шестьдесят часов, это же в каком веке такое было? — возмутился было Александр, но тут же поменял свой тон на шуточный. — Не помнишь, Алексеич, ты в 19-м веке по скольку часов работал?

Алмаз Алексеевич задумался, вспоминая свою жизнь от начала. Ему, и правда, было не шестьдесят, как думали многие и над чем постоянно подшучивали, а гораздо больше. Он был из крепкой мужицкой породы и хорошо сохранился. После войны он, заполняя анкету, скостил себе пару десятков лет, чтобы попасть в молодежный строительный отряд. «Время разрушать, и время строить».

— Да ладно, Алексеич! Ты не расстраивайся, — продолжал задира Сашка. Чтобы утвердиться в новом коллективе, он давно выбрал безобидного молчаливого мастера. — Вместе с законом о шестидесятичасовой рабочей неделе примут закон об увеличении пенсионного возраста до девяноста лет. Так что пахать тебе еще и пахать, пока не подохнешь!

Смолчал, не ответил на выпад дурного Сашки Алмаз Алексеевич и на этот раз. Он помнил, что их директор Диамант сделал себе состояние на алмазных копиях, будучи начальником артели искателей. А потом за копейки прикупил себе и это предприятие, предварительно перекрыв поставки и обанкротив конкурентов. По сути, произошел рейдерский захват предприятия, которое использовало отходы алмазодобычи. Поговаривали, что здесь без связей с ОПГ и некоторыми депутатами было не обойтись. Кроме того, Диамант владел сетью ювелирных салонов в Москве и Петербурге. «Время войне, и время миру».

— Это ладно! — поддержал разговор другой старожил-самородок Яхонт Яковлевич. — Я слышал, правительство хочет избавляться потихоньку от моногородов. И наш Изумрудный в расход пустят. Опять же, хозяину выгодно. Сейчас вся социалка на нем висит. «Время разбрасывать камни, и время собирать камни».

— Куда же нас переведут? — спросил Алмаз Алексеевич. Последняя новость его расстроила куда более. Он не боялся за свое рабочее место, потому что таких специалистов, как он, в стране раз-два и обчелся.

— В Петербург, знамо, куда же еще, — предположил Яхонт. — Все лакомое туда. Европа, опять же, близко. А еще не надо северных надбавок платить. «Время любить, и время ненавидеть».

— Я понял их хитроумный план! — нашелся балагур Сашка. — Они хотят построить еще одну трассу, заселить все пространство между Питером и Москвой, чтобы была такая бесконечность — инь и ян. Запад — Восток. А про остальную бесконечную Россию постепенно забыть. «Время раздражать, и время шить».

Все засмеялись над шуткой про китайскую бесконечность. Одному Алмазу Алексеевичу было не смешно. Он расстроился так, что в его глазах потемнело. Что же теперь будет с садиками и всей инфраструктурой? Неужели город умрет...

«Время говорить, и время молчать».

5.

Читать дальше Омару помешали сторонники Гураба-ходжи, шумной толпой ворвавшиеся в парк.

— Вот, — кричал Невменяемый Мустафа, указывая на гладь озера, — на этом самом месте еще вчера плавали два лебедя! Каждое утро они выплывали из своих домиков. Но этой ночью случилось страшное святотатство. Кто-то похитил черного лебедя.

— Это переманили их западные миссионеры и филателисты! — выкрикивали из толпы разгневанные сторонники Гураба-ходжи.

— Два лебедя служили символом гармонии мира святого!

— Горе, горе нам! — заголосили-запричитали плакальщицы в черных хиджабах.

— Смерть святотатцам!

Позже Омар узнает, что в Кашеваре существовало поверье: конец мира наступит тогда, когда птицы и рыбы отвернутся от мавзолея Буль-Буль Вали. Может быть, поэтому крики женщин, не желавших терять своих детей, были столь надрывны.

— Мы знаем, что черный лебедь всегда следовал по пятам за белым. А теперь, когда черный лебедь пропал, белый отказывается покидать свой домик на воде. Такова она — легендарная лебединая верность.

Омар было подумал, что на самом деле белый лебедь следовал за черным, но в отражении видел, что черный следует за ним. То есть он, как и мы все, считал, что управляет своей черной половинкой — нафсом. А на самом деле все наоборот — наша черная пара управляет нами, и без нее мы не можем ступить ни шага. Впрочем, Омар поспешил отогнать эти мысли как греховные.

— Давайте изгоним филателистов из нашего города! — предложил кто-то, когда настало время предложений и пожеланий.

— А заодно и всех иностранцев! — просвистел еще выкрик рядышком с шеей Омара.

— Фу тебя! — отмахнулся от назойливых угроз, поднимаясь с насиженного места, Омар. Поняв, что читать дальше не удастся, он решил еще немного погулять по осенним бульварам Кашевара. Ему никогда не нравились сборища людей, именуемые митингами. Любые демонстрации навевали на него тоску

и мысли о том, что люди немногим разумнее стада баранов. И что животные инстинкты по-прежнему управляют глупым человеком.

6.

В этом Омар еще раз убедился, когда после короткой, но утомительной прогулки, вернувшись к себе в номер, увидел перевернутую вверх дном комнату. Черный пух из разорванной на клочки подушки был разметан по трем плоскостям пространства и свисал даже со сферы лампочки. Портрет эмира Кашевара, сбитый с железной ноги гвоздя, стоял на ушах своих углов.

Не знающий, что и подумать, испуганный Омар плюхнулся на кровать, мякоть перины которой была вспорота острым клинком. Кто ответит за этот беспредел и кто оплатит этот кавардак? Неизвестно, сколько бы Омар просидел в полном оцепенении, если бы не горничная, тронувшая его плечо.

— Бегите скорее, — шепнула горничная, — спсайтесь, если сможете!

— Почему? — вопросительно поднял глаза Омар.

— Сюда приходили люди Гураба-ходжи. Они ищут вас, господин! Сейчас они направились в зоопарк, так как в карточке гостя вы указали, что приехали снимать редких птиц и рыб для ежегодного бюллетеня своего фонда.

— Ну и?

— Они сказали, что это вы похитили и убили черного лебедя с озера Буль-Буль Вали.

— Что за глупости? — возмутился Омар.

— Они распорили вашу подушку и обнаружили, что та набита черным лебединым пухом.

— Как они посмели, — Омара колотила ярость, — как они посмели своими грязными руками дотрагиваться до сердечного подарка моей возлюбленной Гюляр!

— Это горничные предыдущей смены на вас донесли, — подводя итог, нашла объяснение всему происходящему горничная смены нынешней. — Уходите, уезжайте в свою страну скорее, — сказала она, — сторонники Гураба-ходжи скоро вернутся за вами. Они ищут вас повсюду и не успокоятся, пока не найдут. Вы не знаете, что за страшные люди эти фанатики. Они забрали все ваши деньги и документы.

— Что им от меня нужно?

— Они уверены, что вы набили перьями черного лебедя подушку, чтоб видеть сладкие сны, которыми Всевышний в Джанаате святого вплоть до страшного суда наградил Балыка-малика. И будто вы через сны Буль-Буля Вали хотите узнать, где спрятаны его сокровища!

— Бред и провокация! — закричал перепуганный Омар, ибо страх рождает агрессию. — Какие еще сокровища?!

— И что вы скупаете открытки в квартале филателистов. Что вы из своих снимков намереваетесь делать новые открытки, переманивая души редких животных Кашевара посредством пленки на изображение. Что вы контрабандист и живодед.

— Бегите, эфенди, они возвращаются! — выкрикнул Самир, все это время подслушивающий под дверь. — Спасайтесь скорее! Я вижу, сторонники Гураба-ходжи уже возвращаются.

7.

И Омар побежал.

— Что делать, что делать? — колотилось сердце в панике. — Где спастись, где укрыться?

Омар бежал, не зная куда, но ноги сами несли его по знакомой дороге к Черному пруду с белой усыпальницей Буль-Буля Вали, которые Омар обошел тридцать три раза, пока немного не отдышался.

Ему не терпелось отыскать следы пропавшего лебедя — даже если это черные агатовые перья или окровавленные рубиновые кости, — и по ним выйти из несуразной передраги. В противном случае фанатики вслед за подушкой вспорют острым клинком и его живот. Но как Омар ни старался, на глаза ему ничего не попадалось. Старые следы были истоптаны ногами сотней новых паломников и экскурсантов.

У озера как раз собрались группа из детского кружка орнитологов. Учитель биологии рассказывал о птицах и их повадках. Но детей больше занимали не птицы, а Омар-бей.

— Смотрите, — крикнул один глупый ребенок, указывая на Чилима, — еще грешник!

— Ничего необычного, — заметил второй всезнайка. — Сейчас он обойдет девяносто девять раз вокруг озера, прося у Заступника прощения за все свои прегрешения. Здесь таких много.

— Он пришел к усыпальнице Буль-Буля Вали, чтобы замолить свою неверность, — со знанием дела пояснил учитель биологии.

Его слова очень разозлили Омара. «Как вы можете такое говорить, не зная человека? — хотел крикнуть он. — Изучайте лучше своих птиц и не трогайте бедного, маленького Омарчика».

Но тут за Омара заступился один из сторонников Гураба-ходжи, именуемый Невменяемым Мустафой.

— Что вы здесь делаете? — коршуном набросился он на группу детей. — Это вам не зоопарк, а святое место. Да знаете ли вы, какое несчастье случилось сегодня? Нет, вам наплевать на святых птиц! Вы, ор-

нитологи, как и ориенталисты, ничего не понимаете в устройстве нашего мира и в крыльях веры, ибо для вас розовые скворцы важнее птицы Симурга. Насаживали тут клены и елки! Разбили европейские парки для удовольствия богатых бездельников и колонизаторов, а простым людям не хватает пахотных земель, и их детям нечего есть. Сосны истощают почву, превращая ее в песок. В наших садах должны расти только персиковые деревья и яблони. Они медленнее истощают почву, и от них есть польза.

При словах «Симург» и «польза» Омар чуть не заплакал. Он даже не успел посетить восьмое чудо Кашевара — зоопарк. А теперь его там наверняка поджидают сторонники Гураба-ходжи. И, всего скорее, они караулят его возле всех посольств и консульств ЕБЦ. «Поистине, самый черный день в моей жизни — день пропажи черного лебедя», — глубоко вздыхал Чилим, расположившись под одной из чинар.

— Молитесь, как рыбий царь и птичий пастырь, Кош-мулла! — продолжал запугивать детей и Омара одержимый Мустафа. — Пока вы здесь бездельничаете и святотатствуете, близится, близится ужасный час расплаты, чему знамения — дожди из мертвых птиц, обрушившиеся на головы жителей города Биби в штате Арканзас! Земля скоро поменяет свои магнитные поля, и придет конец света! День Страшного суда настигнет не только необъяснимо погибших в полете черных дроздов, но и кошек, собак и людей!

8.

До позднего вечера Омар просидел на земле под раскидистыми ветвями щедрого дерева в горьких раздумьях. За что все эти напасти свалились ему на голову? Как он умудрился так вляпаться?

В любом случае, этой ночью нужно уносить ноги из города подобру-поздорову, пока его не отыскали сторонники Гураба-ходжи.

Омар считал за благо скрыться, но уйти, не выполнив задание фонда и не сфоткав в зоопарке барса-альбиноса, а тем более не сходяв на свидание с Примой Дивой, Омар не мог себе позволить.

— Ваш новый поклонник надеется еще раз увидеть и услышать вас, о несравненная Дива! — намекнул на личную встречу Омар, не успела белоликая Прима оторваться от черного рояля.

— Во вторник вечером я бываю не ангажирована, — назначила день певица.

— Я не доживу! — воскликнул Омар, удивляясь тому, что так быстро получил согласие на аудиенцию. Теперь он опасался, как бы его слова не стали пророческими.

— Ждите, — дотронулась она до руки Омара и добавила бархатным тоном: — Терпеливых ждет награда.

Воспоминание от этого прикосновения до сих пор вызывало сыпь мурашек на коже Чилима. А всеяющее надежду слово «ждите» было единственным, что радовало его в столь непростую минуту.

Решив посмотреть, достойна ли была его длань столь нежного прикосновения, достаточно ли она мужественна, Омар оторвал руку от земли и поднес ее к глазам, и увидел, что она вся облеплена красными муравьями, нещадно жалившими и терзавшими кожу.

Взглянув себе под ноги, Омар увидел, что уселся на муравейник. Бедные создания, приняв его тень за черного гигантского муравья, уже спасали потомство, перетаскивая яйца из-под самых ягодиц Омара. Яйца были похожи на янтарные гроздья или на миниатюрные копии солнца. Они, как и их прообраз-оригинал, стремительно скрывались за соседний холм.

«Вот, даже земля горит у меня под ногами», — горько вздохнул Омар. Его ноги и руки пылали от усталости и укусов, тело варилось в поту и муравьиной кислоте.

Вдобавок ко всему на Омара навалилось острое чувство голода, который только подзадоривал недюжинный аппетит красных лилипутов. Омар не ел с самого второго полдника, и его разработанный желудок уже принялся поедать все, что его окружало.

Но где взять денег на еду? Кредитная карточка, документы, портмоне с обратным билетом — все унесли сторонники Гураба-ходжи. Телефон, как казалось Омару, он потерял еще в самолете. Теперь ему даже не позвонить Гюляр.

Да и с проводником, который согласится вывести его из Кашевара, нужно будет чем-то расплачиваться. Оставалось одно: отнести за ненадобностью книгу назад в лавку Абдулхамида и получить за нее причитающуюся сумму сомов. Читать в такой темной ситуации сказки Омар для себя счел невозможным. Ему бы пережить грядущую ночь.

9.

Под покровом сумерек Омар нашел лавочку Абдулхамида. Застал он торговца книгами за составлением гороскопа на ночь, говоря по-другому, сонника. А чем еще может заниматься обеспеченный, сытый, престарелый, готовящийся к долгому сну средний класс?

— Вы уже прочитали ее до конца? — спросил Абдулхамид, принимая из рук Омара книгу.

— Да, — соврал Омар.

— И какая версия истории для вас более приемлема? Та, в которой Алмаз решает отказаться от всех земных страстей, обретает просветление и растворяется в нирване, или та, в которой Алмаз окунается во все тяжкие страсти земные, предпочитая бороться за рай на земле? Какой выход вы сочли более убедительным и эффективным?

— Если бы все было так просто, — вздохнул Омар.

— Да, — согласился Абдулхамид, — если бы решение проблемы было так просто, ее давно бы решили. Но, к сожалению, до сих пор никто не может с уверенностью разгадать заложенные в наводнивших город книгах загадки и снять проклятие.

— Какое еще проклятие? — Омару не было дела до проблем Кашевара. Ему своих забот хватало.

— Проклятие этой страны. Все в Кашеваре только и делают, что ждут чуда внезапного обогащения и ищут клад Буль-Буля Вали. Народ не хочет работать и надеется на власть. Город переполнен слухами и книгами, полными аллюзий на сокровища Буль-Буля Вали. Эти книги о животных и камнях пишут и распространяют дервиши ордена мутаборитов. А власть — вчерашние комсомольцы, дорвавшиеся до высших государственных постов и разграбившие все народное добро, в том числе и личные вклады. Теперь они хотят обелить себя и внушить людям, что воровство, как первый добытый капитал в эпоху дикого капитализма, — это нормально. Отсюда растут ноги у амнистии для всех воров и грабителей.

10.

— Это все хорошо, — решил прервать затянувшуюся беседу, которую так любят разводить после работы кашеварцы, Омар. — Я все понимаю. Но при чем здесь я?

— Вы именно тот, кто способен снять проклятие с Кашевара и найти сокровища Буль-Буля Вали! — огорошил Омара книготорговец.

— Я? — искренне удивился Омар. — Но почему я? С чего вы это взяли?

— Я взял это с неба, потому что я как астролог каждый вечер составляю гороскоп. К тому же один посвященный мутаборит мне сказал, что ответ на вопрос и путь к процветанию этой благословенной земли найдет иностранец, прошедший путь суфия наоборот. От человека цивилизованного, то есть воспитавшего свой нафс, до полного ничтожества.

— Как это — ничтожества? — напрягся Омар.

— Это значит — от человека, полностью поборовавшего свои низменные инстинкты и животный эгоизм, до человека, обуреваемого сильной страстью. И далее вниз по ступеням к животному, затем к растению и, наконец, к камню. То есть от высшей

формы развития до неорганической, неодухотворенной, природы.

— Человек — животное — растение — камень? Значит, вы искренне верите, что именно я смогу найти ответ, разгадать книжный ребус и снять проклятие с Кашевара? — попытался взять себя в руки Омар.

— Да, причем путь животного тоже четырехступенчатый. За один день вы побываете жесткошерстной собакой, гладкошерстным ишаком, бесшерстной хладнокровной рыбой и сбросившей кожу-личину змеей.

— Неужели змеей? — ухмыльнулся Омар, думая, что он угодил в дурацкий сон.

— Да, и если это вдруг с вами случится, кто знает: может, это вы тот избранный, что начнет понимать язык птиц и зверей и узнает, где сокровища Буль-Буля Вали, — заключил Абдулхамид. — По крайней мере, составленный мной гороскоп указывает на то, что человек, явившийся ко мне сегодня, призван снять с народа Кашевара все проклятия и найдет путь к истинным сокровищам. Ибо я уверен, никаких сокровищ, в представлении обывателя, не существует. А есть подлинные сокровища — честность и трудолюбие и предприимчивость обычного человека, основанные на высокой духовности.

— Вряд ли я и высокая духовность совместимы, — засомневался Омар. — Думаю, здесь вы, Абдулхамид, ошиблись. И поэтому я предпочитаю отказаться от книги.

— Неважно, — выдохнул книжник. — В любом случае, я не могу принять у вас один том без другого.

— Почему?

— Потому что эти две книги — две части одного целого. Они как разрезанный пополам гранат с рубиновыми зернышками, как вспоротый по живой плоти киви с зернами изумрудными. Их нельзя разделять. Только тот, кто прочтет обе книги, сможет найти правильный ответ на поставленный в них вопрос о выборе пути. Когда принесете второй том, тогда получите деньги — таков уговор.

— Второй том! Вопрос о выборе! — взорвался гневом Омар. — Но у меня нет второй книги, как и нет права выбора. Это право у меня отняли сторонники Гураба-ходжи!

— Выбор всегда есть! — заметил книготорговец. — Например, вы можете найти сторонников Гураба-ходжи и обменять черного лебедя на книгу.

Поистине слухи в Кашеваре распространяются быстрее молнии с пометкой «срочно».

— Но я не похищал черного лебедя! — только и мог вздохнуть Омар.

— Брали вы черного лебедя или не брали, это меня мало волнует. Сами разберетесь. Главное, что

две книги, как и два лебедя, составляют одно единое целое.

Впрочем, Омар уже не слышал последних слов Абдулхамида, потому что, громко хлопнув дверью, вышел на улицу. Настроение у него после встречи с книготорговцем совсем испортилось.

«Ну, ничего, ничего, — утешал себя Омар, — солнце уже давно зашло. А значит, осталось ждать менее суток до назначенного на уже сегодня свидания с Дивой. Продержаться несколько часов, а там — гори оно все огнем».

Основной инстинкт брал свое. А сон это, еда или любовь — решать вам.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Вторник. 5 октября

Дискредитация

(служебная записка с флешки)

Властные структуры в Кашеваре полностью дискредитируют себя нежеланием работать и решать проблемы жителей страны. Легализация всех сомнительных денежных сделок, уголовная и налоговая амнистия лишний раз убеждают народ в том, что воровство в стране узаконено и стало нормой жизни.

Родственные кланы, прибравшие к рукам «государственные корпорации», получают «негласную дань» с каждого мало-мальски выгодного бизнеса.

Масштабы коррупции в здешних местах и постоянные рейдерские атаки на чужое имущество со стороны приближенных к власти свидетельствуют о том, что попраны основополагающие права на труд, частную собственность и жизнь.

Как может быть здоровым общество, в котором воровство и взяточничество — обыденность? Как можно убедить простого человека работать, если труд и на грош не ценится?

Территориальная конфигуративность Кашевара досталась в наследство стране от советской эпохи, когда рычаги политической и хозяйственной власти были строго распределены между региональными группировками.

Так, уроженцы севера страны держали под контролем торговую сферу и теневую экономику, уроженцы юга — руководили министерством внутренних дел, органами госбезопасности и пропаганды.

Нынешняя конфигурация претерпевает изменения, что вызывает недовольство многих кланов. Ситуация осложняется тем, что промышленность развалена. Львиная доля населения страны живет за счет наркотрафика и контрабанды. Сумма, ввозимая гастарбайтерами, превышает половину национального ВВП. Страна оказалась нежизнеспособной и готова в любой момент распасться на север и юг

и присоединиться к соседним, более состоятельным государствам.

Население выживает за счет розничной и мелкооптовой торговли. Философия торгаша — получение максимальной прибыли. Если надо, он готов приторгнуть и суверенитетом родины. Тем более у соседа с севера — нефть, у соседа с запада — голубое топливо, у соседа с юга — золото и другие ценные металлы, у соседа с востока — миллиардное население.

Кашевар — водная страна. Гидроэлектроэнергия — главный экспортный товар. Но в связи с экономическим кризисом энергоресурсы стали меньше востребованы в соседних странах. Геологи обнаружили в горах залежи угля — но на такой высоте, что добывать и доставлять добытый уголь в долины трудно. Нужны значительные инвестиции для транспортировки.

Уголь кустарным способом добывают жители высокогорий, чтобы обогреть свои лачуги. Нередко самодельные шахты обрушаются и хоронят под завалами шахтеров, что является источником всеобщего недовольства. Угольные монополии вызывают серьезные опасения властей своими революционными настроениями.

В последнее время в корне изменились идеология, политическая и экономическая ситуация в Кашеваре. Мэр и эмир Кашевара продал распределяющую энергокомпанию за сумму, равную количеству сомов в водохранилищах. Противники эмира и мэра требуют отменить новые тарифы на электричество и тепло, вернуть на баланс государства «Кашевар-телеком» и «Северэлектро», ликвидировать Центральное агентство по развитию, инвестициям и инновациям, которое возглавляет сын эмира, и снять с официальных должностей других родственников главы государства.

Файлы этого тайного дипломатического донесения взяты с сайта Wikileaks.

Глава 1

Нувориша и новорикша

1.

Оторвал от яркого сна яркий попугай, который, раскачиваясь на одной ноге, балансируя и трепеща крыльями, то и дело рокотал на блатыни: «Тер кусяк»¹.

Должно быть, было уже позднее утро. Удивительно, что я так крепко спал, всю ночь провалявшись на полу без подушки и одеяла. В общежитии меня будил утренний шум и гвалт, а здесь я понадеялся на привычку рано вставать, но она из-за сильной усталости не работала.

Открыв глаза, я долго смотрел в расписанный тропическими цветами потолок, не совсем понимая, где я нахожусь. Стена напротив снизу доверху была заставлена книжными стеллажами, которые были усыпаны колоритными обложками. Книги выпирали с полок и толкались набухшими боками, словно плоды манго и киви. Глядя на это пиршество цвета, я вспомнил снявшийся сон. Но какой? Единственное, что я помнил после крепкого забытья, это как вчера у меня от постоянной беготни разболелись ноги. И еще, словно выпорхнувший из моего пестрого сна, на меня смотрел притихший в углу попугай.

— Так вот, значит, кто ты такой, Элиот! — протянул я руку. — Ну, здравствуй!

В ответ Элиот промолчал. Стоило мне открыть рот, как он, видимо, понял, что перед ним вовсе не его хозяин, и теперь судорожно соображал, из какого такого сна к нему явился я.

Дабы не смущать опухшую птицу, я вновь перевел взгляд на потолок и увидел, что надо мной, спрятавшись в буйных красках растительности, расположилась женщина с пышными формами-яблоками.

Так мы и пролежали всю ночь — она сверху, а я снизу. Женщину на потолке, смотрящую прямо мне в глаза, окружала куча выглядывающих из-за деревьев обезьян. Вокруг меня в поросли зеленого коврилина кривлялись только мои носки.

2.

Но больше всего меня поразила абсолютная тишина. Тогда я еще не понял, что в этой тишине проспал почти сутки. Подойдя к окну и отодвинув рейку жалюзи, я посмотрел на улицу. Через тройной стеклопакет, служивший источником тишины, было видно, как беззвучно капает капли на мостовую. И как по тихой улице, осторожно перебирая ногами, идет

пожилая женщина в полиэтиленовом дождевике, накинутом сверху, как балахон. Блестящие автомобили, покрытые пленкой воды, словно тоже оделись в полиэтилен.

Старушка подошла к мусорному баку и стала в нем копать. Я вспомнил, как однажды на паперти Невского одна бабушка, которой я подал милостыню, пожаловалась, что ей нечем платить за свет и газ и что она хочет повеситься.

Питерские бабушки спасались мусорками. В Кашеваре такой роскоши не было. Потому что местные почти ничего не выбрасывают — самим бы с голоду не умереть да своих многочисленных родственников прокормить. Слово в подтверждение моих слов, кашеварец в оранжевой жилетке зашелестел метлой как раз возле мусорного бака. Тоже приехал в Россию выживать.

Убедившись, что возле подъезда меня не поджидает «мусоровозка», я отпустил жалюзи и обратил свой взор внутрь квартиры. Комната представляла собой огромную пятиугольную студию. Одна из дверей вела в просторную ванную. А другая — на маленькую кухню.

Я старался двигаться по чужому жилищу так же бесшумно и плавно, как бабушка за четвертым стеклопакетом. Ибо чужая квартира — новый мир с новыми запахами и новыми ощущениями. Пять углов в ней, к которым мне приходилось привыкать, — как пять чувств: зрение, слух, осязание — тактильные ощущения ступней, вкус, обоняние. Я провел рукой по шершавым корешкам книг, которые через деревянный торец полок переходили в шершавые штукатуренные стены. Я двигался вдоль стен, пока провал в стене не вывел меня на кухню, где был слышен небольшой шум воды в стояке.

Познание новых видов вкуса и звука. Сотворение в голове нового образа. Шестое чувство — интуиция. Или что-то вроде него. Гравитация — сила притяжения новых предметов к моим рукам. А еще есть левитация в невесомости. Я брал с полки один предмет сервиза за другим. Тончайший воздушный фарфор с пасторальными сценками. Ощущение счастья, ощущение рая земного на земле, который охранил попугай.

3.

Проплыв на кухню, открывая один шкафчик гарнитура за другим в поисках чего-нибудь съестного, я нашел золотистую упаковку дорогого кофе и пачку порошка-шоколада. Затем я отрезал кусок от плитки лагунного сыра и положил этот ломоть на нарезанный нарезной батон. Опустил готовый бутерброд в тостер. Рыжие раскаленные прутья, шипя, вы-

¹ Тер кусяк — вставай, лежебока!

жигали водоросли зеленой плесени. Они, словно в доменной печи алхимика, выливали новую форму, выплавляя из двух грубых пород металла единый благородный золотистый сплав.

Вживаясь в роль алхимика, я буквально по зернам отсчитал гранулы бесценного для средневековой Европы кофе. Затем попотел, пытаюсь разобраться с кофемашинкой и ее колбами — вот уж адская лаборатория. Долго выбирал нужную крепость аромата и вкусовую консистенцию. В готовящемся капучино многое зависит от температуры и скорости подачи воды. Я забивал баки, включил обработку зерен паром, а сам все думал-думал, что даже для такой легкой работы, как варка кофе, придумали паровые машины, а нам приходится своими ногами подменять автомобили.

Минут пять я просто сидел на высоком табурете, поджав к груди колени, и смотрел на циферки отсчета на дисплее таймера. 1, 2, 3, 4, 5. Курочка по зернышку клюет. Только сейчас до меня дошло, что это отсчет моего нового времени в моем новом пространстве. Что мой новый мир начался с того момента, как я открыл глаза сегодня утром и увидел на потолке экзотическую картину. Я сам с юга, но даже там не встретить подобного буйства.

И только потом, подойдя к окну, я смотрел, словно из другого мира, на привычную питерскую серую слякоть и изломанные перспективы крыш, на плоские листья и на капли конденсата, что медленно сползали по стеклу, образуя прямые и кривые каналы.

4.

Таймер отсчитал отведенный отрезок, и настало время новых вкусовых оттенков. Я специально не стал чистить зубы. Паста, будь это даже зубная паста без фруктового и мятного наполнителя, стерилизует рецепторы, добавляя горчинку. Чтобы не сбивать незнакомые ощущения, я слизывал расплавившийся и потекший по поджаренным краям-губам горячего бутерброда сыр. Добавив в бокал стружку темного шоколада, я наслаждался и кофе, смакуя его небольшими порциями.

Первый глоток и ударивший в ноздри аромат взбудрил тело, запустив механизм пробуждения. Казалось, у меня прорезались крылья, в теле появилась бодрая сила.

Вот тогда, почувствовав небывалую легкость, я вальяжно, прямо с бокалом кофе в руке, направился в ванную, скинул другой рукой одежду и открыл кран с горячей водой. Нет ничего лучше, чем опустить свое полусонное тело в негу утренней купальни, наполнив предварительно гигантскую чашку сливками пушистой пены.

Ванна была просторной, как сектор двуспальной кровати, как облако между солнцем большой лампы в углу и полом темно-зеленого кафеля на полу. Пузыри гидромассажа, струи воздуха и воды, бьющие с боков ванны, заставили мое тело расслабиться, а кровь вместе с потоками джакузи забегать с новой силой.

Еще немного — и мои конечности готовы были воспарить, опираясь на клубы пара, идущие от гигантской чаши. Я понял: здесь и сейчас началась моя новая жизнь. Со мной произошло некое чудо, и я уже никогда не буду прежним. Точка невозврата пройдена. И теперь я приложу все усилия, чтобы жить так всегда. Я не смогу и не захочу вернуться к прежним ограниченным стандартам собственного бытия.

Я лежал, закрыв глаза и вспоминая свои прежние дни. Как я несся сломя голову по Невскому проспекту и пот мурашками катился по спине, шее и груди. А теперь я лежу и испытываю те же ощущения потоков капель и мурашек по своему телу, но с совсем другим начальным и конечным эффектом. Потому что я не бегу, а почти сплю и, пребывая в иной реальности, встаю и выливаю на голову изрядную порцию шампуня-кондиционера. Приятная прохладная жидкость попадает мне на плечи. Чтобы увеличить удовольствие, я добавляю к вспенившемуся на шее шампуню гель для душа. Последний, с миндалевым ароматом, придает новое звучание моему телу.

Наконец я стал белым человеком — вижу я себя в зеркале в пене. Точнее, почти не вижу чересчур смуглую кожу, которую многие принимали за грязь. Стиральная машина, как макет земного шара, совершала оборот за оборотом — с моей грязной одеждой. Запряженная мощным мотором, она крутилась-вертелась, словно земля под ногами, а я не бежал, я парил среди кафельных облачков. И скребок с вулканической пемзой для чистки пяток только подстегивал мой полет.

5.

Почему бы, решил я тогда, не выстирать забрызганные грязью штаны, если в белом шкафчике обнаружился целый пакет хорошего порошка, а также несколько красиво сложенных полотенец?..

Поскольку у меня не было туалетных принадлежностей, мне пришлось воспользоваться хозяйским халатом, который я тоже нашел на полке. Полотенце пахло свежестью и чистотой. Я получал наслаждение, обтираясь им и вдыхая аромат весеннего луга. Наверное, это запах стирального порошка — дошло до меня. Халат тоже был пушисто-мах-

ровым и белоснежно-чистым. Новые осязательные ощущения захватили меня целиком.

Я накинул его на тело и посмотрел на свое отражение в большом овальном зеркале. На стеклянной полочке на уровне груди стояли всевозможные тюбики с кремами и гелями. Гель для бритья, гель для душа, крем для рук, маски для лица, шампуни, кондиционеры и маски для волос и пяток. «Скраб для очистки лица от отмерших клеток — это нечто!» — думал я, скребя подбородок одноразовой бритвой.

Выдавив на пальцы и размазав по лицу беленькое молочко, а на волосы нанеся янтарную жидкость геля для укладки волос и разделив их на пробор, я увидел в зеркале лицо с высоким лбом, чем-то смутно напоминавшее самодовольно взирающее на мир из-под навеса кибитки лицо хозяина данной квартиры.

Ошарашенный тем, что я уже приобретаю чужие черты, я вышел из ванной и кожей почувствовал, что в комнате за мое отсутствие произошли некоторые изменения и появились новые яркие краски. Я огляделся и наткнулся взором на аквариум, стоящий на полукруглом столе в одном из углов студии. На этот раз я смотрел не на потолок с «Весной» и не в окно, а на большую подсвеченную емкость. Попугай с перламутровой грудью и ярко-зелеными крыльями выбрался из клетки и мирно сидел, пристроившись на краешке того же стола, одним глазом безучастно следил за янтарными и черными рыбками. «Странно, — мелькнула мысль, — что хозяин какаду и симок не инструктировал насчет корма для рыбок и смены воды в аквариуме, хотя очень подробно написал уход за попугаем Элиотом».

6.

Я смотрел и смотрел на водный мир, сидя на краю дивана в полумраке комнаты. Жалюзи до сих пор были опущены, и в какой-то момент мне показалось, что между мной и миром нет разделяющей стены стекла. Может, такое ощущение возникло от абсолютной тишины и замкнутого пространства.

Подойдя к большому аквариуму, я попытался нащупать стенку, но палец, вызвав перелив волн, будто сам чуть не поплыл, угодив в водный поток. В следующую секунду рыбки бросились врассыпную за пределы аквариума, и современный жидкокристаллический монитор показал свое истинное лицо.

Все ясно. Просто Леонардо Грегор Стюарт забыл выключить свой бесшумно работающий компьютер, или тот, перейдя в режим сна, сам усыпил бдительность хозяина. А попугай, хаотично порхая и прыгая по комнате, зацепил клавиатуру своей когтистой лапой.

Будто заразившись от Элиота, я начал играть в сапера. Кликая пустые клетки двадцатishестидюймового монитора, я старался не угодить в ловушку, но тут меня отвлекло выскочившее в правом нижнем углу монитора окошко с сообщением. «В вашем ящике два новых письма. Показать их?»

«Да», — нажал я на выскочившее окно, и через секунду я уже был в личном почтовом ящике Леонардо Грегора Стюарта.

Вот теперь я точно найду какие-нибудь контакты, мелькнула мысль. Одно из двух сообщений оказалось спамом. Из другого следовало, что Грегору написала некая фрейлейн. Перейдя по ссылке, я очутился на сайте знакомств — с предложением от девушки по имени Кэт познакомиться и пообщаться. «Хочешь поменять свою участь? — так начиналось загадочное послание. — Тогда нам по пути».

7.

Кэт, какое пошлое имя, подумал я, расплываясь в улыбке, будто сообщение было адресовано мне, и одновременно кликая по файлу рассылки. Это все равно, что Вика или Блонда. Или Сердцеедка-Марго-Бьюти... Принцесса или даже королева. С такими именами стоят проститутки на Староневском проспекте.

Наверняка очередная безвкусная блондинка написала, что она стопроцентная прелесть и неотразимая умница. Или само совершенство, и этим все сказано. А в графе «Жизненные приоритеты» — материальное благополучие и карьера при неизменном душевном равновесии. Как говорится, и рыбку съесть, и на мель не сесть.

Но на этот раз мне недолго пришлось сокрушаться. Потому что, когда я кликнул на Кэт, то высветилась совсем другая информация: «Вообще-то я не Кэт, я Катя... Не знаю, почему так получилось. Наверное, меня заколдовали».

Я открываю окошко с фотографией и понижаю, что пропал, что схожу с ума. Со мной такое впервые. Я схожу с ума от одной только фотографии. Я еще не могу чувствовать запаха, находясь за километры. Просто фото. Но есть в этом фото нечто, заставляющее колотиться мое сердце во все виртуальные двери мира.

Очарованный, я начинаю судорожно набирать письмо: «Твоя улыбка меня обезоружила. Давай встретимся и погуляем. Я приду без оружия». И только потом, отправив, спохватываюсь: надо бы прочитать ее анкету и внимательно разглядеть фото.

Под фотографией анфас я прочитал: «Девушка, не дождавшись принца, сама лезет в логово змея».

Под логовом она, видимо, подразумевала сайт знакомств.

А в рубрике «Обо мне»: «Все это очень сложно. Думаю, если мы начнем общаться, я смогу объяснить...»

8.

Меня начинает колотить еще сильнее, будто я сам оказался в логове змея. Я то вскакиваю со стула, то вновь сажусь, вчитываясь в скачущие перед глазами строчки. Неужели эта девушка согласится встретиться со мной, с обычным парнем? На нервах я даже выбегаю на улицу купить консервов и презервативов. Но, вернувшись, я первым делом бросаюсь к компьютеру и в графе «Автопортрет» читаю: «Мрр, даже и не знаю, что рассказать. Я белая пушистая кошечка. Если меня погладить против шерсти, я выпущу когти. А если приласкать — спасу от одиночества и подарю незабываемое наслаждение».

Дальше следует длинное стихотворение, которое я с большим трудом осиливаю.

1. Она сама по себе, она со всеми и ни с кем,
Она нужна всем, но не нужна никому.
В ее зеленых глазах легко можно прочесть,
Что она принадлежать никогда не сможет одному.
Она всегда молчит, быть может, просто нет слов,
Ну а может быть, считает, что нет смысла отвечать,
Но, в отличие от всех, она хотя бы не врет,
И если ты так захочешь, то она сейчас опять уйдет.
Еще один день, еще одна ночь, еще один год,
Ты так надеешься, что у нее это пройдет.
И, кажется, что ждать осталось совсем немножко,
Хочется верить, но она всего лишь КОШКА.

Припев:

Что ей снится, когда слезы на ее ресницах,
Когда в эту ночь опять не спится
И так больно курить одну за одной?

2. Ты ей все простишь утром, когда услышишь в свою
дверь звонок,
Она опять улыбнется и уснет у твоих ног.
И что-то внутри вдруг снова встанет на место,
Так далеки друг от друга, но все же кажется, что вместе.
Сейчас она с тобой, после с кем-то еще,
Она тебя понять не может, ей просто все равно,
Она всего лишь любит развлечения и вино,
И каждая ночь с ней каждый раз заодно.
Она вернется опять и снова будет молчать,
И ты ее не вини, если совсем не хочешь потерять,
Помолчи с ней немного, попробуй просто понять,
Она всего лишь КОШКА и хочет спать.

Только к концу стиха я понимаю, что это слова песни, которую я уже слышал.

— Так, — немного разочарованно вздыхаю я, — значит, она кошка, что любит гулять сама по себе. Кошка, которую заколдовали в логове змея. Теперь ждет принца, который ее расколдует.

А вдруг она передумает со мной общаться и откажется идти на свидание? Вдруг я не смогу ее расколдовать и отогреть?

Впрочем, не стоит раньше времени пугаться. Нужно побольше узнать об этой киске. Решив так, я вновь, словно мошка, прильнул к экрану монитора и кликнул на блог «Автопортрет», в котором все одна запись: «А вообще, я стесняюсь о себе говорить... Давайте лучше поговорим о Вас)))».

Глава 2

В гостях у Дивы

1.

Проснулся Омар от холода. Шея сильно затекла. Спина и правый бок болели так, словно закованная в стальной иней сон-трава продырявила его саблями стеблей тридцать три раза. Во время сна боль еще не чувствовалась, но по мере отхода заморозки страдания нестерпимо нарастали.

Коты брезгливо обходили измученного Омара стороной. Запах селитры и магнезия, которыми полна здешняя земля-порох, пропитал тело Чилима насквозь так, как пропитывает навозных червей запах коровьего гумуса. На фоне свежего дыхания утра это ощущалось сразу.

К запахам взрывной смеси примешивались запахи пота и мочи. Кому нужен помеченный чужой мочой, уже не принадлежащий себе мужчина? У самого Омара со вчерашнего второго завтрака не только крошки сыра, но и мятной пасты не было во рту.

Омар потерял контроль над ситуацией, стоило судьбе повернуться к нему своей неприглядной стороной. Над своим «я» Чилим потерял власть, как только согласился по поддельным документам и под чужим именем въехать в Кашевар. Иностранцев накануне выборов в страну не пускали. А эмир и мэр собрал в своем зверинце сотни редких видов животных, которых истязал, как хотел, а при достижении половозрелого возраста жестоко убивал. Этот произвол надо было остановить любой ценой.

Омар понимал, что его не просто так держат в фонде по защите братьев наших меньших на приличном окладе. И, видимо, его неспроста послали в

Кашевар фотографировать чудо-зоопарк накануне выборов. Рано или поздно высокие премиальные надо было отработать — и вот день расплаты за все радости, что он получал прежде, настал.

Что касается задания, то, возможно, он должен был получить его по телефону, который, к своему несчастью, потерял еще на подходе к Кашевару. Омар пытался вспомнить, где он мог его оставить после того, когда, сев в кибитку к рикше, поговорил по мобильнику последний раз.

К рикше он сел, стараясь вжиться в образ. «Веди себя нагло и уверенно, чтобы не случилось, — учили его в фонде, — помни, ты белый человек. А “черное зверье” уважает только силу и жутко пасует перед человеком с палкой».

Возможно, телефон вытащили воришки-попрошайки, которые окружили Омара в аэропорту и которых он долго не решался прогнать криком. И вот они, метаморфозы судьбы: теперь он сам превратился в грязное животное.

2.

Спустившись к покрытому ряской берегу, чтобы умыться и может быть даже, если волна окажется чистой, слотнуть остатки болезненных сновидений, он зачерпнул горсть жесткой озерной воды.

Посмотрев на дрожащее в ладонях лицо, Омар понял, насколько сильно продрог. Испугавшись себя самого, его отражение сигануло наутек. Весьма неприятно окунаться из холода в еще больший холод, зато припухшие заспанные веки свидетельствовали — он еще не превратился в хладнокровную рыбу.

Вид у него и правда был не из лучших. За время, проведенное под печным небом Кашевара, лицо изрядно осунулось и подрумянилось, словно хлебная лепешка на огне. Хорошо еще, что рубашка не утратила своего природного лососевого цвета и не почернела в районе жабр и воротника.

«Где гарантия, что если я взял чужое имя и пытаюсь выдавать себя за того, кем не являюсь, то под моим именем и моей жизнью не будет жить другой? А я так и останусь лососевым бутербродом не первой свежести...» — цокнул себе под нос почти по-птичьи Омар, сам удивляясь, откуда ему знакомо птичье наречье. Неужели познания пернатого языка еще не успели выветриться у него из головы после сна, несмотря на активные взмахи крыльев улетающей прочь ночи?

И словно в подтверждение этих воспоминаний, в самом центре пруда высоко взметнулась и со всего размаху брякнулась о серебряную гладь озера чудо-рыба — зеркальный карп.

— Уже не только люди, но и рыбы хотят научиться летать, как птицы! — удивленно воскликнул Омар. — Если так пойдет, скоро они начнут подражать птицам в их трелях, как им подражает белоликая Прима Дива.

А еще он подумал: «Если рыба в возмущении бьет анальным плавником в натянутую кожу водного барабана, значит, во сне я точно разговаривал с птицей! Но о чем?!»

Не зная, где искать ответ, Омар интуитивно открыл книгу о приключениях Алмаза Великолепного и углубился в чтение.

3.

Самородки на разработке (глава из второй книги)

Отпахав за станком, Алмаз Алексеевич по заведенной привычке отправился в пивнушку. Здесь после смены, толкаясь локтями, собирался рабочий люд, чтобы пропустить кружку-другую янтарного напитка. А еще послушать байки других и показать себя. Настоящая ярмарка тщеславия в душной дымной клоаке.

Почти каждый день в пивной Алмаз Алексеевич встречался со своим фронтовым товарищем Рубином Ивановичем и коллегой Яхонтом Яковлевичем. Сегодня к ним присоединился и приехавший на рыбалку племянник Рубина Ивановича — врач и хирург Топаз Аксинитович.

Друзья оккупировали круглый столик, наклонив друг к дружке головы, чтобы в шуме и гаме хоть что-то разобрать из сказанного соседом, — многие годы, проведенные в цеховой шумихе, не могли не сказаться на слухе. Столешница с разводами и зигзагообразными трещинами напоминала секретную военно-стратегическую карту, и порой только по ее отблескам можно было догадаться о направлении разговора.

Пивные кружки, словно гигантские алмазы, играли красными гранями, синими и розовыми. А бывают еще и коричневые диаманты — африканские. Тощая курица, поданная к пиву, по размерам больше напоминала голубя. Глядя в красные, навывкате, налитые уже кровью и хмелем глаза Рубина Ивановича, Алмаз еще раз убедился, что наиболее ценными и равными алмазам считаются рубины красного цвета с легким уклоном в синеву. Этот цвет принято называть «голубиная кровь» (на английском — *pigeon's blood*). Даже если поместить мутный рубин в стеклянный сосуд с родниковой водой или молоком, из сосуда будет исходить красноватый цвет, будто это не молоко, а пиво с диме-

дролом. А еще встречаются рубины с полостями, наполненными жидкостью.

— Теперь в школе у нас какой порядок ввели? — делился проблемой Рубин Иванович. — Какое у тебя количество учеников, столько тебе и платить будут. Сами школы на селе закрывают. А еще сократили все надбавки по новой реформе образования. Сократили и так называемых лишних учителей и служащих. В соответствии с количеством учеников не должно быть вахтеров, уборщиц и т. д., потому что иначе не останется места учителям-предметникам. А вообще, учитель по закону теперь — обслуживающий персонал. Многие из них живут в служебных квартирах без дальнейших перспектив, как рабы.

Рубин Иванович, как и Алмаз Алексеевич, лучшие свои силы положил на развитие народного хозяйства. Родом он был из Углича, и его предки украшали монаршие шапки. После школы Рубин Иванович служил на морфлоте, затем воевал помощником капитана. Завершив службу в рубке, молодой Рубин лучшие свои годы отдал родному часовому заводу «Чайка». Рубины, как шутил Иваныч, еще в XVIII веке англичанин Джон Харрисон стал использовать при изготовлении часовых механизмов. Но то в древней Англии, а в Угличе в сентябре 2006 года с часового завода «Чайка» были уволены последние семьсот девятнадцать человек, при этом зарплату им не выплатили. Население Углича продолжило катастрофически сокращаться. Будучи мастером высокой квалификации, Рубин Иванович подался было на чистопольский часовой завод «Восток», который продолжал существовать за счет госзаказа — армейских часов. Но и завод «Восток» вскоре приказал долго жить. По приглашению Алмаза Рубин Иванович перебрался в Изумрудный. Но из-за пенсионного возраста на предприятие его не взяли. Тогда он устроился трудовиком в местную школу. Все рядом с другом лучше, чем одному.

— А в госпитале у нас то же самое, — поддержал разговор Топаз Аксинитович. — В связи с реформой армии закон приняли о том, что на десять тысяч военных полагается один военный врач. Большинство военных докторов — элиту отечественной медицины под нож пустят. Нам морочат мозг каким-то футболом, нано, полицией... А в это время втихаря закрывают дома престарелых, школы, медицинские центры, приюты для домашних животных, и список бесконечен. Как не стыдно.

Для Топаза Аксинитовича Алмаз Алексеевич тайком делал инструменты. Микрохирургические скальпели с алмазным лезвием. Ибо алмаз способен рвать не только стекло, но и плоть человеческую. И вообще, в современной хирургии, как и в промышленности, существует мало отраслей, в ко-

торых алмазы не используются. Экономический потенциал наиболее развитых государств в значительной мере определяется тем, насколько используются в их экономике алмазы.

Как пояснял Топаз, инструментов ему не хватало. Купили тут в зубоврачебный отдел один агрегат от «Сименса» за двести тысяч евро и весь бюджет госпиталя угрохали. А Топаз Аксинитович, своими глазами видевший бумаги о покупке, потом по служебным делам оказался как-то в офисе «Сименса» и видел точно такой же станок за одиннадцать тысяч евро. Разница в сумме пошла под распил старыми скальпелями.

Наслушавшись стенаний племянника своего товарища, Алмаз Алексеевич втайне от руководства делал и проносил под фуфайкой через проходную свежее испеченные скальпели. Алмазные гранулы он брал из выбрасываемых отходов производства.

— Скоро нашу Военно-медицинскую академию имени Кирова в центре Питера расформируют, а корпуса госпиталя и лакомый кусок земли продадут под очередной банк или развлекательный центр... — с горечью на губах признался Топаз. — Так что, мужики, придется скоро и мне к вам в Изумрудный перебраться.

— А не будет скоро Изумрудного! — поделился своей новостью Рубин Иванович. — Сокращают его. По мнению чиновников, развивать малые города с населением до ста тысяч человек бесперспективно.

— Как не будет? — посмотрел внимательно на Алмаза Рубин.

— А так и не будет. План хозяев очень прост и бесчеловечен. Если прекратить финансировать школы, больницы, объекты соцкультбыта, дороги в небольших городах, поселках и деревнях, то людям и самим захочется уехать. Запустением они вынуждают людей покинуть насиженные места.

— Да преувеличивает он все, — встрял в разговор Яхонт Яковлевич. — Что ты народ пугаешь! Все у нас еще будет хорошо.

— Это старость Яковлевича, — охладил пыл коллеги Алмаз. — Человек тогда постарел, когда думает, что все у него еще впереди. А когда он думает, что вся жизнь прошла и разбита, как восемнадцатилетние, и жить дальше не стоит и незачем, то, значит, он еще молод. Мне же сегодня четко дали понять, что наш завод перебрасывают в Петербург, а Изумрудный как моногород ликвидируют.

— А людей куда денут? — спросил Топаз Аксинитович.

— Кого куда. Хочешь, на вольные хлеба. А хочешь, в рабочее общежитие в Петербурге. Квартиру там не купить, если здесь, в Изумрудном, три таких же продать.

Рисунок Елизаветы Горяченковой

— Значит, грохнуть его надо! — грохнул кружкой о столешницу Рубин.

— Как грохнуть? Кого? — посмотрел внимательно на товарища Яхонт Яковлевич.

— Хозяина Изумрудного завода, Диаманта Демидова! — ничтоже сумняшеся пояснил Рубин. — Чтобы другим неповадно было.

Как только Рубин произнес дерзкие слова о казни олигарха вслух, сердца всех собравшихся вдруг затикали в унисон, и пивная заиграла новыми красками.

— Ты думаешь? А как это сделать? — прижались теснее друг к другу собутыльники.

— Это твердое решение! — уверенно продолжил Иванович. — Потому что кто кроме нас? Мы те, кто воевал, кто умеет постоять за себя и страну, кто держит ногами расходящиеся льдины. Кто, если не мы?

В пивной клоаке царили шум и гам, а друзья за столом уже были объединены новой идеей, разрабатывали план покушения на олигарха. Они, как шестеренки в часовом механизме, прижались друг к другу плечами и локтями, сцепившись глазами, работали в одном порыве и в одном направлении.

Подобно тому, как считающийся оживляющим камнем в Индии рубин исцеляет параличи, избавляет от страхов и тоски, — предложение Рубина Ивановича вернуло утраченные силы и наполнило энергией сердца и души товарищей. У них будто очистилась кровь и прояснились память и ум.

Слова Иваныча, словно короткие иглы рутила, укололи слушателей в сердца и создали так называемый эффект астеризма. Двенадцатилучевые рубиновые звезды озарили своим светом темный подвал пивнушки.

4.

Читать дальше Омару не дало высоко взошедшее солнце. Белоснежные страницы слепили. Самое время сделать зарядку для глаз, переводя взгляд из книги в дальние фиги и обратно.

Облокотившись на ствол дерева, Омар наблюдал, как по парковому комплексу ходят нищие и бездомные жители Кашевара, подбирая объедки, бутылки и алюминиевые банки.

Было больно смотреть на этих грязных, опустившихся тварей, гордо именующих себя людьми. Одни животные умеют бить птиц на лету, рассекая когтем грудь жертвы. Другие — нападать из засады, подкарауливая добычу и выжидая своего коронного часа. Третьи, как пантера, бросаются в горло косули или, как утка, ныряют за рыбой в толщу воды. По такому же пути идут лихие грабители и убийцы. Собиратель не может ничего подобного. Он бродит в

поисках хоть чего-нибудь полезного. Заглядывает в кусты, разводит заросли травы руками, переворачивает камни. Роемся в мусорных урнах и в водорослевых отбросах озера.

Собиратели тихи и слабы. Природа не снабдила их ни особым взрывным нравом, ни жестким характером. Вместо силы духа им даны сообразительность и изворотливость, чтобы вытащить банку из мусорного бака или выловить плывущую тухлую рыбешку.

И он, Омар, как выяснилось, — слабое, безвольное, не способное к решительным действиям ничтожество! Ощущая себя таким ничтожеством, он безвольно наблюдал, как на берег выполз мутный крабик и, забравшись под коренья, выволок оттуда дохлого светляка. Он знал, что крабы — такие же собиратели, как и он. Сколько себя помнил Омар, он занимался собирательством. То спичечные этикетки, то маленькие открытки, а потом и марки. Он и фотографировать стал из желания собирать прекрасные моменты и красивые лица. И вот теперь расплачивается за свою безвольную и жадную натуру.

Словно в насмешку над его страстью, ему перед поездкой дали документы на имя Омара Чилима. А имя, как считают в Кашеваре, во многом определяет судьбу.

5.

Насмотревшись на потуги краба, Омар ловким движением схватил его и, освободив от панциря, оторвал голову. Словно собираясь вернуть утерянное «я», Омар засунул членистоногое под маховик своей челюсти.

Затем жующий Омар перевел взгляд на мавзоль Буль-Буля Вали, что расположился на небольшом островке в центре пруда, соединенном с землей косой.

В путеводителе Омар прочел, что когда-то на месте, где стоит усыпальница Буль-Буля Вали, всплыла огромная черепаха. Она-то на своих плечах и подняла со дна озерного истерзанный раками труп святого мученика. И черепаха, и рак, и человек — все питаются тухлятиной. Все с инстинктом собирателя.

«Похоже, стремление искать, классифицировать и коллекционировать идет от инстинктивного следования образу жизни предков», — разглядывал Омар усыпальницу Балык-Малика, которому, по преданию, рыбы и птицы приносили драгоценные камни.

А что бы он делал, приносили они ему всякую хрень? Чилим вспомнил про одного знакомого, который собирал сломанные указки и получал не-

сомненное удовольствие от каждого нового экземпляра. А коллекционеры орхидей, готовые отправляться за предметом своего вожделения на край света в непролазные джунгли? А женщины, выращивающие комнатные цветы? А мужчины, к коим Омар причислял и себя, коллекционирующие женские сердца? А солнцеликие, что не желают выпустить из своих рук власть, получая все новые виды лести и славы?

Солнце. Чем выше оно поднималось, тем жарче становилось Омару. В гостинице в это полуденное время он, принимая душ через каждые полчаса, спасался вентилятором и кондиционером. А здесь, возле воды, создавался паровой эффект, и Омар ощущал себя лягушкой, меняющей кожу, — так расширились его поры и потело горло. Нестерпимо хотелось пить и больше не чувствовать липкость всего тела.

Не выдержав, Омар решил искупаться и ополоснуться в озере, хотя никто из посетителей парка в нем не купался. Омар уже снял рубашку и начал расстегивать штаны, когда на другом берегу появилась девушка, дующая на воду. Волны, подгоняемые ее дыханием, доходили до пальцев ног Омара, передавая сердцу легкую тревогу.

Стремглав бросившись к девушке, Омар не бежал, а летел, как птица, но, к его искреннему сожалению, когда он облетел пруд, девушки уже и след простыл. Только облаком поднимался пар от встревоженной поверхности озера, словно от горячего молока. И бешено на уровне сердца раскачивался фотоаппарат.

6.

«Надо было рвануть к ней напрямик через озеро!» — сокрушался Омар, понимая, что инстинкт человека, остерегающегося водной глади, не так-то просто преодолеть.

Однако не бывает худа без добра. Резко остановив свой полет, Омар камнем приземлился в собственный сон и вспомнил, о чем его умоляла птица. Она просила заступиться за своих птенцов, еще не вылупившихся из яиц. За зародышей розовых скворцов, желтковая масса которых идет на смазку голосовых связок одной оперной певицы. А белковая — на кремовую маску для ее белоснежной кожи.

Второй раз за утро Омару пришлось вспомнить Диву. Безусловно, это она ультразвуком своего божественного голоса прервала полет черных дроздов, и это она питает свои связи зародышами розовых скворцов. Яйца птиц в гнездовьях окрестных гор для Примы собирает ее черный слуга с розовыми ладонями. Закир так искусно и ловко карабкается по скалам и деревьям, что его умение уже грозит

популяции целого вида. И вот птицы решили обратиться к Омару как к работнику благотворительного «зеленого» фонда по защите природы — с просьбой избавить мир от злой женщины, которая черной завистью завидует их умению петь.

«О, Прима, — вздохнул Омар, — как ты можешь быть столь жестока к большеротым пташкам? Даже не верится, что в твоей груди рождаются звуки, услышав которые ни один человек не в состоянии избежать прилива любовных чувств к окружающему миру.

Интересно, откуда исходит этот волшебный тембр: из недр пышного тела или от внутренних стенок раковины розовой гортани? — Начав грезить о Приме, Омар уже не мог остановить полет своих фантазий. — Ведь ее горло — словно пещера в глиняном обрыве, которую выкапывают зимородки и ласточки для разведения потомства. И яйца она принимает внутрь регулярно, чтобы из нутра вылуплялись звуки столь совершенные и завораживающие...»

Так он промечтал до часа назначенной аудиенции, потому что сладкие греховные мысли навалились на Омара скопом. И потом, он все еще надеялся, что черная полоса рано или поздно должна будет смениться белыми простынями, и, возможно, уже сегодня он заберется в теплое гнездышко Дивы, утепленное нежными мягкими перьями перины, шелковистым волосом и нитью.

7.

«А если черная полоса не прошла, быть мне скрученным черными руками слуги Дивы», — заключил Омар, когда Закир приоткрыл перед ним массивные створки железных ворот, словно играючи распахнул легкое пластиковое окно. Играючи в том числе и мускулами. По его прыти и не скажешь, что он евнух. После, характеризуя слугу, Дива заметит, что основное достоинство Закира не в силе рук и ног, а в их ловкости. Ни один вор не сможет забраться на стену так же стремительно, как Закир, а значит, не сможет ускользнуть с украденным, ведь Закир учился технике лазанья по деревьям и скалам у обезьян. Он был лучшим в своем племени охотником на птичьи головы.

Впрочем, молчаливый верзила Закир встретил Омара у порога с подобающим человеческим уважением, склонив голову и прижав руку к груди, а затем проводил гостя внутрь дома.

«Этому он уж наверняка научился в Кашеваре», — решил Омар, разглядывая огромный дубовый стол, украшенный свечками-фонтанами со стекающим фиолетовым воском, что находился в центре миртового двора.

Посуда — отполированное до лунного блеска серебро и отлитый из стеклянного шара солнца фарфор — состязалась в роскоши сияния на нежных барханах скатерти и салфеток.

Не успел Омар восхититься европейской изысканной сервировкой, как появилась и Дива в длинном роскошном вечернем платье. Вначале Прима Дива слегка наступала на его подол носками туфель, делая декольте еще более головокружительным, а походку в прямом смысле сногшибательной.

Звон каблучков был настолько высок, что Омар представил себе туфли на тончайшей шпильке. Казалось, Прима на цыпочках подкрадывается к дыням и арбузам, рядами выложенным на паркете. Она высоко поднимала ногу и выкидывала длинный носок вперед, словно перешагивая крупные плоды. Чтобы не упасть, Диве приходилось время от времени приподнимать подол и оголять щиколотки.

8.

Может быть, из-за столь откровенного наряда разговор вначале не заладился. Диве было неудобно, а Омару стыдно. Впрочем, Прима на правах хозяйки первая взяла в руки вилку и ножик и начала потрошить поданную птицу, параллельно расспрашивая Омара о впечатлениях от поездки, мол, как ему, путешественнику и ценителю, показался их провинциальный Кашевар.

Омар отвечал односложными фразами. Рассказывать о своей печальной участи он считал излишним. Гораздо более подходящим в данной ситуации было делать комплименты. И Омар на них не скупился, услаждая уши певички, в которых красовались две вызывающие по величине и красоте жемчужные сережки, словно две двойняшки-близняшки: Дурри-Меншуре (рассыпчатый жемчуг) и Дурри-Масфufe (собранный жемчуг).

«Одна обладала взбалмошным характером, а другая была влюблена в принца Бирюза», — вспомнил Омар книгу, уже не понимая, что он здесь делает и зачем он настоял на этой аудиенции, так ему было неловко от всей роскоши, окружавшей их.

Но тут Дива, свернув с тропинки ничего не объявляющего разговора, сделала первый неожиданный шаг навстречу откровенности, нагнувшись к гостю настолько, что из лифа платья показались белые гнезда на вершинах сопок.

Засмутившись, Омар опустил взгляд на паркет, где между грядками бахчевых притаились царственные львы.

— Вы должны мне помочь, — прошептала она волнительным голосом, приблизив свои губы так близко, что они загородили прекрасный пейзаж.

— Я? — удивился Омар, все еще разглядывая дыни и арбузы на паркете.

— Да! Вы человек в этом городе новый. Приехали совсем недавно. Наша встреча носила случайный характер. Так что вы единственный из моих поклонников, на кого я могу положиться.

9.

Она не говорила, а пела, как птица, и ее голос выходил за пределы человеческого слуха настолько, что его слышали даже рыбы. По крайней мере, сердце Омара в предчувствии страшного потрясения рыбой затрепетало в протоках крови.

— Да? — еще раз удивился Омар. — Вы правда так считаете?

— Все дело в том, что... — продолжила Дива. — ...мне кажется, как это ни глупо звучит на первый взгляд, что меня хотят убить!

«Как странно, — подумал Омар, — меня тоже». Но даже сходство ситуаций не могло приглушить удивления гостя:

— Убить вас? За что?

— Не за что, а почему. Это длинная история. Когда-нибудь я расскажу ее вам. А сейчас вы должны поверить мне на слово и попытаться помочь.

— С превеликим удовольствием, — поспешил заверить в своей преданности прекрасную Диву гость, но Прима, опережая Омара, прижала палец к губам — мол, тсс, времени мало.

— Сейчас к нам присоединится один очень уважаемый и влиятельный человек. Я вас прошу: внимательно следите за ним и запоминайте, если вам вдруг что-нибудь покажется странным... Мне очень важно знать его истинное, не наигранное отношение ко мне. А для этого необходим свежий взгляд не ангажированного человека, — пропела Дива, делая упор на словах «уважаемый», «не наигранное» и «ангажированного».

«Она берет свой божественный голос прямо из глубин морских. Путь ее голоса проложен тройкой морских коньков, они тащат его в три разные стороны-октавы», — подумал Омар, когда утихла вибрация его сердца и фужеров.

10.

Памятуя о сегодняшнем сне — а вдруг это розовый скворец? — к птице Омар не прикоснулся, хотя и был ужасно голоден.

А Дива знай себе орудовала приборами, расщепляя розовое мясо на тонкие волокна. Она заглатывала кусочек за кусочком, запивая плоть красным вином. Глядя на Диву, Омар видел, как двигаются

не только ее жемчужные зубы, но и жемчужные сережки.

«Из этих волокон мяса можно было бы сплести нить для охотников за Минотаврами и протянуть ее до лабиринтов Петербурга, она бы помогла мне, как нить Ариадны, выбраться из Кашевара», — забавлял себя Омар, пытаясь подавить приступ слюноотделения и скрыть свое явное неудовольствие, что на их интимный, как можно было рассчитывать, ужин приглашен еще один гость.

Не успел Омар справиться с собой, как слуга Закир возвестил о появлении еще одной персоны.

— Ваш верный друг, сударыня, — представил он его на восточный манер, в то время как из-за спины Омара уже показалась благородная борода гостя в стиле Генриха IV, — и ваш мудрый учитель собственной персоной.

— Проходите, проходите, — встала навстречу другу и учителю донна Прима. В эту минуту — вот оно, западное коварство — она протянула руку для поцелуя. — Проходите, наидражайший Гураб-ходжа!

Поняв, что гостем номер два оказался не кто иной, как преследователь гостя номер один, Омар-бей поперхнулся собственным страхом. В придачу он чуть было не упал со стула — но его выручила вилка-трезубец, схватив которую Омар быстренько пригвоздил неистово дрожащий на тарелке лист салата, — так тряслись его колени, — а заодно и пригвоздился сам.

Глава 3

Предчувствие Мадагаскара

1.

«Давайте лучше поговорим о Вас».

Что же, обо мне так обо мне. Я молодой да холостой. Не женатый, но жженный. Как сказал мне водитель маршрутки, две недели на печи да на полатях, две на шабашке с утра до ночи по пробкам, и уже скоро с пробкой в сердце. Вот-вот инфаркт, и столько энергии впустую. Бензин и озон. Работа пыльная, двое через двое. Это выяснилось во время разговора.

— Верить, нет, не сложилось, и все тут, — объяснял водитель, нервно передергивая рычаг коробки передач, когда я спросил его о жене.

И это несмотря на то, что девушки сходят с ума по лихачам, а еще — подмечаю я про себя — так любят красить губки на переднем сиденье, чувствуя себя королевой, властительницей мира: хочешь — поедem туда, а хочешь — мы уже в другом месте. Во-

дитель хотя бы автомобильный, а я просто мобильный. И весь вечер мои ноги работают как поршни, а когда ноги как поршни, о другом поршне даже не задумываешься. Он простаивает без смазки.

Пределом моих мечтаний было — не таскать девушек на горбу, а сидеть с ними рядом, как водители кебов. Сидеть и разговаривать на равных.

А тот водитель оказался еще тем ковбоем. Лих, даже чересчур, чересчур. Подрезает-поджигает-выдавливает. Резину на ходу меняет. Тротуар ему проезжая часть, бордюры ему не шлагбаум. Эй, папаша, потише.

— Проскочишь? — показывая на щель между двумя «тойотами». И хрипло смесь: — Давай, дави ее, бабушку.

Да, с таким проскочишь где нужно. Где надо — не пропадешь. Он живота не пожалеет, подставит бок в случае чего. Заслонит родимой кормилицей от любых дрызг, невзгод и наездов. И чего, казалось бы, девушкам еще надо, о чем они думают и мечтают, когда сидят на стольких лошадиных силах?

2.

— На что ты сейчас смотришь? — спросила меня девушка в переписке. Видимо, от нечего делать.

— На книги, — ответил я, потому что кругом были книги.

— О-о-о!!! У тебя много книг? — спросила она.

— Целая стена, — написал я как есть.

— Порадовал! Неожиданно! — улыбнулась она. — Ой, а у тебя есть самоучитель по шахматам? Давно мечтала научиться.

— Да я сам умею неплохо играть.

— Научишь как-нибудь?

— Ну конечно, заходи в гости!

— А шахматы у тебя есть?

— Есть! — даже не оглядываясь, отвечал я. Уж шахматы я всегда могу купить. И потом, когда сердце стучит двести ударов в секунду — бешеный ритм, — и когда ты сидишь в мягком кожаном, словно автомобильном, кресле, а на мониторе, как в зеркале заднего вида, — прекрасная улыбка обворожительной красавицы, чувствуешь себя настоящим мачо и мчишься навстречу судьбе, не оглядываясь по сторонам.

— Приходи в гости, — продолжал давить я на педаль газа.

— Я не могу сразу же идти в гости к человеку, которого никогда не видела. Может, встретимся сначала на улице и сходим в кино?

— Договорились! — утопил я педаль до упора. — А когда? Давай сегодня на Большой Конюшенной в пять вечера?

— Хорошо, я приду, — и опять лучезарная улыбка :))) — Мой номер ....., позвони мне, если захочешь.

Впрочем, прежде чем позвонить Кэт, я набрал номер Мухи и сообщил, что не приеду ночевать и сегодня. Я так сделал, потому что знал: я готов проболтать с Катей все деньги.

3.

Я так увлекся разговором, что совсем забыл о работе. Ничего, это еще полбеды. Сошлюсь больным, прикидывал я, а напарники только обрадуются моему отсутствию. Эти балбесы с радостью подменят и поднимут дополнительные бабосы. Главная для меня проблема состояла в прикиде. Как только мы договорились о свидании, сразу встал вопрос, в чем я на него пойду. Не в мокрых же штанах. До вечерних зорь было еще полдня, и я сидел у окна с крупными каплями на стекле, закутав нижнюю часть торта толстым махровым полотенцем.

И тут вдруг из-за туч проглянуло солнце, и меня осенило, что я примерно одной комплекции с владельцем квартиры. В следующую секунду я уже катил по ролам дверь встроенного во всю стену шкафа. Дверь была массивной, но и мне не привыкать катать тяжести, даже если с той стороны — десятки джентльменов с отсутствующими для рикши лицами. Десятки вытянувшихся в струночку дорогих костюмов на расправившихся плечиках. Они смотрели на меня с таким высокомерием и чувством собственного достоинства, аж дух перехватило. Я дотрагивался до дорогой ткани рукавов, как нищий, одергивающий богатого господина. Кашемир и стоцентная шерсть «фешембельных» английских и итальянских костюмов обжигали мне пальцы.

На внутренней стороне пиджаков виднелись имена владельцев: Дольче Габбана, Адам Смит, Армани, видимо, для того, чтобы господа не потерялись в темном мире шкафа. Так в детском саду подписывают одежду малышей.

Следующие два часа пролетели за знакомством. Кристиан Диор, Гуччи, Этро. Примеряя костюм за костюмом, сорочку за сорочкой, я видел, как на глазах преобразается мое лицо. Поистине не человек влияет на среду, а среда на человека. И права была моя мамочка, увещевавшая меня всю жизнь не связываться с плохими компаниями, а постараться сдружиться с приличными мальчиками. Такое общение явно облагораживает.

Я снова поймал себя на мысли, что внешне стал похож на богатого господина. Изысканный и плотный твид, шерстяные брюки, гладкие шелковые галстуки. Какое наслаждение мне доставляло при-

мерять новые и новые сорочки и пиджаки всевозможных оттенков и понимать, насколько выразительными становятся мои глаза. И насколько я сам становлюсь неотразим.

Я одевался, вспоминая, как были одеты мои дорогие клиенты, которых я подцеплял у театров и ресторанов.

Только вот с рубашками выходила незадача. Многие из тех, что подходили к тону моей кожи и цвету пиджаков, были с такими длинными — по колону — плотными манжетами без пуговиц, хотя прорези для пуговиц в наличии были.

Пока такие рукава будешь засучивать — полдня пройдет. Теперь понятно, почему у господ такие нежные руки. Еще бы, единственное, что могло натереть им мозоли, — это купюры. Розовые, зеленые, синие евро.

В конце концов, я остановился на рубашке от Адама Смита в бледно-оранжевую полоску, светло-зеленом галстуке и темно-брусничном костюме. Безвкусица, конечно. Но зато пятьдесят, сто и пятьсот евро. И ничем не хуже напыщенного Элиота.

4.

Итак, я был одет на все шестьсот пятьдесят и имел дорогой телефон. Осталось иметь хотя бы грош в кармане. Конечно, у меня были некоторые сбережения, спрятанные в матрасе и под половиком в комнате рабочего общежития. А с собой у меня было то, что кот наплакал. Видимо, не зря я вспомнил про Элиота. Его-то ведь можно кормить и попроще, по старинке, как кур в деревне, — рыбкой, пойманной в реке. У дяди же едят, ничего, и этот сожрет.

Я стал судорожно искать на стеллажах оставленные деньги. И прежде, чем я их нашел, мне удалось обнаружить часы «Ролекс», массивный флакон духов с феромонами, кожаное портмоне с правами и прикрепленными к этому же портмоне ключами на брелке и даже бархатистый иссиня-черный футляр. Неужели с перстнем или печаткой? — екнуло сердце.

Но в футляре лежали сережки не сережки, клипсы не клипсы с инкрустированным агатом. Я долго пытался сообразить — неужели мой невольный благодетель носит эти клипсы? А может, он гей, по вечерам наряжается в женское белье и отправляется в гей-клуб?

Покрутив непонятный предмет в руках еще раз, я понял, что вот именно этими конструкциями с блестящими камешками и застегиваются рукава рубашки. Через минуту я полностью сменил свой наряд. Теперь на мне были скромные серая рубашка от Версаче и черный костюм от Кляйна.

Все — я готов идти на свидание с красивой девушкой. Такой шанс предоставляется только раз в

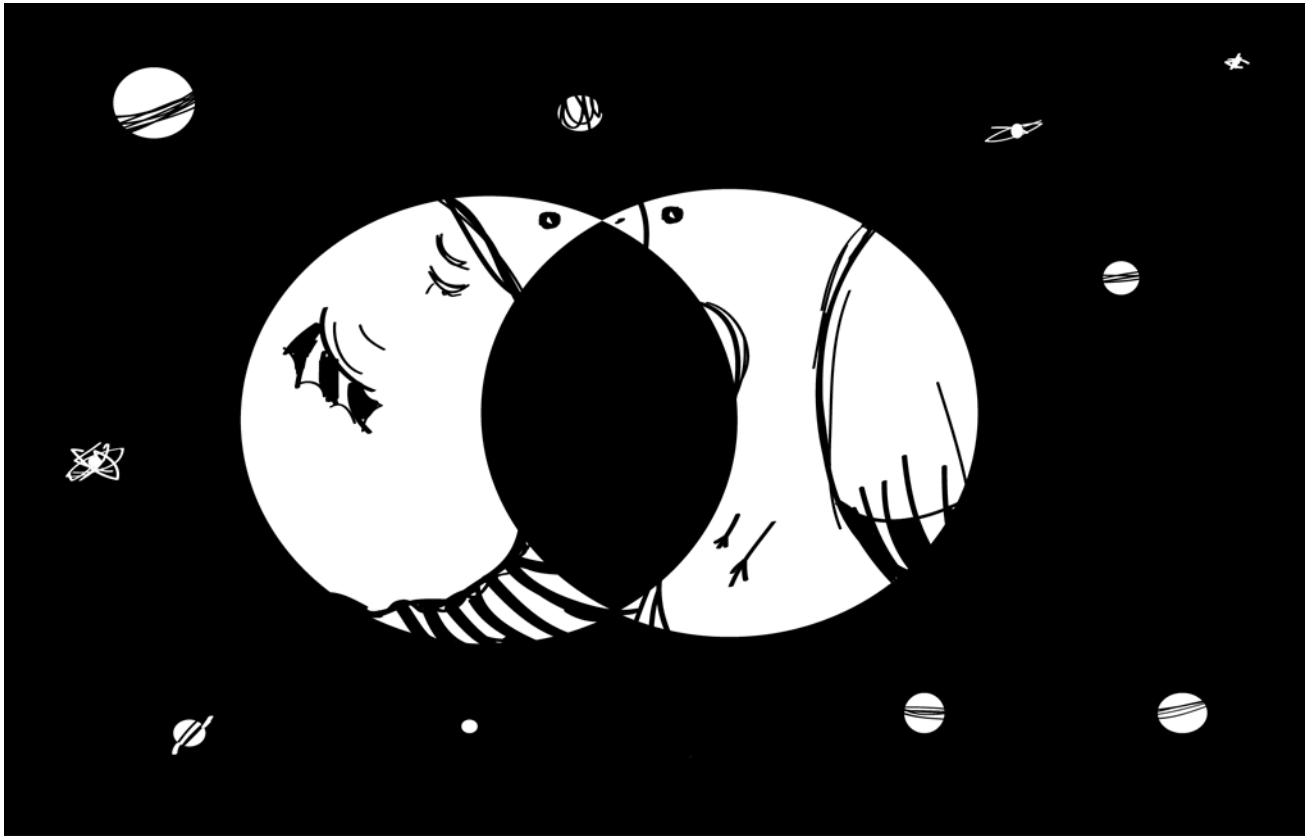

Рисунок Елизаветы Горячевой

жизни. Я чувствовал себя выигравшим школьный жестяной кубок, на котором выгравировано: «Победитель ралли Краснобогатырского района». И пусть ралли проходило между двумя деревьями, а машинами были разбитые «жигули» и «запорожцы» — это уже не имело никакого значения. На этот раз я был на коне, а не конем.

И скрипучие лакированные темно-красные ботинки из натуральной кожи, которые я нашел в раскладывающемся стеллаже для обуви, были словно подтверждающее это скрипучее седло.

При полном параде, пробуя обувь, я прошел по мягкому ворсу ковролина. Попугай, спрыгнув с насиженного места, бросился к моим ногам и подергал клювом за шнурки. Признал, скотина, хозяина.

5.

При полном параде, в рыжем замшевом макинтоше, я сел на край ванны и заглянул в овальное зеркало.

— Боже, — пронеслась первая мысль, — кто это?

На меня сквозь затемненные очки глядел вылитый мой хозяин.

В разговоре с Кэт я признался ей, что совсем недавно на сайте знакомств, и она, вводя меня в курс дела, сообщила, что, в общем-то, на этом сай-

те есть вполне нормальные, обычные люди, которым трудно познакомиться в реале. Есть много и крутых бизнесменов. Но полно и врунов, выдумывающих себе новые образы. Они преувеличивают свои способности и приписывают себе превосходные качества, то есть в виртуальной реальности пытаются прожить жизнь, которая им никогда не светит. В общем, закомплексованные людишки на сайте раскрываются на полную катушку и осуществляют свои фантазии.

Но это совсем безопасные элементы. Потому что есть и такие, продолжила Кэт, которые реализуют здесь свои грязные инстинкты. Свою животную, дикую сексуальность, которую вынуждены подавлять и прятать. Патологию, выходящую за границы общепринятых норм.

— А я кто? — глядел я на отражение Грегора Стюарта. — Виртуальный врунишка, что накинул на себя не свойственный мне прикид, и вперед, с песней — осуществлять свои тайные желания о богатой, красивой, самодостаточной жизни? Лицемер и мунафик, не имеющий собственного «я» и стального стержня? Или одинокая лошадь, вынужденная в общении с прекрасной девушкой маскировать и скрывать желания и фантазии жеребца, а заодно и свою звериную, дикую сущность?

— Ничего, — махнул я на свое отражение, — при случае я во всем признаюсь и все всем объясню.

Я вошел в образ, в раж, и меня уже было не оставать. Я так разошелся и разгорячился, что, сорвавшись с места, в нетерпении начал ходить кругами по комнате. Даже не ходить, а бегать, то и дело глядя на минутную стрелку на часах, словно замеряя скорость. Казалось, в эти минуты не только я, но и стулья и столы в моей квартире прыгали — тик-так — вместе с моим сердцем. Когда же условленный час пробил, я подошел к окну и увидел свою новую знакомую внизу — в условленном месте. Эта милая девушка была на редкость пунктуальна. Ничего, пождет немного. Я специально назначил ей свидание под окнами моего нового жилища. Должен же я был хоть раз в жизни попробовать использовать свое высокое положение.

Через минуту, поигрывая ключами, я сбегал по лестнице старинного дома. Я решил взять с собой кожаное портмоне с ключами от авто, что так подходило по цвету к коже моих ботинок и к серебру моих запонок.

Глава 4

Агент влияния

1.

Поздоровавшись с Омаром кивком головы, Гураб-ходжа — «пуф» — уселся на самонадувающийся, как в чудо-тягачах, накрытый антицеллюлитным ковриком пуфик. Статный мужчина лет сорока пяти, с аккуратной бородкой и благородной сединой, с европейскими манерами и без тюрбана на голове, он производил впечатление отнюдь не фанатика, а филолога.

— Разрешите вам представить друг друга, — предложила министр иностранных дел, — если вы, конечно, еще не знакомы.

— Нет, — покачал головой министр внутренних дел.

— Хотя я уже о вас слышан, — поспешил перехватить инициативу Омар. А иначе Гураб-ходжа быстро догадается, что Омар это и есть Омар. — Говорят, ваши сторонники бесчинствуют в городе? — по праву первого гостя задал первым вопрос Чилим.

— Не так уж они и бесчинствуют. Особенно после того, как с Черного пруда у белой усыпальницы Буль-Буля Вали пропал один из лебедей. Можете себе представить: виновником оказался не кто иной, как один иностранец-контрабандист. Он распотрошил лебедя и набил его духом себе подушку.

— Но зачем? — знаком вопроса нагнулся поближе к гостю Омар.

— Затем, — сказал Гураб-ходжа, — что он, как и многие, одержим идеей сокровищ, о которых знал только Посвященный Балык-Малик.

— Сокровищ? Каких еще сокровищ? — теперь уже две брови Омара выгнулись в вопросительные знаки.

— Ну, разумеется, для нас, последователей Буль-Буля Вали, самыми главными сокровищами являются его знания о снах, человеке и природе.

— О природе человека, вы хотели сказать?

— Человека, рыб и птиц. Ведь природа человека напрямую связана с миром рыб и птиц. Птицы приносят нам мечты, а рыбы сны. С птицами связано будущее человека. Полеты на Луну и Марс. С рыбами — его прошлое. Но думаю, иностранца вряд ли заинтересуют такие возвышенные вещи, как учения Буль-Буля Вали или проекты полета на Марс. Скорее, его интересовали более меркантильные вещи, а именно бубульгум и сникерс.

2.

— Бубульгум? Сникерс? Что это такое? — широко улыбнулся Омар, будто впервые слышал чудачивые названия. — Это местные диалектические слова?

— Как, вы не знаете? Это же такие красивые обертки, — парировал иронию Омара Гураб-ходжа, — обертки для воздушных пузырьков, как говорится в одной рекламе шоколада. Фантики вроде тех, что без ограничения выпускаются резервной системой США. А если вы спросите, зачем эти фантики нужны, я отвечу: их печатают, чтобы обменять на настоящие ценности — нефть, золото и драгоценные камни.

Для товаров массового потребления нужны новые рынки сбыта. Согласитесь, лучшего «клиента», чем страны третьего мира, готовые проглотить любую жвачку, не найти. Колониальные державы ушли из своих колоний только на словах, а на самом деле они продолжают там присутствовать и совершать обмен природных и земных ресурсов на бубульгум.

— Вы хотите сказать, что вас хотят колонизировать?

— Уже колонизировали, разрушив промышленное производство и почти полностью стерев культурное наследие, — продолжил Гураб-ходжа свой ликбез. — Когда-то, до появления у нас англичан и американцев, усыпальницы всех святых были украшены драгоценными камнями. Их было больше, чем на знаменитом Тадж-Махале, гораздо больше тысячи единиц. А потом, в одночасье, все драгоценности как сквозь воду провалились. И существует поверье,

что Буль-Буль Вали знает, где камни, и посылает эти знания через двери сна и язык зверей. Ведь сны — как лунные приливы и отливы.

— Ну и вы, конечно, думаете, что во всем виноваты американцы?

— Ну разумеется. Точно так же они поступили и с сокровищами Ирака. Теперь то там, то здесь на частном рынке антиквариата и искусства США появляются музейные экспонаты Багдада. Причем так грабительно Запад с Востоком обходится не первый раз. Достаточно побывать в берлинском Пергамон-музее и посмотреть на фрагмент вавилонской стены или целые михрабы из Коньи и Исфахана.

Омар слушал тирады Гураба-ходжи, ловя себя на мысли, что чай с бергамотом, который они пьют, привезен с Цейлона. А упаковка по росписи не уступает вавилонским стенам.

— Хорошо, что им не пришлось в голову перетаскать в Берлин усыпальницу Буль-Буля Вали, — продолжал Гураб-ходжа, — а то мы были бы вынуждены ездить на паломничество на берега Рейна.

— Откуда вы так хорошо знаете музейные коллекции Берлина? — на этот раз настал черед удивляться Диве Приме.

— Как же, как же, моя дражайшая сударыня! Мне ведь тоже в свое время удалось попутешествовать!

3.

— А с чего вы взяли, что Буль-Буль Вали посылает свои знания через двери сна и язык зверей? — ухватился за слова гостя Омар, потому что в последнее время несравненно больше его стали интересовать сны, чем реальность.

— А вы не слышали легендарную историю о бедном Хабибе и его бездетной жене, которая забеременела лишь в пятьдесят пять лет сразу пятерыми младенцами? Местные врачи предложили женщине сохранить жизнь двум младенцам, а троих умертвить. Большого они гарантировать не могли. И конечно, Бибиб-ханум не могла пойти на детоубийство. Она принялась искать решение проблемы по всему миру, и вот врачи из Лондона согласились взять все хлопоты на себя без умерщвления зародышей. Но на роды в английской клинике требовались большие деньги, и это не говоря уже о перелете на Туманный Альбион. И тогда Хабиб-бей взмолился, и в эту же ночь во сне к нему явился Балык-Малик в виде рыбы и поведал о драгоценном камне. Туманным утром следующего дня Хабиб отправился на рыбалку и на дне ручья, впадающего в озеро святого, нашел один из экземпляров великой сокровищницы Буль-Буля Вали — алмаз размером с птичье яйцо.

— И что, это помогло бедным старикам обрести наконец долгожданного ребенка? — сжала руки перед грудью Дива, как она делала, когда пыталась взять самую жалостливую ноту.

— Нет, — поспешил ответить за ходжу Омар, он был убежден, что старикам обзавестись ребенком могли помочь только медицина и наука клонирования.

— Сразу пятерых, — поправил Диву Гураб-ходжа. — В некотором роде им это очень помогло. Ибо на полученные от сдачи алмаза двадцать пять процентов Хабиб выкупил у кашкачи¹ набор серебряных ложек и вилок, в который помимо чайных и столовых входили еще ложка для стоптанных башмаков, лопатка для кремowego торта и щипцы для колки сахара. Эти приборы и пригодились при рождении малышей, так как роды проходили очень туго.

— Что?! — хором воскликнули удивленные слушатели.

— Шутка, шутка! — поспешил развести руками, громко смеясь, Гураб-ходжа. Вот такие у него были шутки. — Я всего лишь хотел показать, как это неэстетично — на европейский манер тыкать вилками и ножами в плоть. Уж если есть мясо, то руками.

4.

— А где он сейчас? — решила сменить тему впечатлительная Дива.

— Если вы имеете в виду Хабиба, то ему досталась почетная должность смотрителя усыпальницы. После того случая он стал очень набожным. А если вы про драгоценный камень, то он в вашей сокровищнице. Его у харчевника Хабиба выкупил эмир Кашевара, чтобы подкупить ваше сердце. Надеюсь, когда-нибудь, — здесь Гураб-ходжа глубоко вздохнул, — моя дорогая сестра, вы пожертвуете его нашему братству мутаборитов.

— Опять вам не дает покоя моя шкатулка, — смущенно заулыбалась ртом в тридцать два карата Прима.

В это время как раз подавали десерт. Закир ставил на стол дрожащее персиковое желе в широких вазочках, сладкий апельсиновый шербет, медовые шарики с грецкими орехами. А еще — груши в нежном бисквите, миндальное мороженое, посыпанное абрикосовой стружкой, и королеву всех угощений — золотую пахлаву.

Омар, так и не отведавший за весь ужин ни рыбы, ни мяса, с отвращением посмотрел на яства. Его организм, содрогнувшись, отказывался прини-

¹ Кашкачи — ложечник.

мать сладкое на голодный желудок. Он предпочитал вернуться к затронутой под стук вилок и ножей теме:

— Все-таки мне не совсем непонятно, как вы, человек с европейским образованием и вполне европейскими манерами, можете так спокойно верить во все эти бредни и сказки а-ля «Тысяча и одна ночь»?

5.

— Не вижу, какая тут может быть связь, — после взятой паузы продолжал разжевывать Гураб-ходжа. — Отчего же мне не верить? Я охотно в них верю и при этом охотно пользуюсь вилкой и ножом при разделке, но только овощей. И поверьте, одно другому не помеха. Вера в Единого и Всемоущего никак не связана с предметами обихода и даже ритуалами. Это, знаете ли, вещь, немногим европейцам доступная и понятная.

— Меня больше интересует другой момент, — сказал Омар. — Скажите, откуда у святого может быть столько драгоценных камней?

— А откуда в наших тарелках сейчас эта баранина и эта гусятина? Да-да, правильно, нам ее послал Всевышний. Точно таким же образом, видимо, Буль-Буль Вали получил свои драгоценности в награду за веру.

— Ну зачем святому камни? Разве деньги — не часть земного мира?

— Разумеется, — парировал Гураб-ходжа, — но уверен, Буль-Булю Вали камни были посланы не в личное пользование, а для общего блага. Он хотел через алмазы помочь всем страждущим и нуждающимся в Кашеваре. Таким, например, как бичура Хабиб. И потом, может быть, все дело в том, что камни — всего лишь знак свыше. Ибо даже из священного писания мы знаем, как насекомые и хлеба однажды превращаются в камни.

— Но эти превращения были бичом Божьим!

— Ну и что тут такого? — спокойно пожал плечами, продолжая разделять огромного белолобого гуся, прилетевшего в леса Кашевара с самого Сахалина, Дива. — Были бичом, а стали наградой!

— Так не являются ли камни, посланные Буль-Булю Вали, наказанием, а не наградой? — задал вопрос Омар лишь потому, что все несчастья свалились на него, стоило ему начать во сне разговаривать с животными.

6.

— Такой юный, а уже скептик! — грозно блеснул глазами Гураб-ходжа, тут же превратившись в фанатика. — Вы что, хотите от меня узнать о планах

Всевышнего? Но я не могу знать Божьего умысла! Я могу лишь вместе с народом верить в нашего святого и его миссию! Что касается европейских ценностей, то западный человек, позиционируя себя как динамичного, прогрессивного, рационального, мужественного, одновременно приписывает Востоку, или «Ориенту», традиционное, отсталое, иррациональное, женственное, животное. То есть «Восток» западной идентичности — как раз отвергнутая часть его самого, дикари, невежды, звери. Это стало идеологической основой для колониального подавления «отсталых» народов, которые еще дадут Западу фору в духовном и нравственной развитии.

— Так уж повелось, — возразил Омар. — У людей с Востока есть недоверие и презрение к людям Запада. У людей с Запада презрение и недоверие к людям с Востока. Но не хотите же вы, со своим фанатизмом, сделать из Кашевара очередной Афганистан при талибах?

— А вы, должно быть, хотите, чтобы у нас был такой же хаос и безвластие, как в Афганистане при Карзае. Оно и понятно — теория управляемого хаоса, когда можно через агентурную сеть и наркомафию влиять на ситуации. Талибы, да будет вам известно, уничтожали героиновые плантации, а при Карзае наркоторговля расцвела. Так что еще надо посмотреть, что лучше для России и Европы.

— А еще я слышал, что преследуемый вашими людьми иностранец — россиянин, к тому же, кажется, восточного происхождения. — Омар не хотел вязнуть в абстрактных политических спорах, так как больше беспокоился о своей шкуре.

— Предатели и агенты чужого влияния нам не нужны. Их и так развелось слишком много! — с намеком на Омара и Диву заключил министр. — А все чтобы совершить переворот в Кашеваре, поставить своих людей, разместить военные базы и спокойно готовиться к войне против Ирана. Что касается России, то ее используют в многоходовке, как и Кашевар, предоставив какие-то театральные атрибуты самостоятельного игрока в регионе.

Омар смолчал, ожидая следующего хода Гураб-ходжи, но тот не спешил продолжать распространяться насчет драгоценных камней.

— Я бы с удовольствием разубедил вас в ваших заблуждениях и доказал, что вы глубоко неправы в своем скепсисе. Но, к сожалению, мне уже пора домой. Сладкое на ужин очень способствует сладкому сну, который так нелегко отогнать. Напоследок лишь предложу: побольше доверяйте гласу простого народа, что верит во все блаженные, по вашему выражению, сказочки. Ибо все люди из народа обладают святостью, которую в себе и не подозревают.

Потому что они наивны и не знают приемов манипулирования.

7.

С этими словами Гураб-ходжа встал из-за стола и степенно раскланялся с Омаром и Дивой.

— Уже уходите? — разочарованно спросил Омар, потому что у него была масса вопросов к Гурабу-ходже. Но теперь ему ничего не оставалось, как прочесть молитву благодарности за гостеприимную хозяйку и пожелать спокойной ночи дорогому гостю.

Прима пошла проводить министра, как показала Омару, снова на цыпочках. Они удалились, а Чилим задумался, кем же он оказался здесь, на Востоке? Мужественным и рациональным агентом влияния или глупым и слабым загнанным зверьком? Кто он на самом деле? Что из себя представляет?

— Ну что, — бросилась она к Омару, не успел Гураб-ходжа скрыться за массивными воротами гостеприимного дома, — что скажете? Смотрел ли он на меня с ненавистью и презрением или с преданностью и участием?

Эта трепетность Дивы вывела Омара из себя. Ему было очевидно, что он лишь инструмент в руках влюбленной женщины. Глупец, зачем он спал на голой земле с кислыми муравьями в надежде на сладкий привкус паркетных дынь?!

— Определенно, он недолюбливает все западное. Видимо, ему очень несладко пришлось в студенческие годы! — предположил Омар, резко вставая из-за стола. — Но давайте говорить начистоту: Гураб-ходжа — ваш любовник?

— Как вы могли такое подумать? К сожалению, Гураб-ходжа не интересуется женщинами.

— Не хотите же вы сказать, что он приходит к вам на ужин лишь потому, что видит в вас друга, а говоря эзоповым языком древних греков — мужчину?

— Нет, не хочу. К сожалению, Гураба-ходжу волнуют лишь тайны. И интересы своего южного клана. Вы уже, наверное, знаете, что вся страна поделена между северным и южным кланами, они же прозападная и провосточная партии. Кругом мздоимство, произвол чиновников и кумовство. А Гураб-ходжа все ищет, что еще можно оттяпать и кого еще можно подкупить и переманить. Иначе он давно бы расстался со своей тайной сыскающей полицией.

— Не думаю, что существует загадка более чарующая, чем вы и ваш голос, о представительница прозападной партии! — пытался подбить клинья Омар, так как после отповеди в адрес Гураба-ходжи надежда на благоприятное завершение свидания вновь вспыхнула в его сердце.

— Вы мне льстите, мой дорогой друг. Хотя, не скрою, мне приятно.

— Я не умею льстить, — настаивал на своей лести Омар.

— Не будем спорить, тем более что мне уже давно пора идти спать! — поцеловав Чилима в лоб, разомкнула объятия Дива. — Кажется, я и так вам чересчур много рассказала. Это все нервы. А чтобы нервы были в порядке, мне необходимо вовремя ложиться.

— Но как можно спать в такую лунную ночь?

— Если не можете уснуть, обратитесь к ювелиру-целителю Кундушу, его лавка находится на Сенном базаре. Он меня раз и навсегда избавил от бессонницы! — помахала рукой из-за спины надвигающегося слуги Дива, прежде чем черный торс негра заслонил загадочную лунную улыбку от глаз Омара.

Продолжение следует.

Ирина ОЗЁРНАЯ

Фото Юрлен

Ирина Озёрная — писатель, историк литературы и театра, биограф и исследователь творчества Юрия Карловича Олеси.

Родилась в саратовской семье литераторов. В 1978 году окончила филфак СГУ с дипломной работой «Концепция идеала в творчестве Ю. К. Олеси» и переехала в Москву.

Автор многих публикаций в российских и зарубежных изданиях. Сейчас пишет биографическую книгу об Олесе для серии «ЖЗЛ».

«Почему так много Олеси в «Юности» за последнее время?»

А. Кукушкин, г. Находка

Ирина Озёрная:

— Во-первых, как сказал главный редактор «Юности» Валерий Дударев, «Олеса того стоит». С ним бы не стали спорить и Ходасевич с Берберовой, великие парижские снобы, не признававшие советскую литературу, но страшно гордившиеся тем, что первые в 1927 году воспели «Зависть» в эмиграционной печати. Они не считали Олешу *советским* писателем. Кстати, и следующая волна эмиграции была с ними солидарна. Она, столь падкая на любую внятную «антисоветчину», резко не приняла Аркадия Белинкова, выехавше-

го в 1968-м из СССР под флагом рукописи еще не изданной книги «Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша». Книги не бес-таланной, но подлой, где автор, люто ненавидевший советскую власть, принес в жертву своего кумира, под-тасовав его творчество и судьбу ради концепции, обозначенной в заго-ловке. Но западники второй волны разбирались в «крапленых кар-тах», потому книга была издана только в 1976-м вдовой Белинко-ва в каком-то крошечном мадрид-ском издательстве, не печатавшем ни до, ни после этого русских текстов.

Во-вторых, изысканные произ-ведения Олеси, переведенные на все языки мира, в России извест-ны лишь литературным гурманам

(с «Тремя толстяками» народ зна-ком в основном по фильму Алексея Баталова). С 30-х годов Олешу не печатали, в конце 50-х начали по-немногу издавать, но тихо, не афи-шируя. В дозволенные 90-е он тоже не вписался, так как все бывший самиздат читать кинулись, а уж у те-перешней массовки «король мета-форы» вовсе не котируется, ведь для его понимания нужны богатства покруче материальных. А то, что «Юность» неоднократно расска-зывает об Олесе (действительно недавно, в № 4 за прошлый год, опу-бликовано мое эссе «Король и ска-зочник»), говорит лишь о достоин-стве и уровне журнала.

«Я... — МЫСЛЬ, ЗАРОДИВШАЯСЯ В ДЕТСТВЕ»

ЭССЕ

Происхождение короны для моих номеров

В детстве я на всех школьных вечерах читала со сцены «Смерть пионерки» Багрицкого: «Валя, Валентина, / Что с тобой теперь?..» Это было моим тогдашним ко-ронным номером. Именно с ним я пыталась поступить в знаменитый саратовский драмкружок Н. И. Сухо-став, привившей пожизненную арт-бациллу О. Таба-кову, В. Конкину, Г. Ротману, Б. Романову, Г. Яцкиной и многим другим, но меня не приняли. И, видимо от

обиды, я во все свое нерастраченное актерство души голосила под четыре аккорда гитары на всех наших старшекласных, а затем студенческих вечеринках: «И я была девушкой юной, / Сама не припомню ког-да; / Я дочь молодого драгуна / И этим родством я горда». Это стало вторым коронным номером моих детства-юности. Но я не знала тогда, что стихи Бернса пою в переводе все того же Багрицкого.

Горчичники в детстве я позволяла ставить себе исключительно под рассказы Зошенко про Лелю и Миньку, а когда в конце 60-х шла поступать в при- университетскую Школу юных филологов, мама тревожно предупреждала: «Если напишешь, что твой любимый литературный герой — Остап Бендер, университета не видать».

Вся эта замечательная компания писателей, вы- бранная мною с детства (или выбравшая меня?!) и представлявшая на тот момент круг моего предпо- читания, являлась в прошлом ближайшим окружени- ем Юрия Карловича Олеси и, как я теперь понимаю, готовила меня к встрече с ним.

Конечно же, я без конца перечитывала «Трех толстяков» и слушала по ним радиоспектакль с Ба- бановой, Яншиным, Литвиновым... Судьба даже ухи- трилась забросить меня, семилетнюю, на премьеру одноименной оперы Владимира Рубина, впервые поставленной — видимо, специально для меня! — именно в Саратове. И я даже помню свои ощущения и юную Галину Ковалеву в розовом игрушечном платье, с кукольным личиком и родниковым голо- сом. Она, по нынешнему признанию композитора — «лучшая из всех его Суок», тогда только что окончи- ла саратовскую консерваторию и спела эту партию практически накануне своего триумфального взлета.

Потом было восхищение «Завистью», «Лиом- пой», «Любовью»... Но конкретной причины, по ко- торой я незадолго до диплома на филфаке универси- тета — вдруг! — кардинально сменила все: кафедру, тему, эпоху, героя, то есть Достоевского, которым была очень увлечена, на Олешу, — не помню.

— Ну и номер выкинула! — недоумевали вокруг. Но я абсолютно уверена, что этот мой номер — тре- тий коронный! — вполне тянет на метаисторическое подтверждение того, что Ю. К., всю жизнь спорив- ший с Достоевским, выбрав, по неведомой причине, меня в свои биографы, выхватил в последний мо- мент мою профессиональную судьбу из рук мрачно- го классика. Правда, веселья и в творчестве Олеси маловато. Но зато свету хоть отбавляй.

А дальше моя судьба уже плотно сплелась с его: переезд в Москву из-за неинтереса Саратова к мое- му герою (родился не там); годы службы в ЦГАЛИ (нынешнем РГАЛИ), хранящем его личный архив; объединенность с Михаилом Левитиным на почве рукописей пьесы «Смерть Занда», завершившаяся изысканнейшим спектаклем театра «Эрмитаж» и моим многолетним завлитством в нем.

То есть я давно заметила, что моя жизнь неким мистическим образом контролируются Ю. К. Он сво- дит (да и разводит) меня с людьми по лакмусовым меркам интереса и любви к нему, писателю Олеше.

«Нам вас Юрий Карлович послал!»

В мае этого года, например, я позвонила в деканат актерского факультета ВГИКа, чтобы пригласить Алексея Баталова на открытие памятника Ю. К. на Новодевичьем. Декан факультета актерского ма- стерства Елена Евгеньевна Магар, пообещав пере- дать Баталову мое приглашение, неожиданно со- общила, что у нынешних выпускников мастерской Игоря Ясуловича имеется совсем свежий дипло- мный спектакль по Олеше, поставленный препода- вателем сценречи, актрисой и режиссером Ксенией Кузнецовой по ее композиции из фрагментов прозы Ю. К. И хоть название спектакля прозвучало обна- деживающе — «Как я провел детство», я, зная, что Олешу с кондачка не поставишь, вовсе не понаде- ялась встретиться с шедевром в виде учебного спек- такля. Но обрадовалась самому факту его появления и тут же пригласила на открытие памятника и Игоря Ясуловича, и Ксению Кузнецову с их общим вывод- ком новоявленных артистов, замешенных на Олеше.

— Нам вас Юрий Карлович послал! — воскликну- ла мне в ответ по телефону Ксения Кузнецова.

Выяснилось, что группа студентов, так прочно с недавних пор подсевшая на Олешу, сама выбрала его себе в авторы для дипломного спектакля. Пона- чалу на уроках сценречи Ксения, тяготеющая к юж- норусской прошловековой школе и уверенная, что Олеша слишком сложен для курса, решила заняться с ребятами фактурной и карнавальная, на ее взгляд, прозой Ильфа и Петрова. Но для прочувствования общего колорита компании велела прочитать и Оле- шу, и Бабея, и Багрицкого, и Катаева...

Каково же было ее удивление, когда перепол- ненные великими одесситами ребята вдруг дружно предъявили ей именно Олешу и сбивчиво, не умея еще толком объяснить свои ощущения, сообщили, что хотят играть *это*. Так программные занятия по сценречи обернулись вдохновеннейшей работой над внеплановым спектаклем, ставшим в конечном счете выпускным.

Как жаль, что подобное не случилось при жизни Ю. К. Ведь с середины тридцатых он трагично не ве- рил, что его эстетская литература может настолько понадобиться молодняку даже еще того, читающе- го времени. Его писательская депрессия во многом была связана именно с этим. Весь путь его проле- гал по канату над все увеличивающейся бездной между старым и новым мирами. В этот гигантский котлован была сброшена великая культура про- шлого. И он подобно гимнасту Тибулу балансиро- вал над пропастью, по-кавалеровски заглядывая в нее, пытаюсь различить и вытащить на поверхность

хоть что-то оставшееся от культуры, с трудом удерживаясь на канате, чтобы не рухнуть вслед. Да, «уж сколько их упало в эту бездну...»!¹

Он не видел читательского будущего страны, такового, когда читать — как дышать, причем настоящее и по-настоящему — вглубь, с раздумьями, выписками и пометами на полях. Такое чтение не имело ничего общего с массово-досужим проглатыванием ненавистной ему беллетристики.

О некоторых кульбитах на тему культуры

Первой его попыткой «создать тип молодого человека»² был Володя Макаров в «Зависти» — комсомольский фанат без потребностей в интеллекте и «телячьих нежностях», «человек-машина», беспощадная к врагам народа и готовая к выполнению любых приказов, представитель поросли, возвращенной наркоманами себе на смену и оказавшейся страшнее своих «крестных отцов».

После выхода «Зависти», в пору разгулявшейся уже всю шпиономании, Олеше, не коммунисту, а лишь «попутчику советской власти», шляхтичу с родителями в Польше, было строго-настроено рекомендовано перестроиться. И он вновь решает взглянуться в это новое, физ-культурное, а потому малоинтересное ему поколение зиждителей нового времени.

Он во всеуслышание заявил об этом намерении на Первом съезде писателей, закончив вскоре пьесу для кинематографа «Строгий юноша». Абрам Роом снял по ней в 1936-м одноименный шедевр с М. Штраухом, В. Серовой, Д. Дорлиаком и Ю. Юрьевым в главных ролях.

В этой своей кинопьесе — новом кульбите над бездной на тему старой и новой российских культур — Олеша нарисовал цельный портрет мускулистого поколения начала тридцатых. Поколения изобретателей велосипеда моральных норм. Они строги и правильны, как Володя Макаров, темны, как чистый лист бумаги, и в соперничестве своем со старой интеллигенцией имеют единственную прерогативу — молодость атлетов.

Фильм мгновенно был запрещен «за формализм, отрыв от действительности, неясность концепции» и на тридцать лет спрятан от зрителя.

Но Олеша был далек от возрастного брюзжания и надеялся на чудо возрождения культуры. Если, бывало, молодые люди, а уж тем более литераторы,

способные оценить его произведения, обращались к нему, Ю. К. приосанивался, отвечал на послания, назначал встречи, предлагал помощь. Но, как и его alter ego, писатель Занд, он не верил в истую «культуру масс» и не желал с ней сливаться. Литературовед Федор Левин вспоминал об одном из разговоров с ним на улице Горького в конце 50-х: «Мимо нас бежала непрерывная и шумная, переменчивая толпа, шли, разговаривая, хохоча, переключаясь юноши и девушки... Олеша взял меня за руку:

— Послушайте! Посмотрите! Вы знаете, что это за люди? Вот эта молодежь. О чем они думают? Чего хотят? Знают ли они, что такое Равель? Известен ли им Перуджино? Что они читают? Сохранят ли они великую культуру прошлого или им дела нет до нее? До Рублева? — Олеша волновался. — Впрочем, может быть, я их просто не знаю. Как их узнать?»

«Шагаю — никем не видимый... в поисках первоначальных ощущений»

Курс заболел Олешей серьезно. Ксения с ребятами, пропитанные страстью его страниц и уже зная наизубок эту музыку, выросшую из архитектуры не нот, а букв, изъяснялись исключительно метафорами и пытались разведать о Ю. К. как можно больше. Чтобы острее прочувствовать его детство, они даже сгоняли в Одессу и обнаружили — о чудо!!! — в экспозиции тамошнего литмузея автограф юношеского стихотворения Ю. К. «Письмо», обращенного к некоей Тате. Ну конечно же, это была Наташа из «Вишневой косточки», автор первого и пожизненного шрама на его сердце.

Мне так странно смотреть на эти
Глаза, подведенные синим.
Ты ведь помнишь? — Мы были дети
И смеялись кошкам и дыням

Или сладким розовым вишням,
Помнишь, Тата? — Впрочем, все это
Стало вдруг забытым и лишним:
Наша дача, море и лето...

Ну, конечно, теперь иначе —
Теперь скачки, кафе и клубы...

Но во сне я на дальней даче
Твои, Тата, целую губы...

«Вишневая косточка» была существеннейшей частью композиции их спектакля, его кульминацией, а это все еще дымящееся от давнего жара сердца письмо в детство обернулось не просто выразительной эпилоговой точкой... Ну конечно же, оно было и

Все приведенные цитаты, кроме поясненных в сносках или авторском тексте, — из дневниковых записей Ю. Олеша (цит. по «Книге прощания»).

¹ М. Цветаева. «Уж сколько их...».

² Из речи Ю. Олеша на Первом съезде писателей: «Я хочу создать тип молодого человека...»

Игорь Ясулович представляет участников спектакля. Справа — Варвара Викторовна Шкловская. Фото Юрия Феклистова

для них написано. Его уж точно им Юрий Карлович послал. Ведь он как никто понимал важность точки, вот и подсобил Ксении с ребятами. Премьеру сыграли незадолго до открытия памятника.

На Новодевичьем собрались многие из причастных к судьбе и творчеству Олеша. Игорь Ясулович выступил, рассказал о постановке, представил Ксению и ребят, вдохновенно прочитавших перед могилой Ю. К. несколько коротких фрагментов из текста спектакля с «Вишневой косточкой» в сердцевине.

В самом начале их выступления на памятник прилетела птица — пестрая, длинноногая, побольше скворца, с вытянутым ярким клювом и умными кружочками окантованных глаз. Я хорошо рассмотрела ее, так как сначала она стояла (именно не сидела, а стояла — точь-в-точь как та, в «Вишневой косточке») на памятнике и внимательно слушала ребят, а к концу выступления спустилась вниз и как-то смешно, вприсядку, закружила по могиле, потом взлетела на дерево и приветственно запела. Гимн ее флейты завершился одобрительным прицокиванием и хлопаньем крыльев. «Она улетела вверх, сквозь листву... чиркая листьями»¹.

Я, как и герой «Вишневой косточки», никогда не видела дрозда, но сомнений в том, что это — он, прилетевший сюда из рассказа Ю. К., не было. И все-

таки... «Это дрозд?» — спросила я шепотом. Ну конечно же, это был он. Привет и знак одобрения от Ю. К.!

Но открытие того, что это знак, пришло позже. А тогда я, полностью сосредоточенная на другом открытии — памятнике Олеше, которое вела, — отметив эту мистическую иллюстрацию, не расценила ее переданным мне по поводу ребят знаком.

Их выступление прозвучало очень тепло и к месту, но об уровне постановки мне ничего не сказала, и потому ехала я во ВГИК без энтузиазма, но с опасением, что придется высидывать тяготину по Олеше, а после еще и слова подыскивать, стараясь не обидеть симпатичных ребят.

Как он провел детство

И тут вы, без всяческих увертюр-прихожих, прямо с порога оказываетесь в детской! Возможно, и в своей, если вам повезло и у вас была вот такая, доверху набитая исключительно любимыми книжками и игрушками детская. И в пушкинской, толстовской, хармсовской, пастернаковской... В любой детской, где «так начинают. / Года в два / От мамки рвутся в тьму мелодий, / Щебечут, свищут — а слова ...»².

И конечно же, это детская Ю. К. Олеша, в которой — выгородке репетиционной комнаты ВГИКа —

¹ Ю. Олеша. «Вишневая косточка».

² Б. Пастернак. «Так начинают...».

уложена спать четверка ребят. Не двое, как в его исторической детской (он и сестра), а аккордно — четверо. Такой вот квартет раздираемой на части великой души маленького Олеша.

И, как водится, уложенные мальчишки не спят, а болтают всякую дребедень, напуская сообща с темной страхи друг на друга: «Сейчас ты умрешь и за тобой придет... а из-под кровати!.. вылезет!.. вылезет!.. вылезет страшная!.. очень страшная!..» Болтовня нарастает и тугой дразнилкой закручивается вокруг темы рождения: «...а ты вообще не родился... это вас не родили... мы-то вообще не рожденные, а тебя не родили... а я и не родился...»

И вдруг в этом прологовом «свисте и щебете» — почти неожиданно и до мурашек! — различаются знакомые слова Олеша о его принадлежности к Вечности, разложенные на четыре мальчишечьих голоса: «Я вообще не родился. Я не я. Я не не. Не я не. Не, не, не. Я не родился в таком-то году. Не в году. Году в не. Годунов. Я не Годунов».

Потому-то он, ощущая себя «функцией во времени», с детства стремился исключительно к вечным ценностям. Отсюда — и суть его бездомного человека, и внутренняя свобода при любых обстоятельствах и режимах... Отсюда и беспредельные требования к себе в творчестве, фанатичные поиски слова безупречного. Он не сумел бы написать не художественно ни текста речи, ни письма жене, ни заметки в газету.

Спектакль, юными ростками пробившись сквозь духовную замусоренность и нынешнего дня, и вчерашнего за «пределы бытового ума»¹, с первой же сцены затягивает вас в глубину детской, ни на секунду не выпуская уже до конца. Вы там и сердцем, и головой. А вырастает он именно из *такого* «сора», откуда всегда «растут стихи, не ведая стыда»² — из детства Поэта.

Главный вопрос любого детства и главный вопрос никогда не взрослеющего Поэта — КТО Я?!! Этот вопрос, мучивший Олешу всю жизнь, — референ спектакля.

— КТО Я?!! А?!

— А? А? А? А?.. — дразнится четырехголосное эхо.

— А может быть, вообще нет ни папы, ни мамы. Я один. Ни бабушки, ни сестры. Я один. КТО Я?!

Именно тут, в этом негаснущем одесском детстве впервые возникают его мысли о бегстве, дороге и «сладости быть униженным»...³

Тут «образуются ночи, когда мальчик думает о том, что он подкидыш... и начинаются поиски отца,

Афиша выпускного спектакля с автографами членов Госкомиссии профессоров ВГИКа Алексея Баталова, Георгия Тараторкина и Марины Коростылёвой. Май 2010 г.

родины, профессии, талисмана»...⁴ Тут и только тут создалось его «одиночество навсегда, одинокая судьба, удел... оставаться одиноким везде и во всем»...⁵

Отсюда он вышел на дорогу «одинокое, втянув в плечи голову, в которой тщеславие, высокомерие, самоуничтожение, презрение к людям, сменяющееся умилением, мысли о смерти...»⁶.

— КТО Я?!! А?!

— А? А? А? А? — дразнится эхо.

Но зато здесь были цирк с незабываемым клоуном на афише, переводные картинки и тир, пахнущий порохом, а футбол — травой... Отсюда и только отсюда вычерпалось все его лучшее, что удалось создать в жизни. И «Зависть», и «Лиомпа», и «Смерть Занда», не говоря уж о «Трех толстяках»... «Где ты, мой брат, сказка?!»

¹ В. Хлебников. «Зангези».

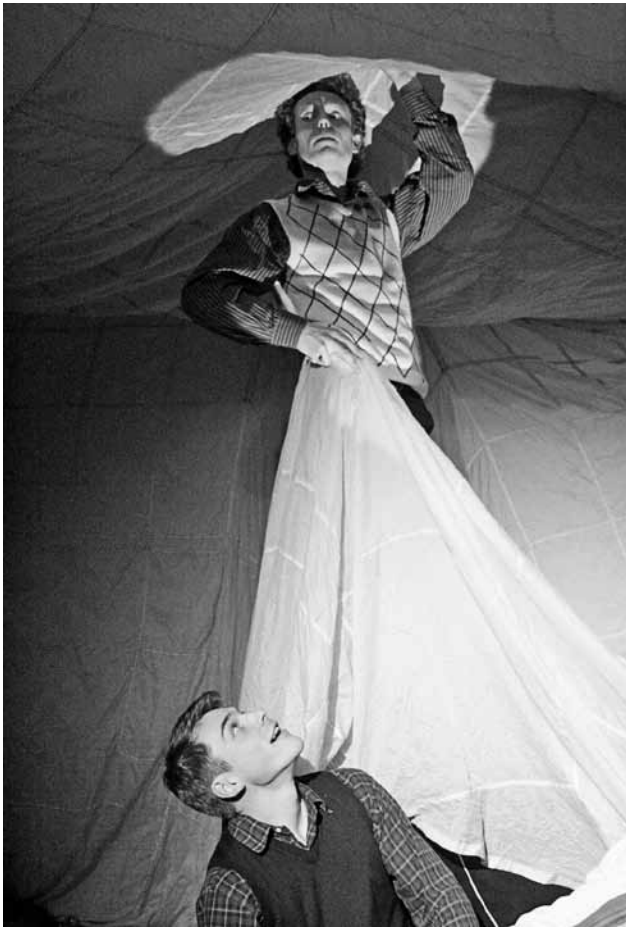
² А. Ахматова. «Мне ни к чему одические рати...».

³ Ю. Олеша. «Я смотрю в прошлое».

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Виталий Щанников и Евгений Морозов в спектакле.
Фото Юрлен

— КТО ЖЕ Я?! КТО?!

Здесь, на рубеже детства, он когда-то побрился впервые... Отсюда до конца жизни смотрела на него «с лукавством юной женщины» Ванда-Магдалина, его старшая сестра, которая была для него «существом удивительным» — он «видел в ней женщину», идеальную для себя. Сходство с ней он искал потом в каждой, которую любил. Помнится, как на перепутье юности с детством ему хотелось обнимать сестру, «целовать ее в шею и... голые руки...» С ней, думалось ему позже, он «познал бы наивысшую сладость обладания женщиной». Оскорбляет ли ее память то, что он написал об этом? Нет, решает он, потому что «признать женщину — женщиной никогда не может быть оскорбительно для нее».

Она умерла в Сочельник от тифа, заразившись от него, так никогда и не побывавшего на ее могиле. Когда хоронили — был еще болен, а потом... Он поклялся родителям, уезжающим в Польшу, найти могилу сестры и положить на нее оставленную ему для того мраморную доску. Но могила так и осталась без доски.

КТО ОН?! КТО?! — после этого — КТО?!!

Четыре соло и одно трио в квартете его души

Он — человек. И самое удивительное в нем — сердце. Впервые оно обнаружилось у него, маленького, однажды ночью. Разве не поразительно услышать внутри себя ритмически повторяющийся звук?

— Раз-два, раз-два... — предметно озвучивает его сердце трио, проявившееся внутри квартета после пролога. Этот квартет разноликостей его детской души имеет эффект матрешки: внутри него находятся солист и трио. Такая вот театральная арифметика получается, потому что композиция выстроена из монологов Ю. К. о детстве в поочередном исполнении каждого из Олеш под метаморфозный аккомпанемент оставшейся тройки. Она то гудит паровозиками, то свистит и щебечет птицами, то изображает папу, маму и других персонажей из детства Ю. К. То есть самыми детскими, доступными и реальными средствами создает вокруг солиста выразительнейшее движение, игру — театр.

Ассоциативно вдруг сформулировалось: обэриутский театр кабуки с оттенком дель арте. А почему бы и нет — обэриутские приемы карнавального театра, разнообразие масок, мужской состав и японское вишневое дерево в эпицентре. Но о японском дереве — позже.

Квартет *слажен* из прямых противоположностей: интеллигентный герой-любовник баритонального кроя — Павел Солодовников; прирожденный Арлекин, лицедей и эксцентрик — Виталий Щанников; наивный до инфантильности Пьеро — Иннокентий Ширяев и прячущий добросердечность под мужественной суровостью — Евгений Морозов. Объединяет их всех — Ю. К., различимый в интонациях, выглядывающий из глаз и дарящий им особое право на любовь к нему — сотворчество.

Итак, театральная арифметика началась: раз-два, раз-два — сердце, чередование чисел, счет!.. А то, что внутри происходит счет, связывает его с внешним миром. А счет плюс внешний мир здесь — театральная метафора: счеты. И старые бухгалтерские деревянные счеты появляются в руках тройки, ритмично и громко отщелкивающей на них биение жизни своего героя. Но этого мало заигравшимся мальчишкам. Они продолжают, объединившись с солистом, закончившим свой монолог про счет, отбивать нарастающую музыку сердца барабанными кулаками по полу детской. Ритм нарастает и вдруг — со всего маху! — сольный удар кулака:

— Хватит!!!

Это отец! Он все время в клубе. Пьет. В карты проиграл семейное состояние. Но — шляхтич и невероятно гордится этим. Вот он ставит маленького Ю. К. на подоконник и целится в него из револьве-

Чудо-мальчик — Иннокентий Ширяев, Зависть — Виталий Щанников. Фото Валерия Скокова

ра, мама, тоже дворянских кровей, падает на колени, умоляя не шутить так!!! Мама была красивая, рисовала...

Рассказывая о родителях, Ю. К. писал: «...не мешало бы вспомнить и о том, что меня вообще не было.

Я иногда думаю о некоем дне, когда некая девушка направлялась на свидание с неким молодым человеком. Я не знаю ни времени года, когда совершается этот день, ни местности, над которой он совершается... Тем не менее оттого, что они в этот клубящийся в моем воображении день направлялись друг другу навстречу, произошло то, что в мире появился я».

— КТО Я? А? А? А?? Я не знаю, где я родился... КТО Я?!!

Дневниковые монологи великолепно увязаны здесь с фрагментами «Зависти» (история из детства Ивана Бабичева) и автобиографических рассказов «Я смотрю в прошлое», «Человеческий материал», «Вишневая косточка» и др.

Искать и найти дрозда в мире

Сцена из «Вишневой косточки» — апофеоз спектакля. Солирует под метаморфозы трио наивный Пьеро — Виталий Щанников.

Он — влюбленный в Наташу поэт, так драматично съездивший к ней в гости на дачу. Лишь ему запрокинутое лицо ее видится «сияющим фарфоровым блюдцем». Но он всю жизнь будет, открывая мир, искать в нем дрозда. Того самого, прилетевшего к нам на Новодевичье. Эти поиски дрозда, слова, звука для него гораздо важнее поцелуев с Наташей, хоть он и влюблен и страдает по-настоящему.

«Пошли в лес. Стали говорить о птицах. Потому что из чащи раздался смешной голос птицы. (Трио насвистывает птичьими голосами. — И. О.) Я сказал, что никогда в жизни не видел... дрозда и спросил: каков он собой, дрозд. Из чащи вылетела птица... и села на торчащую ветку неподалеку от наших голов. Она не сидела, а стояла на качающейся ветке... “Что это? — спросил я шепотом. — Дрозд? Это дрозд?” Никто не отвечает мне... Оглянувшись, я вижу: Борис Михайлович гладит Наташу по щеке. Его рука думает: пусть он смотрит на птицу, обиженный молодой человек... Я прислушиваюсь. Слышу расклеивающийся звук поцелуя. (Трио: спасительное постукивание «клюва о ветку». — И. О.) “Это дрозд?” — спрашиваю я.

Наташа угощала нас вишнями... Я ушел с дачи с вишневой косточкой во рту. Я путешествую по невидимой стране... я иду на восток...»¹.

Он закопал косточку в землю, посадил вишневое дерево в память о своей неразделенной любви. И дерево это проросло в жизнь, в которой Наташа звалась Татой, а позже — Симой Суок² и Валеи Грюнзайд³. Они, «ветви, полные цветов и листьев», «прошумели мимо»⁴ него, оставив рубцы на его детском сердце.

Он искал своего дрозда, пока они целовались то с неким Борисом Михайловичем, то с вполне конкретными, обстоятельными Владимиром Ивановичем и Евгением Петровичем⁵... Но «мужественное дерево выросло из зерна романтика. Вишневый цвет — это душа мужчины, так считают японцы. Смотрите, стоит крепкое низкорослое японское дерево... Романтика мужественная вещь и над ней не стоит смеяться. Неразделенная любовь делает память нищей и яркой»⁶.

И дерево это проросло в литературу, где неразделенная любовь дала прекраснейшие плоды. Из нее выросли и Валя в «Зависти», и Маша в пьесе «Смерть Занда». Потому что обрести их в воображаемом мире было важнее реальных поцелуев.

¹ Ю. Олеша. «Вишневая косточка».

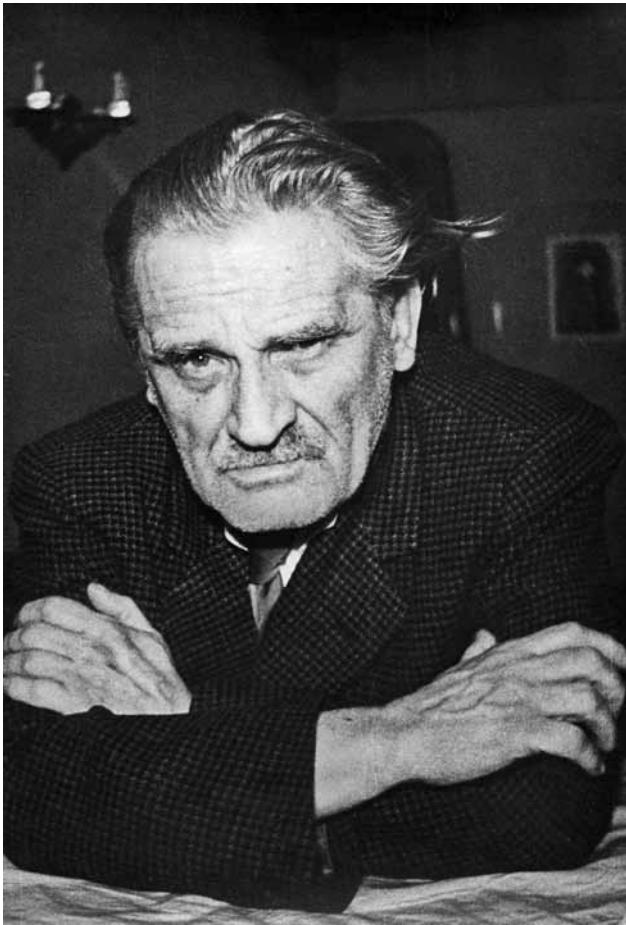
² Серафима Густавовна Суок (Нарбут, Шкловская; 1902–1982) — первая гражданская жена Олеша, бросившая его ради Владимира Нарбута, после гибели которого вышла замуж за Виктора Шкловского.

³ Для соседской девочки Валеи Грюнзайд был написан в 1924 году посвященный ей роман «Три толстяка». Олеша красиво ухаживал за ней, приговаривая, что растит себе жену. С этими словами он познакомил с ней только что переехавшего в Москву будущего писателя Евгения Петрова, за которого Валентина Леонтьевна Грюнзайд (1910–1991) через некоторое время вышла замуж.

⁴ «Зависть».

⁵ Владимир Иванович Нарбут и Евгений Петрович Петров (Катаев).

⁶ «Вишневая косточка».

Юрий Олеша. Конец 1950-х годов. Фото Макса Поляновского

И, предвкушая главное, он с рождения понимал:
— МИР ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ. ЭТО БЫЛА САМАЯ ПРОСТАЯ, САМАЯ ИНСТИНКТИВНАЯ МЫСЛЬ МОЕГО ДЕТСТВА...

«Так, значит, наперекор всем, наперекор порядку и обществу я создаю мир, который не подчиняется никаким законам, кроме призрачных законов моего собственного ощущения? Что же это значит? Есть два мира: старый и новый, а это что за мир? Есть два пути; а это что за третий путь?»¹

— КТО ЖЕ Я?! А?

И — озарением:

— Я — МОЯ СОБСТВЕННАЯ МЫСЛЬ, ЗАРОДИВШАЯСЯ В ДЕТСТВЕ.

Я хлопала так, что вдребезги расколола любимый свой сердоликовый перстень, который, опасаясь того, обычно не надевала в театр. Но здесь я не надеялась на самозабвенные аплодисменты. Разбитый перстень поранил мне руку, и это я обнаружила только тогда, когда зажегся свет в зале.

После-спектакля-словие с разбитым перстнем в придачу

И перстню этому пришлось сыграть роль знаменитого путеводного колечка бабы-яги, вручаемого ею в сказках заслужившим того иванушкам. Чтоб, преодолевая искушенья, без сворачиваний и заблуждений, им таки добраться до намеченной цели.

Свидетелем одного из искушений я побывала, когда во время открытия памятника на Новодевичьем один известный режиссер с первого же взгляда пригласил Пашу Солодовникова в труппу своего театра. Но Паша отказался идти один, ответив на заманчивое предложение режиссера, что, мол, «один за всех и все за одного» и еще какие-то слова про то, что они не хотят разлучаться и постараются остаться маленькой труппой театра Олеша. Как им это удастся, не знаю, но мне тоже — фантастически! — хочется этого.

Потому что посмотрела я не ученический спектакль, а на редкость профессиональный, сделанный — начиная с безупречной композиции из текстов Олеша — талантливой и крепкой режиссерской рукой Ксении Кузнецовой, с равнозначно замечательными актерскими работами. Он готов украсить лучшую сцену. От него веет свежестью юности и надеждой. Надеждой на возрождение утраченной культуры.

Приблизительно такие слова я сказала Ксении с ребятами после спектакля, вручив им обгагранные кровью биографа Олеша путеводные осколки разбитого перстня. Они и вправду дорогого стоят.

А еще, беседуя тогда с ребятами, я вдруг вспомнила сказанное Олешей на Первом съезде писателей и подумала, что это уж он точно про них говорил: «Я хочу увидеть молодость страны и новых людей. Теперь я их вижу. И у меня есть гордая мысль считать, что их начинающаяся молодость есть до известной степени возвращение и моей молодости».

В следующий раз я смотрела этот спектакль вместе с Яковом Ароновичем Костюковским, писателем, киносценаристом, много общавшимся в свое время с Ю. К. После окончания он встал и сказал во всеулышание:

— Я не знаю, чем подтвердить, но абсолютно уверен, что Олеше бы это понравилось.

¹ «Вишневая косточка».

Эльга ЗЛОТНИК

Эльга Злотник — коренная москвичка с Петровки, в детстве объездила весь Советский Союз со своим папой — военным строителем и повидала жизнь не только с парадного входа. Училась в четырнадцати школах, причем везде на хорошо и отлично. Где-то ей прочили карьеру математика, где-то — журналиста, но Эльга поступила в Московский инженерно-строительный институт. Окончив его и поработав по профессии, получила второе высшее образование во ВГИКе.

Более двухсот публикаций, подписанных ее именем, рассыпаны на страницах центральных газет и журналов. Особенно Эльге Злотник удавались интервью с ведущими мастерами отечественного и мирового кинематографа.

Рассказы Эльга начала писать, когда кинематограф в нашей стране потерял свою значимость. К настоящему времени она автор трех опубликованных сборников.

ДВА РАССКАЗА

ЛЕШКА И Я

В тот год в нашем классе вообще все перевлюблялись. Разбились на пары. Хотя заканчивали мы всего-то девятый класс. Я сидела за партой с неприветливой высокой девочкой. Считалось, мы с ней дружим. Надо же было с кем-то дружить. У нее были небольшие карие глаза, волосы, расчесанные на прямой пробор, и тонкие короткие косички, которые она подвязывала крендельками. Уголки небольшого своевольного рта у нее были опущены, лоб выпуклый, и от этого взгляд глубоко посаженных глаз был всегда исподлобья. Она была влюблена тоже. Рассказывала все время о своей любви к высокому темноглазому хмурому Петьке Конареву, а я ей про Лешку.

Обстановка в классе была непростая. С тех пор, как я приехала из Москвы, класс разделился. Одна половина была за меня, другая — за вторую нашу отличницу Райку Потову. Соперничество было явственным и напряженным.

Вообще-то сначала я с Райкой даже пробовала дружить. Собрав в коробочку фантики, я отправилась в их двор. Они жили в деревянном доме на улице Серышева, недалеко от Дома офицеров. А мы в кирпичном, на улице Дзержинского, недавно выстроенном для военных. Это было недалеко. Прой-

дя вдоль высоких заборов, за которыми прятались такие же деревянные дома, как у Райки, завернув за угол и перейдя узкую улицу, я звякнула щеколдой в глухой двери их высокого забора. За ним стояла тишина. Я звякнула еще раз громче. Прислушалась — никакого шевеления, и тогда я крикнула:

— Райка!

— Что шумишь! — Дверь сразу приоткрылась, и из-за нее высунулось Райкино лицо. Серые глаза ее смотрели недовольно, а тонкая жилка на белом виске нервно вздрагивала.

— Я фантики принесла, давай меняться!

Райка провела меня во двор. И пока я на скамейке выкладывала содержимое моей коробочки, сбегала за своими. Тогда все девчонки собирали фантики. Скамейка была без спинки, некрашенная, с выбоинами вокруг заржавевших шляпок гвоздей. Мои фантики враз потускнели на фоне этой старой древесины.

— Ну, — протянула Райка, — у тебя и нет ничего.

— А если под этот золотце подложить, смотри, как красиво! — уговаривала я. И нельзя сказать, чтобы мне очень хотелось поменяться, я не так уж много внимания уделяла этим фантикам. А только обидно мне стало, а еще хотелось подружиться с

ней, что ли. Ну, уговорила. Поменялись: я ей «Буревестник», она мне «Васильки» дала. Даже вместе клад, как маленькие, в углу ее двора зарыли. Положили в ямку мой яркий фантик от «Маски», он прозрачный, под него золотце разглаженное, потом стеклышко сверху, песком засыпали. Отроешь — прямо светится, красиво получилось. А дружить все равно не стали. Да и как тут подружиться? Она на меня так смотрит! Глаза большие, серые, губы тонкие, и молчит. Чувствую я: не получится дружить у меня с ней.

Да и на уроках учителя как сговорились. Если ей пятерку поставят, мне обязательно — четыре. И наоборот, мне пятерку, а ей говорят — слабенько ты сегодня подготовилась. Вот с шестого класса и пошла у нас гонка, кто первый. Весь класс затаился, потом разбились поровну. Одна половина у меня списывает, другая у нее.

Домой приду. Мама спрашивает: «Как там?» Я ей вкратце расскажу. На улице с братишкой поколачиваюсь — и за уроки. Отец с работы приезжает, а он допоздна работал, строительство у него огромное было. Ночь уже, а я все сижу, упертая. Отец мне:

— Ну не получается задачка, оставь, не всегда ж должно получаться! — Он сам-то упертый. — Но ведь надо, — говорит, — знать, где упираться.

— Нет, я должна завтра с решением прийти.

По ночам мне решения этих задачек снились.

Утром в школу прихожу, меня уже в коридоре ждут из класса, чтобы успеть переписать, если никто не решил. В общем, не на шутку у нас с Райкой соперничество было. Мама старалась как-то в шутку все обратить. Да куда там!

А тут наш Муран объявляет: идем в поход на два дня в тайгу, классом. Муран — наш классный руководитель, английский преподавал. Был он молод, похож на валета бубен, серые глаза, кудрявые волосы и темные усы. Наши девочки в него влюблены были. Но он хоть и смеялся часто, а серьезным был и строгим, несмотря на молодость.

Райка в поход не пошла, наверное, мать не пустила. А так почти все были. И Лариска Овчинникова, которая, как мама моя считала, самая у нас в классе хорошенькая, и Ленка Ромм, в которую был влюблен Славка Курбатов, и Людка Быкова, которая смотрела на меня в упор колючими маленькими глазками, потому что всегда за Райку была. Ну и Валя пошла, конечно, с которой мы дружили, считалось.

От города мы прилично отошли. Нашли поляну. Тайга вокруг. Поставили две большие палатки. В одной девчонки, в другой мальчишки. Набрали сушняка. Костер развели. Картошку испекли. Ну, как обычно в походе. Муран держится особняком,

как будто он тут не главный. Вечером у костра попели — и по палаткам. А заснуть страшно. В мае в тайге клещей полно. Только заснешь, так и кажется — ползет по спине что-то. Ну, встала я, опять к костру. Он догорает, гляжу. Я сушняка подбросила, хорошо его много собрали. Сижу на поляне. Вокруг тайга шумит. Все спят в палатках. Костер трещит, пламя высоко взлетает. И так мне вдруг стало грустно и одиноко, а отчего — не знаю. Показалось, что вот всегда теперь я буду так вот одна, без друзей. Я ж в душе понимала, что никакая Валя мне не подруга, а так просто, потому что надо же с кем-нибудь разговаривать. Надо же кому-то рассказывать, как мне нравится Лешка, самый наш отпетый двоечник, который как раз ни у Райки, ни у меня ничего и не списывал.

Лешка жил на лесопилке. Пришел к нам потому, что на второй год остался. Отвечал Лешка, стоя у доски всегда спиной к классу. Наша биологиня Людмила, он особенно ее доводил, как-то едко заметила:

— Это, наверное, потому, что тебе кто-то в классе нравится очень.

И вот сижу я одна на бревне, на огонь устави- лась. Пламя пляшет и все время по-новому, по-разному. На огонь ведь сколько хочешь смотреть можно. А тут Лешка откуда-то из темноты вышел с охалкой сухих веток — и к костру. Он, видно, спать и не ложился, за костром следил.

Сидим теперь рядом, молча на огонь смотрим. Он говорит:

— Чего ты спать не идешь?

— А что, — спрашиваю, — нельзя?

Он усмехнулся, говорит:

— Отличники должны рано спать ложиться — режим соблюдать.

Я ему:

— Ты-то откуда знаешь?

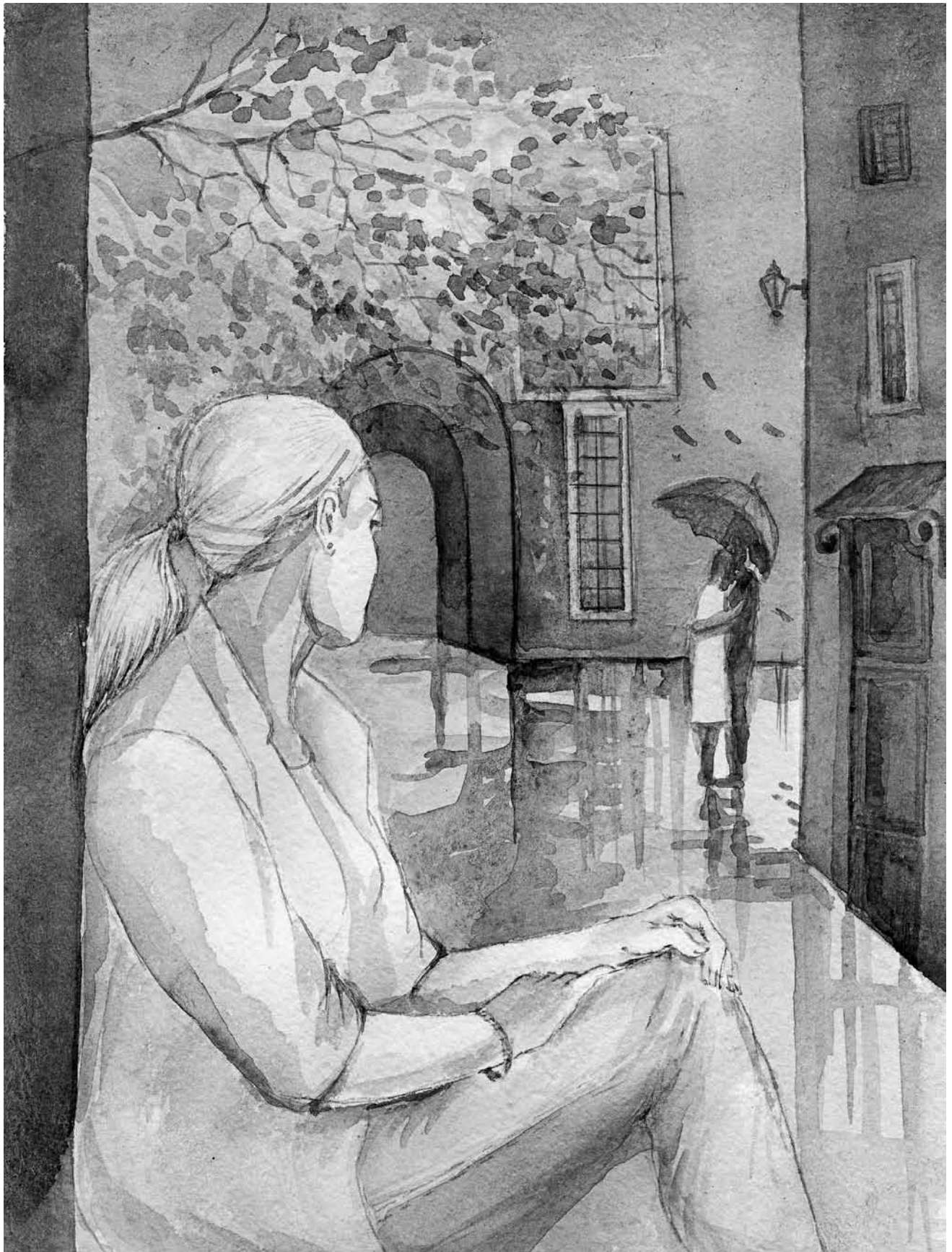
Он хитро посмотрел на меня, как на малолетку, и говорит:

— Я все знаю. Ты вообще — ку-ку! Далась тебе эта Райка! Нашла с кем соревноваться. Отметки разве какое-то в жизни имеют значение? Ты ж ничего вокруг не замечаешь с этими уроками! — И пошел от костра.

А на следующий день мы всем классом на поляне свадьбы стали праздновать. Муран посреди поляны на телогрейке лежит и вид делает, что спит. А мы решили поженить всех. Понарошку, конечно.

Сначала отпраздновали свадьбу Лариски с Дегтяревым. Лариска высокая, тоненькая, волосы светлые вьются. А Дегтярев — увалень увальнем. Людка Быкова сказала, что распорядок свадебный знает. Ну, мы уж и сватов изображали, и родителей жениха и невесты, и выкуп за невесту придумали, и по-

Рисунок Антонины Решетниковой

хищение. Смешно получалось. А самое интересное, они и вправду после школы поженились. Потом мы отпраздновали свадьбу Ленки и Славки. А Муран хитрый все спит себе. Потом обед приготовили. В котелке над костром сварили. Лешка меня как не замечает. Мне обидно, конечно. Но я виду не подаю. Валька мне про Петьку нашептывает. Уже и возвращаться пора.

Обратно Муран повел нас к пристани. Сели мы на пароходик маленький, колесный, и поплыли по реке к городу. Все в каюте большой сели, песни завели. А я, как будто кто меня за шиворот взял, ни с того ни с сего пошла с палубы по узкой кромке, что за каютой над бортом, вокруг пароходик обходить. Пароходик небольшой, глубоко осел, вода прямо у ног почти бурлит, из-под колес буруном ходит, а все — в каюте. Вот, думаю, какая я смелая, пройду, никто не смог бы, а я не побоялась. Будет мне тут Лешка насмешничать. Иду. И не боюсь совсем. Смотрю на воду — она темная внизу, пенится, брызги до губ долетают. Ну, обогнула каюту, на палубу выпрыгнула. А стемнело уже. Оглянулась, смотрю — Лешка. Белый стоит, смотрит, глаза голубые круглыми стали. Воздух выдохнул, пошел. Взял за плечи, тряханул, говорит:

— Хватит тебе уже, пошли.

Вошли мы в каюту, сели с классом. Лешка мне руку на плечо положил. Все сразу заметили. Замолчали ненадолго. Удивились видно. А потом снова запели.

Но и с Лешкой мы дружить не стали. Мне показалось, он меня вообще замечать перестал.

— Да, — сочувственно говорила мне Валя, — я тебя понимаю. Это так обидно, когда без взаимности.

Иногда я ловила Лешкин насмешливый взгляд. Но мне казалось, что это ко мне никакого отношения не имеет. Обидно, конечно, тем более что отца опять переводили на строительство в другой город.

И вот настал праздник, кажется, юбилей города тогда праздновали. Мы всем классом отпраздновали, как всегда, на Карла Маркса. Это так здорово было. Такое пьянящее чувство радости. Идешь с девочками под руку по мостовой праздничной улицы, вечер, флажки на фонарях развешены. Да и сами фонари уже включены. День длинный летний почти кончается, сумерки. Воздух лиловый. Черемуха цветет, ее в городе много. А навстречу Лешка с другом. И уж как он подойти решил?

— Здравсте, — говорит дурашливо, нос курносый, рот безгубый, глаза насмешкой опять светятся, но не обидной, от застенчивости. Я думаю — это после парохода этого он зауважал меня. Как я поняла, он же видел все — как я над этими бурунами темными по кромке узенькой шла.

Я говорю ему:

— А я уезжаю. Буду теперь учиться в другом городе.

Он посмотрел на меня и говорит:

— Ну, тогда вот тебе конфетка!

Конфетка была шоколадная, в фантике, «Буревестник» называлась.

Уехали мы. Я в Москве школу закончила. Очень скучала по Хабаровску, по Лешке, хотя мы с ним всего-то и ничего слов друг другу сказали. А потом пришло письмо. И откуда он мой адрес узнал, я все удивлялась. Писал Лешка, что закончил школу и теперь работает мясником. Потом писал, что в армию пошел, потом как служит. А через два года пришло письмо, что он поступил в университет на физический факультет. И о том, что никогда и не думал, что захочется ему спустя столько лет меня увидеть. Потому что нравились ему, как он писал, девушки совсем другие.

А я уже в институт поступила. У меня появились новые друзья. И когда я брала его фотографию в руки, все реже меня охватывало волнение. Да, вот это моя первая любовь, думала я, вздыхая, как у всех, она была безответной, а теперь это в прошлом. А Лешка тем временем меня забрасывал письмами о своей учебе, мечтал о том, как мы встретимся, собирался приехать в гости.

А вместо него приехали Валя с мамой. Валя и не изменилась совсем, но взгляд стал строже и требовательнее. Они у нас разместились. Тесно, конечно, комнаты всего две, но зато не в обиде. Ну, я их поводила по Москве. Показала достопримечательности, сколько могла. У меня как раз сессия была, я в институте допоздна пропадала: курсовые, зачеты. Они две недели побыли и поехали домой довольные вроде. А спустя месяц от Лешки письмо, пишет: «Валя мне написала, что ты ведешь аморальный образ жизни. Что скажешь?» Ну и разозлилась я. В тот же день ответила: «Вот тебе ее адрес, с ней теперь и переписывайся!» И больше ему не писала.

Вот так и не довелось нам встретиться. И где теперь Лешка, что с ним, я не знаю. Да и вспоминаю о нем редко. Лишь иногда, если вдруг зашумит ветер или я увижу, как плещется темная вода. Или когда перебираю фотографии.

А соревноваться с кем-либо я совсем перестала. Окружающие говорят мне, что это неправильно, и каждый раз удивляются: как это может быть — человек без всякого тщеславия. «Что же тебя двигать теперь вперед будет?» — недоумевают они. И что тут ответишь?

УДИВИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Тогда в России такой был раскардаш. Казалось, все вокруг открылось, занимайся, чем хочешь. Многие кинулись в торговлю. В самых неожиданных местах на улицах, на площадях стояли длинные вереницы мужчин, женщин, продававших кто что может — кто кофточки, кто накидки, кто обувь. Вещи в основном были китайского производства. А среди продавцов полно инженеров, оказавшихся без работы.

Вот в такое удивительное время и праздновала Оксана день рождения.

Собрались у нее люди самые разные. Федор — здоровенный мужик с большим носом — сидел в центре, как кувалда.

Сбоку от Оксаны — толстенькая ее сестра Надя с широким, как сахарница, лицом. Она шурилась сквозь очки при каждой его шутке, виновато улыбаясь и глядя по сторонам, как бы извиняясь: мол, что делать — вот такой самобытный мужик. Рядом с Надей сидел ее муж Володя — мягкий, тихо улыбчивый, спокойный, как будто давно ушедший в тину. А маленький Мартынов после каждого тоста начинал по новой: «Картофель требует любви и ласкового обращения. А то все думают — картошка, что с ней валандаться?» Мартынов раньше работал в институте картофелеводства, защитил кандидатскую, потом тему закрыли, и теперь он там трудился вахтером.

Оксана выглядела на все сто. Она была в белой кружевной кофточке и пышной юбке. Близких подруг у Оксаны в принципе нет. Она со всеми ругается. Говорит все, что она думает, людям в глаза, и отношения прерываются. Но сегодня те, кто смирился с ее характером, пришли.

Невысокую Наталью Петровну можно бы и сейчас назвать хорошенькой. Во всяком случае каждому, хотя бы по ее манере держаться, ясно, что она не из простых. «Да, — вздыхает она, — такое трудное время, — как заработать деньги? Я кручусь, конечно, но чтобы придумать такое, чтобы нам

всем быть на плаву?» — «Хорошо бы грант какой-нибудь получить», — вздыхает Мартынов. «Опять за свое, — говорит Оксана — мы же уже пробовали». — «А давайте организуем бюро по трудоустройству», — предлагает Лида. Лида в джинсовых брючках и широкой кофте с плечиками, вероятно, про себя думает, что еще хоть куда. Она залиvisto смеется и покровительственно поглядывает на Оксану. «Ну, давайте же, давайте, — горячо подхватывает Наталья Петровна. — Я готова предоставить помещение. Я — за! Но мы же ничего про это не знаем». — «Я знаю, — говорит Лида, — я об этом уже читала». Она заговорщически смотрит на Федора. Оксана недовольно перехватывает ее взгляд. «Да Федьке эта контора по барабану. У Феди свой бизнес — он книги реставрирует». — «Да, — грохочет Федор басом, — старые, церковные, у кого есть до тысяча девятьсот семнадцатого года». И наливает себе водки: «Давайте за именинницу, а то мы удалились от существа вопроса». — «Оксан, ты знаешь, на кого похож Федор?» — воркующим голосом говорит ее сестра Надя. Оксана глядит на нее сверху вниз: «Ну?» — «На Петренко». — «Вот еще! — кривит рот Оксана, — я этого Петренко терпеть не могу!»

Федор встает со стопкой в руке: «За именинницу! Оксана — друг, каких поискать!» Все дружно выпивают. Нашаривают в тарелке остатки закуски. А Оксана, раскрасневшись, выскакивает на кухню: «Сейчас второе нес!» — и возвращается с большим алюминиевым противнем, на котором аппетитно скворчит мясо, запеченное с картошкой. Раскладывает по чистым тарелкам, а грязные, собрав, уносит.

Все дружно стучат вилками. И в тишине Лида начинает по новой: «Так вот, я уже все продумала. Есть фирма, которая обучает делопроизводству в этом вопросе, берет под свое крыло». — «А это мысль», — соглашается Оксана. «Так ты тоже будешь? — радуется Лида. — Теперь нас трое. Надо распределить обязанности». — «Какие обязанности? — пугается Оксана. — Если сидеть надо — то я

не смогу!» — «Да, сидеть она не будет, я ее знаю, — устало говорит Наталья Петровна, — самим придется». — «Так несерьезно, надо по справедливости. Составим расписание и будем по очереди дежурить на телефоне, — говорит Лида. — Нам же звонить будут». — «Кто?» — удивляется Оксана. «Ну, те, кого мы трудоустроиваем. Люди будут приходиться. Мы им из банка вакансий предлагаем варианты. А они за это платят». — «А где вы этот банк возьмете? — спрашивает вдруг Оксанина сестра Надя. — Ну, фантазеры чистой воды!» — говорит она своему мужу Володе. Тот, обсасывая косточки, хмыкает, изображая удивление.

«Вот», — Лида роется в сумочке, лежащей рядом на стуле. У Оксаны все стулья стоят стадом около стола. А гостей пришло меньше, чем ожидала, она же никого не зовет, кто вспомнит, тот и приходит. Мартынов вон из-за города приехал. Мартынов встает вдруг и идет в коридор. Принесит большой целлофановый пакет, достает оттуда что-то завернутое в газету: «Чуть не забыл, так бы и задохнулись там — это ж рассада». — «Да что ты! — игриво говорит Оксана. — И это мне?» — «А то кому! — говорит Мартынов, вручает пакет, садится и снова берется за вилку.

«Ну вот, я нашла, вот это объявление о том, что фирма все берет на себя: и базу данных предоставляет, и программу для компьютера, и все реквизиты, мы будем как их филиал», — говорит Лида, вытаскивая из сумки какой-то листок. Федор: «И деньги они тоже будут за вас получать!»

«Нет, они берут только проценты. Но для этого мы должны заплатить», — объясняет Лида. «Сколько?» — вздыхает Наталья Петровна. «Двести долларов — говорит Лида, — сто даю я». — «Ну, и я, так и быть, сто, — говорит Наталья Петровна. — Только давайте начнем побыстрее. Очень уж деньги нужны». И они договариваются на следующей неделе отправиться на фирму.

Пошли они туда только через две недели. Вдвоем. Лида и Наталья Петровна. Погода была по-весеннему тревожной, с резким холодным ветерком. Встретились у выхода из метро и деловым шагом направились. «Оксана дура, — говорила Наталья Петровна по дороге. — Нет, правда, понимаешь, Лид, никогда не знаешь, какая ей шлея под хвост попадет, семь пятниц у человека на неделе». Наталья Петровна в кроссовках, коричневых брюках и белой кофточке выглядела представительно. «Некоторые вообще считают, что она с приветом», — немного запыхавшись, быстро говорила Наталья Петровна. «Нет, — отвечала Лида, — я же с ней училась. Она честный, порядочный человек. Ну а кто без странностей?» — «Да, да, да», — быстро соглашалась Наталья Петровна.

Они дошли до нужного дома, нажали кнопку домофона. Мужской голос спросил, по какому вопросу, и дверь открылась. Офис выглядел вполне солидно. Стулья для посетителей, два кабинета — вообще-то обыкновенная квартира на первом этаже, переделанная под офис, но так сейчас делают. Тощенькая девушка с блуждающим взглядом сказала: «Ждите», и они послушно сели в ожидании, глядя по сторонам.

Наконец одна из дверей открылась. Двое мужиков не столичного вида вывалились из комнаты с несколько растерянным видом. А высокий красивый парень, высунувшись за дверь, предложил им пройти. Уселся за большой письменный стол и начал вводить их в курс дела. Его белоснежный спортивный костюм, конечно, вызывал у них сначала некоторое удивление. Но потом они как-то об этом забыли. «Ясно?» — спросил он, закончив свою речь. «Ясно», — почти хором выдохнули обе. Он, собственно, ничего нового-то не сказал. А видя их нерешительность, добавил: «Ответ вам надо дать сегодня, потому что мы уже набрали достаточно филиалов». «Берем», — сказала, на минуту замешкавшись, Наталья Петровна и протянула ему деньги. Лида подумала, что, конечно же, зря она торопится, но что теперь уж говорить. По тому, как парень взял деньги, видно было, что их не вернешь. Он взял их и, лучезарно улыбнувшись, выписал чек.

«А вам никто не предлагал сниматься в кино?» — спросила его Наталья Петровна, беря у него чек. «Предлагали, — сказал он, пряча деньги в карман белых спортивных брюк. — У меня много знакомых. Вот видали? — Он поднес к ее носу кулак с огромным кольцом на одном из пальцев. — Сам Моисеев подарил, знаете такого?» Они, как сговорившись, разом кивнули головами и выкатились на улицу. «Ну, как тебе?» — спросила Наталья Петровна Лиду. «Посмотрим», — уклончиво ответила та. «Ты завтра ко мне в контору к десяти приезжай, а то люди начнут звонить, а я сидеть завтра не смогу». И Лида к десяти на следующий день приехала в офис к Наталье Петровне.

Офис у той был получше, чем у того парня в белом. Районное общество по охране природы, которое возглавляла Наталья Петровна, находилось в центре и располагалось в нескольких комнатах. Тут-то они и будут принимать и трудоустраивать. Здорово! Лида уселась за стол и разложила бумаги.

Первой желающей трудоустроиться оказалась девушка, розовощекая, стеснительная. Она робко вошла в комнату. Представилась и сказала, что очень хотела бы работать моделью. «Моделью? — растерялась Лида. — Но мы же трудоустраиваем продавцов в магазины, водителей, кондукторов. Разве вы не читали объявление?» За девушкой пришла

Рисунок Антонины Решетниковой

женщина. Полная, шумная, она плюхнулась перед Лидой на стул и стала рассказывать обо всем, что мешает ей жить. Она рассказала про мужа, с которым только разошлась, про соседку, про ремонт, который никак не может закончить. «Давайте все-таки ближе к делу», — попыталась Лида подвести ее к вопросу о работе. Оказалось, что та работает в издательстве, недовольна и ищет работу в другом таком же, но с большей зарплатой. «Я буду очень на вас надеяться», — говорила она на прощание несмотря на то, что Лида ей в пятый раз объясняла, что может предложить лишь работу в «Пятерочке».

Наталья Петровна приехала к вечеру. Устало села на стул рядом. «Слушай, а как же мы с них деньги будем получать? — вдруг спохватилась она. — У нас же нет кассового аппарата». И в этот момент раздался телефонный звонок. «Да, слушаю», — сказала Наталья Петровна. По мере разговора лицо ее вытягивалось и, когда она положила трубку на рычаг, было похоже на растянутую варенку. «Слушай, что они говорят! Если мы с этой фирмой, то вместе с ними и сядем». — «Кто это?» — не поняла Лида. «Не знаю, но чувствую, что похоже на правду. Говорят, что те аферисты отправляют людей по предприятиям, которых нет. Ну мы влипли. Тебе-то что. А у меня же официальное учреждение». — «Да мы же ничего не сделали еще». — «И я так говорю, — горячо подхватила Наталья Петровна. — А, ладно, пронесет! А у Оксаны интуиция, она даже не позвонила!»

Разъехались они. Деньги жалко, конечно, но что сделаешь? А через несколько дней у Лиды зазвонил телефон. «Ты мне нужна, — говорила Наталья Петровна, — ты уже проверена в деле, сегодня же приезжай, собираются люди, тебе будет интересно». — «А Оксана?» — спросила она. «А Оксану не вытацишь. Ты же знаешь, она со странностями». И Лида поехала.

Выйдя из метро, она сразу увидела, как маленькая Наталья Петровна в своих неизменных кроссовках в паре с тяжелым квадратным мужиком торопилась к месту встречи. Она их быстро догнала. «Привет, — обрадовалась ей Наталья Петровна. — Вот, знакомьтесь, Николай, с нашим будущим компаньоном».

«Лида», — протянула она руку, он сгреб ее на ходу левой рукой и, слабо пожав, отпустил.

«Сегодня грандиозный шанс, — говорила на ходу Наталья Петровна, — из Венгрии приехали сетевики, звезды, владельцы миллионов, они научат нас, как заработать».

Скользкий мокрый снег неприятно чавкал под ногами. «Вот здесь», — сказала Наталья Петровна.

На них, разворачиваясь, катила новая «школа». Они отскочили в сторонку. Машина остановилась. Из нее вышла сухощавая, коротко стриженная женщина, скупно улыбнувшись им, еще бы: она их чуть не задела!

Когда они зашли в аудиторию, человек десять внимательно следили за подсчетами на доске, которые уже вела эта самая сухопарая дама. «У нас тут ничего не получится, — зашептала Лида. — Она на нас чуть не наехала, где она и где мы». Но Наталья Петровна и Николай молча уселись за стол. Лида села тоже и начала слушать.

«Вы продаете порошок, получаете прибыль, она суммируется с той, которую получил тот, кто под вами», — говорила дама. «Какой порошок?» — удивилась Лида. «Я тебе потом объясню, — сказала Наталья Петровна и, не удержавшись, добавила: — Стиральный».

«Нет, это как гербалайф, я не умею убеждать», — объясняла Лида, когда они возвращались к метро.

«Ну хорошо, давай, придумаем еще что-нибудь, ты только не отчаивайся, созвонимся вечером». Наталья Петровна и Николай растаяли в толпе на кольцевой. Лида осталась одна и не знала, что делать. «Зайду-ка я к Оксане», — решила она.

Оксана жила неподалеку в блочной девятиэтажке. Кодовый замок не работал, у двери стоял пьяный. «Вы к кому?» — спросил он. «К Ивану Петровичу», — зачем-то соврала Лида. «Проходите!» — великодушно разрешил он и чуть не упал. Лида поддержала его и вошла в подъезд. Как всегда, у почтовых ящиков валялись листки рекламы и бесплатные газеты.

Оксана будто ждала Лиду. Сразу провела на кухню. «Вот!» — царственным жестом показала она. Посреди маленькой кухни стоял какой-то агрегат из нержавеющей стали размером со стиральную машину. За столом, на котором возвышалась бутылка шампанского, сидели Володя и Федор в широком, толстой вязке свитере, а у окна о чем-то переговаривались Мартынов и Надя. Мартынов был в джинсовом костюме, а кофточка с люрексом на Наде празднично переливалась. Завидев вошедших, все оживились. «Ой, как хорошо, что ты пришла! — бросилась к Лиде Надя. — Видишь, что у нас теперь? — она показала на агрегат. — Кукурузный комбайн!»

Лида почему-то испугалась. А Надя продолжала восторженно: «Лидка, хочешь с нами? Мы теперь акционеры. Вот этот аппарат делает воздушную кукурузу!» — «Будущее за картофелем, — сказал Мартынов, — но начнем мы, — убежденно договорил он, — с кукурузы!» Увидев сомнение на лице Лиды,

Володя сказал: «Тут ничего делать не надо, он работает сам. Мы только покупаем зерно, сахар и...» — «Пакетики», — подсказал Федор.

Надя в порыве чувств обхватила Лиду за плечи. «Давай с нами! Хочешь шампанского? — она потянулась к бутылке. — Ой, да здесь же уже нет ничего! Володь, вас одних за столом оставить нельзя!» Володя, который по такому случаю был в костюме с галстуком, обиделся и сказал: «Что тут пить-то?» — «Ты представь, — снова обратилась Надя к Лиде, — сейчас открывается много маленьких кафе, и в каждом стоит наш аппарат. Я уже почти договорилась в “Аргусе”, тут на углу». Лица у акционеров вдохновенно сияли. «А название, — вдруг осенило Мартынова, — мы сложим из первых букв наших фамилий и получится... — он задумался. — ...Дермоус! Ну, мы потом переставим по-другому», — быстро сообразил он.

«Нет! — неожиданно для себя засопровтивлялась Лида. — Я кукурузу не люблю. Особенно вареную». — «Тут сладкая будет, — сказала Оксана, — если будет...»

«Ну ладно, я подумаю, — пробормотала Лида, — но вообще-то мне пора, я заскочила на минуточку».

Оксана проводила ее до двери. Внимательно посмотрела и сказала: «А ты сегодня хорошо выглядишь, как-то помолодела».

Когда она вышла, на улице ярко горели фонари, шел снег. Переулок был белым и уютным. Лида решила пройти и посмотреть это кафе «Аргус». Она прошла переулком, свернула за угол — кафе не было. Вместо него был длинный дощатый забор. А на нем фанерка с надписью: «Строительство многоквартирного дома ведет Мосжилстрой».

А вечером позвонила Оксана. «У нас завтра собрание волонтеров, — сказала она. — Если тебе интересно, приходи. Мы будем обсуждать проблему защиты уссурийского тигра. Ну как, придешь?» — «Не знаю, — сказала Лида, — если получится, приду», — и повесила трубку. С бизнесом не получается, думала она, тигры мне нравятся, но как я их защищу?

Она пошла за продуктами. По дороге зашла в магазин. К прилавку стояла большая очередь. Там продавали чайники с подносами. Поднос был оранжевый в белый горошек, и на нем стояли два чайника: один побольше, а другой совсем маленький. И стоило все это очень дешево. А у нее как раз мужу вчера наконец-то за последние три месяца дали зарплату. Она встала в очередь. Купила чайники и поднос. И довольная пошла домой.

Владимир КОРНИЛОВ

Владимир Корнилов родился в 1947 году в селе Октябрьское Челябинской области. Член Союза журналистов России, выпускник Литературного института им. А. М. Горького.

За многолетнюю плодотворную работу в современной русской поэзии награжден грамотами Иркутского регионального отделения Союза писателей России.

Автор четырнадцати поэтических книг, изданных в Москве и Иркутске в 1984–2006 годах (две из них написаны для детей).

Публиковался в таких изданиях, как «Юность», «Москва», «Наш современник», «Истоки», «Сибирские огни», «Байкал» и др.

За многолетнюю успешную работу по воспитанию литературно одаренных детей Владимиру Корнилову присвоены высшая квалификационная категория и звание «Почетный работник общего образования РФ».

Работает во Дворце детского и юношеского творчества п. Энергетик г. Братска педагогом-методистом по литературному творчеству.

ОСЕНЬЮ

Днем еще тепло стоит, как летом,
Солнце льет на землю благодать.
Но уже по собственным приметам
Осень нам нетрудно угадать.
Серебристы утренники стали.
Вновь страда бессонницей в село.
Стайки птиц повсюду сбились в стаи —
До отлета пробуют крыло.
...Воздух аж звенит от паутины.
Женщины безумно хороши!
Эти ежегодные картины —
Трогательный праздник для души.
...Посмотри, как высветила осень
Дальние отсюда берега!
Сквозь ее пронзительную просинь
Подступила к берегу тайга.
Все в природе близко и знакомо,
За версту дотянешься рукой
До тайги, охваченной истомой,
До звезды над утренней рекой.

Грустные стихи

Душа томилась у меня,
Рвалась наружу:
Ей скучны скорбный морок дня,
Седые лужи.
Как будто кто-то на Руси
Вдруг умер тихо.
Все утро дождик моросил —
Без передыха...
На небе сером, как зола,
Померкли краски.
...Душа же с трепетом ждала
Осенней сказки.

Обращение к душе

Не бывает в жизни худшего,
Чем разбитые мечты.
Оглянись, душа заблудшая!
Отряхнись от суеты!
Коли суть твоя утеряна —
Лишь Творец ее спасет:
Вдосталь каждому отмерено
От Его святых щедрот.
...Но, пройдя сквозь мрак и тернии,
Мы вернем для нас с тобой
Благодать в часы вечерние
И согласие меж собой.
...Свой восторг отдам я зелени,
Светлым солнечным лесам.
... А тебе стремиться велено
К чистым горним небесам.

Русский говорок

Анатолию Казакову

Зимним утром снег певуч и звонок —
Каждый шаг озвучен каблуком.
Жители сутулятся спросонок,
Освежая души холодком.
...И, вливаясь в зарево проспектов,
Потекут безудержной рекой.
Тут порою не до интеллекта,
Окунувшись в кипяток людской.
Кто-то обожжется грубым хамством,
Кто-то преподаст ему урок.
...Целый день морозное пространство
Оживляет русский говорок.

ВЕСНА

Синеют сопки. Даль ясна.
Над Ангарою всплески чаек.
В сапожках розовых весна
Меня на улице встречает.
...От горизонта тонкий след
Пронзил лазурный купол неба.
Февраль прошел... Он словно не был —
В последних числах таял снег...
Водоворот весны и муз —
В нем боль моя на самом донце.
А вон в коляске карапуз
Свои ручонки тянет к солнцу.
...Весна! Весна! А песня где ж?
Чтоб в даль звала и ширь открыла!..
В душе я слышу вновь мятеж —
Бунтует молодая сила..
Кипит в размытых лунках снег
И прожигает тротуары.
И юность, радуясь весне,
Уже настроила гитары.
...Синеют сопки. Даль ясна.
Над Ангарою всплески чаек.
Идет по городу весна,
В ладонях солнышко качая.

г. Братск

Маргарита СОСНИЦКАЯ

Маргарита Сосницкая — автор книг, очерков, статей.
Ее Константиново — село Рудовка Луганской области.

В 1985 году окончила Литинститут. В самиздате вышли два поэтических сборника — «Опиум отечества» и просто «Поэзия». Дебют прозы произошел в Италии: в издательстве «Фелтринелли» в переводе вышла повесть «Званный обед». В Москве в «АСТ-Астрель» изданы роман «София и жизнь» (2003) и сборник прозы «Четки фортуны» (2008), в издательстве «Совпис» — сборник рассказов «Записки на обочине» (2002), публицистических работ «Трава под снегом» (2004) и «Книга Притч» (2008). Участвовала в сборнике «Русские в Италии». Многочисленные статьи, эссе, рассказы, поэтические подборки появлялись на страницах различных газет, журналов и в Рунете. Сборник поэзии хайку «Стихи на веере», «Книга Притч» и роман «Битва розы» опубликованы на сайте <http://software.xoom.it>. Член Союза писателей России.

ВИДИМАЯ И НЕВИДИМАЯ СВЯЗЬ НАБОКОВА И ЛУКАША

ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ

*Большой роман принес Лукаш,
А ну, любезнейший, покажь!*
В. В. Набоков

1.

Газданова иногда называют вторым Набоковым, а Набоков между тем поддерживал дружеские отношения с поэтом, писателем, публицистом Иваном Лукашем (1892–1940), писал с ним в соавторстве балетные либретто и скетчи для берлинского кабаре «Синяя птица», в других источниках называемого «Русским кабаре»¹. В Кенигсберге в 1925 году шел балет «Лунный кавалер» (композитор А. Эйхман) по совместному либретто Набокова и Лукаша; в том же составе было написано либретто пантомимы «Агасфер» на музыку М. Якобсона. Кроме того, Лукаш также послужил прообразом литератора Сергея Бубнова в романе «Подвиг».

Литературовед Людмила Спроге в статье «Пушкинский миф Лукаша» называет Бубнова «периферийным персонажем»², как бы умаляя этим качество

героя. Ее внимание обращено на его значимость, на количество присутствия в романе. И с этой точки зрения его можно назвать периферийным. Но с точки зрения качества, а не количества он является отнюдь не периферийным, а перманентно-фоновым героем, наполняющим назревающий и происходящий в романе подвиг высоким звучанием и смыслом. Он прибавляет внутренней мотивации поступку главного героя Мартына. Бубнов привносит в атмосферу, в сам воздух романа ион жертвенной, слепой, безрассудной, одержимой, почти животной любви к России. Разве такой человек может быть периферийным? Лейтмотив его проходит как закадровая партия скрипки, чье звучание время от времени выходит на первый план. Литератор Бубнов — это представитель круга, а может, и среды «деятельных, почтенных, бескорыстно любящих родину русских людей»³.

¹ Русские писатели 20-го века: Биографический словарь. — М.: БРЭ: Рандеву-АМ, 2000. — С. 425.

² Спроге Л. Пушкинский миф Ивана Лукаша // Пушкинские чтения в Тарту 2. — Тарту, 2000. — С. 331–333.

³ Набоков В. В. Подвиг. Нью-Йорк: Торонто, 1956. — С. 165.

Но он не просто деятельный и почтенный человек, а еще творческий («Бубнов за три года выпустил три прекрасных книги, писал четвертую...»¹), потому что истинная любовь отмеченного даром человека созидательна. И личность прототипа переклещивает узкие рамки пространства, уделенного ему в романе. Это пространство рвется на нем, как детская рубашка на взрослом крепком атлете.

2.

Н. Н. Берберова отмечает такое явление в литературе, как «растворенный эпиграф». «Эпиграфа у “Лолиты нет”, но он сквозит на каждой странице... <...> Он без остатка растворился в тексте, а мог стоять под заглавием — но нет, он там не стоит»². Этот растворенный эпиграф Набокова к «Лолите» — баллада Эдгара По «Аннабель Ли»: «Где-то в памяти его (Гумберта Гумберта. — М. С.) живет... образ-миф его первой любви. Лолита, Ло, Лола, Долорес, Долли — воплощение когда-то не до конца осуществленного счастья “у края приморской земли”... Там жила Аннабель Ли... — ребенок...»³. И к слову будет сказано, что и *Аннабель Ли* растворено в имени *Лолиты*, как и вся баллада в этом произведении Набокова. С таким же приемом мы сталкиваемся в романе другого галлиполийца «Призрак Александра Вольфа». Здесь в имени Вольфа, а по-английски Wolf, растворены инициалы имени и отчества Набокова Владимира Владимировича: В. В. — V. V., а в самом произведении он «сквозит» вездесущно⁴. Пальму первенства в применении приема растворенного эпиграфа Берберова отдает Набокову. Но, вероятно, это не совсем верно. В литературе пришло время такого явления. Для него созрел наработанный культурный пласт, вошедший в подсознание. Для Набокова частью такого пласта стал Эдгар По, для Газданова — сам Набоков, для Лукаша — Пушкин. Сам Лукаш, как отмечено выше, становится прототипом маленького героя, С. Бубнова, в романе «Подвиг». То есть шел какой-то живой культурный процесс со взаимообменом, отчасти телепатическим, черпаемым из эфира, взаимообменом веяний, впечатлений, опыта. Шел он именно в духовно-культурном ареале русского зарубежья того плодотворнейшего периода, который из упомянутых имен выплеснул на родные «другие» берега России первой волной духовной репатриации классика

Набокова, второй — неоклассика Газданова, и сейчас, может, наконец, пришел черед третьей волны — черед постнеоклассика Лукаша. По крайней мере, очень хотелось бы, чтобы это было именно так, потому что в творчестве этого писателя, порой поднимающемся на лесковские высоты (образом белицы Параша), а уж на тургеневские совсем легко (чем не тургеневская девушка Лиза Орфанти из «Бедной любви Мусоргского»), сосредоточены исконно русские ценности.

Но вернемся к растворению эпиграфа — этого брата названия, его культурологического соратника и сообщника, а точнее, к эффекту, *обратному* растворению эпиграфа, который прослеживается в произведениях Лукаша. Это эффект *выкристаллизации эпиграфа*, который постепенно поднимается над поверхностью текста, как сверкающая на солнце гранями глыба льда. Постепенно — т. е. по мере чтения книги — появляется в поле умозрения издалека, а потом приближается, становится отчетливой и больше, пока не вырастает во всем объеме и значении.

Санкт-Петербург — узорный иней,
ex libris беса, может быть,
но дивный... Ты уплыл, и ныне
мне не понять и не забыть.

Мой Пушкин бледной ночью, летом,
сей отблеск объяснял своей
Олениной, а в пенье этом
сквозная тень грядущих дней.

И ныне: лепет любопытных,
прах, нагота, крысиный шурк
в книгохранилищах гранитных;
и ты уплыл, Санкт-Петербург.

И долетая сквозь туманы
С воздушных площадей твоих,
Меня печалит музы пьяной
Скулистый и осипший стих⁵.

Берлин, 25 сентября 1923 г.

То есть стихотворение написано в тот период, когда Иван Лукаш вместе с Сириным, Сергеем Горным, Вл. Амфитеатовым-Кадашевым, Гл. Струве и др. сотрудничал с небольшим берлинским журналом «Веретено». Тогда же, с осени 1922 года, он был в составе учредителей литературного сообщества «Братство Круглого Стола», а Сирин сочинил экспромт, положенный здесь в эпиграф.

А вышеприведенное его стихотворение «Санкт-Петербург — узорный иней, / ex libris беса...» является

¹ Набоков В. В. Подвиг. Нью-Йорк: Торонто, 1956. — С. 162.

² Берберова Н. Н. Избранные произведения. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. — С. 663.

³ Там же.

⁴ Сосницкая М. С. Под знаком Wolfa [Электронный ресурс] // Общество друзей Гайто Газданова. — 06.08.2007. — Режим доступа: <http://www.hrono.ru/text/2007/sos0807.html>.

⁵ Набоков В. В. Стихотворения. — Л.: Художественная литература, 1990. — С. 72.

не только эпиграфом всех петербургских произведений Лукаша, от «Графа Калиостро» до «Снов Петра» и «Бедной любви Мусоргского», но и сжатым, свернутым кодом этих произведений. В нем присутствует не только тема, но и дух, атмосфера и настроение петербургских текстов Лукаша, и отдана большая дань пушкинизму. Это миниатюрное отражение петербургско-пушкинского мира и мифа И. С. Лукаша.

Не исключено, что из-за своей склонности к диалогизму он обладает высокой вероятностью вскоре стать не только популярным, но и модным писателем в фольклорно-феерическом пространстве народной жизни, как стал моден после забвения М. А. Булгаков в силу здравствующей тенденции заигрывания с бесовщиной. А на Западе, откуда к нам без разбору приходит всякая мода, нечистая сила беспрестанно одушевляется в рекламных плакатах, роликах, в кинофильмах, книгах, начиная с детских. И эта перспектива Лукаша уже указана в стихотворении В. В. Набокова: «...ex libris беса...»

Любопытно, что написано оно человеком, близким Лукашу, в период их пребывания в одном городе (единство времени и пространства), на волне и духовного их сближения: они, о чем уже сказано выше, в соавторстве писали балетные либретто и скетчи. Если можно так сказать, Лукаш всем своим творчеством и жизнью продемонстрировал и доказал преданность тем идеалам, которые объединяли его и Набокова.

А тот, в свою очередь, считал, что у Ивана Лукаша «стиль превосходен»¹. Набокову не нравились сочинения Б. Л. Пастернака, он находил его синтаксис «каким-то развратным», знание русского языка «плоховатым»², а И. С. Лукаша, как показано выше, уважал и высоко ценил, работал с ним, и более ни с кем другим, в соавторстве. Им было и о чем поговорить, вспомнить. Ведь оба — дети Петербурга. И если Б. Л. Пастернаку при всех оспариваемых качествах его сочинений, признанных В. И. Сафоновым образом графомании, выпали лотерея «быть притчей на устах у всех»³, знаменитая премия, огромные тиражи, слава, растиражированная голливудской кинокартиной, то чего же тогда заслуживает И. С. Лукаш?

Необыкновенная и необъяснимая дружба В. В. Набокова и И. С. Лукаша имеет почти мистическую подоплеку. Ее можно рассматривать по латинскому правилу *nomen est omen* — имя есть знамение, имя что-то предвещает. Но предвещает оно в том случае, если касается будущего, а если относится к

прошлому, то разгадывает, указывает на какую-то неизвестную причину, в индийской традиции называемую кармической связью.

Псевдонимом Лукаша в ипостаси поэта-эгофутуриста был Оредеж. А что такое Оредеж? Река, на которой стояло имение прабабушки В. В. Набокова. Находилось оно в маленькой деревне Батово, которая «вошла в историю не только благодаря К. Ф. Рылееву. В 1854 году владелицей Батово становится баронесса Нина Александровна фон Корф (1817–1895), прабабушка В. В. Набокова. Батово находится во владении ее дочери Марии Фердинандовны (1842–1925), будущей бабушки писателя. В пятнадцатилетнем возрасте ее выдали замуж за Дмитрия Николаевича Набокова (1826–1904), сенатора, министра юстиции в 1878–1885 годах. Многочисленная семья с девятью детьми проводила в Батове летние месяцы, а Мария Фердинандовна часто и зимовала там. Усадьба обновляется, строится новый дом, расширяется и благоустраивается парк. Дети росли, заводили свои семьи. Владимир Дмитриевич женился на Елене Ивановне Рукавишниковой, дочери Рождественского соседа. <...> Немало воспоминаний связывало В. В. Набокова с Батово. В “Других берегах” он вспоминает “прелестное бабушкино Батово”, прославив тем самым небольшое село на весь мир.

В комментариях к роману “Евгений Онегин” В. В. Набоков выдвигает гипотезу о якобы имевшей место в Батове в начале мая 1820 года дуэли Пушкина с Рылеевым. Попутно Набоков вспоминает и “всамделишную” дуэль — дуэль его с двоюродным братом Юрием Раульем на батовской аллее. В 1967 году в стихотворении “С серого севера” Набоков вспоминает дорогие ему места в Петербургской губернии⁴:

С серого севера
Вот пришли эти снимки.
Жизнь успела не все
Погасить недоимки.
Знакомое дерево
Вырастает из дымки.
Вот на Лугу шоссе.
Дом с колоннами. Оредеж.
Отовсюду почти
Мне к себе до сих пор еще
Удалось бы пройти.
Так, бывало, купальщикам
На приморском песке
Приносится мальчиком
Кое-что в кулачке.

¹ Лукаш И. С. Сочинения. — М.: НПКС «Интелвак», 2000. — Т. 2. — С. 392.

² Чех А. Противоречивый Набоков // Сибирские огни. — Новосибирск, 1999. — № 3. — С. 211.

³ Сафонов В. И. Борис Пастернак. Мифы и реальность. М.: X-com studio, 2007. — С. 107.

⁴ Гусарова Г. У истоков Оредежа [Электронный ресурс] // Гатчина сквозь столетия. — Режим доступа: <http://history-gatchina.ru/article/topobatovo.htm>.

Все, от камушка этого
С каймой фиолетовой
До стеклышка матово-зеленоватого,
Он приносит торжественно.
Вот это Батово.
Вот это Рождественно.

Пишет это стихотворение Набоков уже на родине своей смерти, в швейцарском Монтре, спустя более четверти века после кончины И. С. Лукаша: «Дом с колоннами. Оредеж»¹, вольно или невольно поминая своего соавтора. А вот он со свойственным поэтам слепым провидчеством взял себе этот псевдоним еще до знакомства и сближения с Набоковым, состоявшимся в Берлине в начале 20-х годов. Все эти совпадения наводят на мысль о неслучайности, о некоем скрытом смысле симпатии и связи между этими двумя людьми. Набоков не просто уважал своего коллегу-земляка, но и опирался на него в своей литературной деятельности. Примером тому служит история с книгой Н. А. Раевского «Добровольцы».

«Добровольцы» были готовы в середине 1931 года. Н. А. Раевский послал крупные отрывки Ивану Бунину и еще нескольким писателям. Откликнулся только Владимир Набоков. В письме, пришедшем от него в сентябре 1931 года, говорилось: «Многоуважаемый Николай Алексеевич, ваши очерки прямо великолепны, я прочел — и перечел их — с огромным удовольствием. Мне нравится ваш чистый и правильный слог, тонкая ваша наблюдательность, удивительное чувство природы...»²

В. В. Набоков не ограничился только благожелательным отзывом, он решил помочь родственному ему по увлечению энтомологией литератору. Тридцатого сентября 1931 года он делает предложение: «Многоуважаемый Николай Алексеевич... Мне очень хотелось бы пособить вам в деле помещения в журнале ваших очерков. <...> Если бы вы пожелали предложить очерк газете “Возрождение”, то я мог бы обратиться — с удовольствием бы это сделал — к старому моему приятелю Лукашу, который там работает...»

Надежды Набокова оказались напрасными. Двадцать пятого ноября 1931 года он сообщает об отказе «Возрождения», пересылает Раевскому полуженное письмо Лукаша...³

Этот случай лишний раз свидетельствует не только об отзывчивости Набокова вообще, но и о том, что он видел в лице Лукаша «приятеля» и авторитет.

3.

Повесть «Сны Петра» — это сны Петра Первого, приснившиеся Ивану Лукашу. Это сны царя, приснившиеся писателю.

В главе «Тимпаны» государь Николай Павлович пребывает в некоей временной прострации. «Разве ночь? Мои часы били семь»⁴, — спрашивает он. И в этой прострации ему «суждено было испытать странное происшествие...»⁵ Ему почудилось, что исчезла гвардия, «вымерла столица, опустела вся империя...»⁶ Но и то, что видится мальчику, которому рассказывают о государе и часах на камине, тоже сновидение в главе «Сон»: «Ему кажется, что все летит на громадных медных крыльях: багровые стены домов вокруг площади, гранитная Александрова колонна с ангелом на вершине, молодые лица солдат в синих бескозырках, извозчики, прохожие, фонари, небо, светлый снег, летит на медных крыльях Петербург, Россия, и он летит с Россией в своей шинельке, ставшей крылом»⁷.

Сновидец этой фантазмагии наяву — мальчик «с полным и светлым лицом, в гимназической шинели»⁸, бежит именно по Морской улице, где и по сей день стоит особняк родителей Набокова — летучий голландец его воспоминаний, — в котором будущий русско-американский классик провел детство, а сегодня в нем находится его музей. Упоминание Морской улицы прозрачной нитью вышивает присутствие Набокова в «Снах» Лукаша: ведь отрок Владимир легко мог видеть в окно этого бегущего мальчика в гимназической шинели. Или подойти в этот момент и одернуть шторы.

В «Снах Петра» чувствуется некая призрачность, недоволенность в материальном мире; собственно то, что сказал сам Лукаш о России в предисловии к сборнику — *невоплощенный сон, полуявь-полувидение, смена снов*, — можно сказать и о его творчестве вообще, и о «Снах Петра» в особенности. Ни чьи более произведения не вызывают такого ощущения призрачности, некоего полупризрачного видения-силуэта, начерченного на воздухе.

...Разве что некоторые страницы «Призрака Александра Вольфа», когда герою видится белый всадник, скачущий по степи. Но и роман Газданова называется «Призраком...». У Лукаша «Сны», т. е. сновидения. И во всех этих произведениях проступает призрак Владимира Набокова.

¹ Набоков В. Стихотворения. — Л.: Художественная литература, 1990. — С. 165.

² Митрофанов Н. Н. «Тихий Крым» белого капитана Н. Раевского // Москва — Крым: Историко-публицистический альманах. Режим доступа: www.moscow-crimea.ru.

³ Там же.

⁴ Лукаш И. С. — Т. 1. — С. 489.

⁵ Там же. С. 490.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Окончание. Начало в № 1 за 2011 г.

ПИЭЛЬ

ПОВЕСТЬ

5.

В столовой Надин вела себя скромней обычного, зато Мара высоко держала гордую шею, глаза метали молнии.

— Это ты ночью скребся?

— Где?

— Не где, а куда. В дверь нашу из тамбура.

— И тихонько подвывал: «Девочки, пустите на пять минут». — Надин прыснула.

— Нет, не я.

— А мне кажется, ты, — настаивала сердито Мариам. — Голос на твой очень похож.

Надин подмигнула, ущипнула под столом:

— Нет, правда не ты? А мы на тебя подумали. Эх, ошиблись, значит, в лучших чувствах. А тогда кто же это такой храбрый? Не Гофман точно, он бы палкой колотил по ведрам, его по палке вычислить можно. Красилов — правильный семейный человек, неужто Герасимыч? Вот старый хрен, надо ему удочки переломать шваброй. Кстати, Николая, сегодня жару дикую обещали. Тридцать два градуса. Пойдем загорать на озеро?

— С тобой?

— Ну.

— Не-а.

— Тогда иди без меня, там встретимся. Ляжем рядом, обнимемся, хочешь?

— Кого Пасюк вчера на руках таскал — или мне приснилось?

— Допустим, и что?

— А то. Нам потасканные девушки без нужды.

— Не таскал, а носил, держа перед собой.

— Разница невелика: поношенные девушки тем более не требуются.

— Что, любовь погибла? — неожиданно расхохоталась Надин. — Не любишь больше? Мара, послушай, он меня не любит! Ой, несчастная я, несчастная! А ты поухаживай за девушкой просто так, без любви, пригласи на танец в деревенский клуб. Вдруг пойду?

— На ручках поносить не надо?

— Ой, точно, как это я забыла? Поноси на ручках!

— Милиционеров не ношу. Вам, гражданочка, надо в соседний коттедж обратиться к некому Броне Пасюку, он за недорого оказывает подобного рода услугу: в пьяном виде таскает по пляжу милиционерш, тоже в дрезину пьяных.

— Обиделся, что ли? На обиженных, Николая, воду возят. Мара, он правда ревнует. Шулер, а ревнует! Я же тебе поэтому и говорю: поноси на ручках — и вся ревность мигом улетучится, устанешь — и зависть пропадет. Давайте, Николая, сделайте приятное девушке вне регламента.

— Размечталась. Глаз закрой.

Надин дала кулаком по горбушке.

— А кто на кровати Фаины в карты резался? А? Думаешь, не знаем? — еще раз трахнула. — Все знаем! На ее ноге в карты играл!

— Ну и что?

— А ничего, — с размаха треснула по шее. — Будешь знать другой раз!

После занятий Гофман с Колей решили прошвырнуться на озеро, где Володя не стал раздеваться, а сел на скамейку — сушить на солнце не желающую сохнуть в коттедже одежду да листать конспект.

На маленьком пляже собралась почти вся группа.

Мара лежала на покрывале и была очень хороша, и знала, что хороша. Гофману приходилось снимать очки, протирать стекла, которые у него отчего-то мгновенно запотевали, стоило нацепить на нос.

Худошавая Надин ютилась рядом с подружкой. Следующим в ряду расположился Красилов в темных очках с конспектом, бумагой и ручкой. Он уже всю программу проглотил на новом языке оптимальный полив рисовых чеков. Было множество прочих оголенных, в основном женских тел, красивых и разных. Не было Инессы с Фаиной.

По контрасту с внезапной жарой вода в озере казалась холодной. Имеющиеся на причале три лодки уплыли от станции с загорающими.

— Вот где началось настоящее знакомство! — произнес снисходительно Герасимыч, среди бела дня появляясь в обычном брезентовом виде: с ведерком и удочкой. — Эй, Артур! Подбрось на другую сторону! — закричал весельной лодке, на которой плыли местные спасатели. — На этом берегу уже не положишь. Купальный сезон, вишь, открылся!

Скрипя уключинами, лодка ткнулась в песок.

Однако местные туристы-профессионалы турбазы пригласили в лодку отнюдь не Герасимыча. Герасимычу они сказали, что на другую сторону не поплывут, там им делать нечего. Им надо рекламировать здоровый образ жизни среди отдыхающих и понемногу вовлекать их в сплоченные туристические ряды.

— Все с вами ясно! — хмыкнул рыбак, отправляясь в путь по берегу, дальше от пляжа.

Первыми, кого решили привлечь туристы на свою сторону, оказались Мара и Надин. Девушки резво свернули покрывало, запрыгнули в лодку, после чего молодые люди повезли их по озерной глади — показывать местные достопримечательности.

Прыгая в лодку, Надин нескромно посмотрела на Колю: «Съел? Меня-то пригласили, а тебя нет!»

Гофман тоже поднялся, взял палку. Сказал, что пойдет учиться в коттедж. Здесь комары. Врет, конечно. Единственное место, где комаров нет, — пляжный берег озера с горячим белым песком, а в коттедже их множество летает, не столько кусая, сколь противно звеня и портя настроение.

За ужином давали рисовую кашу с маслом, вареные яйца, какао, белый мягкий хлеб. Высокоэнергетический туристский паек.

— Наплавался сегодня? — Надин как ни в чем не бывало бодро уплетала свою кашу, мотала головой, что-то мурлыча себе под нос.

— А вы хорошо накатались?

— Ой, отпад! Поедем... кра-асо-о-отка... кататься... давно я тебя поджидал! Понял? — и под столом пнула Николая, целя в коленную чашечку. — Сегодня вечером идем в гости к туристам, пойдешь с нами?

— Зачем мне ваши туристы?

— Наглеешь, Николенька? Просто ходим.

— Идите, ни в малейшей степени не препятствую. Только мне лично без интереса, — и посмотрел в сторону Гофмана.

Тот бы тоже не пошел к туристам, даже за компанию с Марочкой. Или пошел бы? Но Николай точно незачем переться, когда он, слава богу, никому ничем не обязан, и, кстати, ни в кого не влюблен, живет в свое удовольствие, как белый человек. Улыб-

нулся Надин до ушей и подмигнул: знай наших!

И кашу тоже ел с удовольствием: сладкая, вкусная — и смотрел при этом то на одну подружку, то на другую, то немного дальше, на Гофмана, который все прекрасно слышал, сильнее, чем обычно, горбясь.

Нехорошо. Ой нехорошо, когда тебя девушки упрасивают, а ты выламываешься. Но приятно, черт возьми. Он бы согласился сразу, только непонятно: почему, собственно, подружкам на пару не сбежать к новым друзьям без него? Раз так хочется? Что за надобность в контролере? Не ругаются за себя?

— Так идешь? — Надин еще раз пнула и попала.

— Так это, не сторож я жене чужой. Если шибко боитесь — не ходите вовсе или попросите Гофмана сопровождать. Володя парень серьезный, в случае чего, если туристы возникнут не по делу, знаешь, как их палкой причешет!

— Не, палкой не надо. Я ж тебя серьезно прошу — пойдем!

— Дай человеку поесть, — вступилась вдруг Мара.

Но подружка не унималась:

— Идешь?

— Не пойму, зачем... Да ладно, сходим, не жалко.

— Для прикрытия, понял? Как-нибудь возьму тебя в ночную разведку, если, конечно, проклятые фашисты вновь посмеют напасть на нашу советскую родину. Сам знаешь, в мирное время девушки в разведку не ходят. Только в турпоходы, иногда в гости. В основном к мальчикам.

К мальчикам направились в одиннадцатом часу вечера. Было светло, как в обычном Приполярье.

Дверь открыл мальчик лет пятидесяти пяти, одетый в синий тренировочный костюм, седой, но поджарый, высокий и крепкий врач турбазы, который представился Сашей и радостно блеснул при этом многочисленными золотыми зубными коронками. Они вошли в домик начальствующего состава базы без всякого священного трепета. Руководителю туристической подготовки Сереже, напротив, — не более двадцати, ну двадцать два от силы. Действительно, мальчик с милым есенинским лицом, льняными волосами. Один из тех двух, что приплыли на пляж и увезли Мару и Надин. Второй — спасатель турбазы по имени Артур — также присутствовал.

«Два плюс четыре, — начал производить несложные вычисления Николай, увидев на столе знакомые бутылки с желтоватым составляющим коктейля «Гавана клуб», инстинктивно морщась. — Нет, пить сегодня не буду, сколько можно? Получится три плюс два плюс свидетель».

Своим отказом потребить уже налитые сто граммов Николай удивил, чуть ли не испугал Сережу и расстроил всех остальных.

Надин прошипела:

— Выпендриваешься?

— Учимс-ся, девушка, завтра с утра!

Попыталась, как всегда пнуть под столом, но попала в ножку стола и, расплескав «Гавану», сразу успокоилась.

— Да пусть человек немного здоровье побережет.

Несмотря на благодушие врача Саши, наличие трезвого свидетеля явно смущало пьющих. После второго стаканчика, чтобы разрядить обстановку, Сережа взял гитару. Все присутствующие называли его просто Адмиралом, и он без улыбки откликнулся.

Врач с интересом поглядывал на Марочку. И Адмирал, и спасатель Артур, который перестал ускользать взглядом, — все очень внимательно смотрели на Марочку, Адмирал даже пел конкретно ей, это нетрудно заметить.

А та со слабой улыбкой на устах скромно опустила густые ресницы, и неясно даже, устала за день или благовоспитанной девицей держится.

Врач Саша вздохнул: «И-и-е-ех!», после чего, словно одумавшись, принялся опекать Надин, подкладывая ей разогретую туристскую еду — гречневую кашу с тушенкой — на пустую тарелку с отеческой нежностью, но как-то не вдохновенно, скорее, по привычке старого кавалера. Подлил рома в пузатый бокальчик.

Надин развратно улыбалась.

Николя с интересом слушал туристские песенки, помалкивал, знай налегал на гречку. После третьей дозы горячительного напитка речь зашла о предстоящем походе на байдарках.

— Это трехдневный поход, — принялся объяснять Адмирал Сережа, обращаясь к Николаю с непонятной вдохновенной горячностью, будто путешествие предстоит за его, Николая, счет. — Будем сплавляться по реке, две ночевки с кострами, песнями...

— Природа... чудеснейшая на всем пути, — поддакнул Артур, с наслаждением погладив красивую шведскую бородку. — Ночи предстоят волшебные. Фирма гарантирует отличное времяпрепровождение! Кроме того, останется столько впечатлений, что хватит на всю оставшуюся жизнь.

— И заметьте, серьезная проверка организма, столь необходимая в переходном возрасте, — мигнул по-свойски врач Саша. — В вашем возрасте молодые люди уже обязаны знать, на что способны, а на что нет.

— Я знаю, — кивнул Николаю, покончив с кашей. На столике заметил остатки оберток брикетов и уточнил: — Сухой паек?

— Остатки, — кивнул Сергей. — Тушенка свиная натуральная, а вот попробуй консервы рыбные, тоже классные.

— Да, отличная вещь, — не стал отказываться Николаю, цепляя ложкой от стеснения сразу полбанки. — Отличный паек, высоко-ка-ло-рийный.

— Имей в виду, у тебя есть шанс участвовать в походе на байдарках. Девчонки уже согласились. Поплывем?

Тут честная компания перестала разговаривать, жевать и устремила взгляды в его сторону.

Николя чуть не подавился. Разом нахлынули воспоминания о походах детства, пионерского отрочества и комсомольской юности, в коих он принимал участие в добровольном или принудительном порядке.

И не было среди них ни единого, который бы не закончился неприятным происшествием для него лично. Где бы он не упал с дерева (зачем залез — не помнит, тоже, наверное, не от хорошей жизни), или его не укусила змея, или не растянул колено и не хромал с двумя палками, как инвалид, всю обратную дорогу, а прочие от души не потешались, думая, что он так веселит публику. Хотя нет, имело место путешествие, во время которого с ним ничего не произошло, зато еще более неудачливая участница вообще сломала ногу. Пришлось эвакуировать ее на самодельных носилках и собственном горбу по пересеченной местности с середины пути.

Не-а. Ни под каким соусом не согласен! Мара с Надиной не затают его в очередное дурацкое мероприятие с леденящими ночевками в палатках, переворачиванием лодок, прочими сюрпризами дикой природы. Ему двадцать три. И он человек разумный. «Я — человек разумный, — повторил Николаю про себя, — и трезвый, а значит, никому не поддамся, как бы ни уговаривали — раз... два... пять сумасшедших — стать таким же, как они, на несколько дней... всего-то. Нет-нет-нет, чур меня! Ни за какие коврижки, увольте!»

— Что вы, народ, занятия, пропускать нельзя. Мне первый отдел не простит. Знаете нашего кагэбиста Олега Ивановича? Суровый мужик и все про всех знает.

— Уходим в пятницу, пропустите один день, вернемся в воскресенье.

— Не любитель бегать с рюкзаком. Извините.

— Рюкзаки поплывут на лодке, таскать не придется.

— Я так и знала, что он откажется, — произнесла Мара с непостижимой болью в голосе.

— А вы поезжайте. Плывите... сплавляйтесь, то есть. И ты, Мара, и Надин. Зачем вам я? Наоборот, без меня даже лучше будет. А я тем временем лекции законспектирую и дам списать. Если хочется, почему не съездить?

Надин усмехнулась невесело. Нет, не так улыбаются буйные девицы после трех пузатеньких бокаль-

чиков кубинского напитка из сахарного тростника, а Марочка зыркнула исподлобья, давая понять, что с сегодняшнего вечера он ее личный враг номер один на все грядущие времена.

— Нам не хватает одного человека в лодку, — уже как бы и не веря в то, что Николая поедет, упавшим голосом пояснил Сергей. — Байдарки-двойки у нас.

— Для численности зовете?

— Для численности.

Адмирал сидел маленький, даже не обиженный, а просто на голову разгромленный, потерявший весь флот до последнего матроса, флаг и тот утоп. Здесь можно понять: плановый поход срывается, работа не выполнена, за что зарплату платить? Коле наравне с прочими сделалось грустно, что, сам того не ведая, подвел хорошего человека.

— Ладно, если для численности, давайте сплаваем.

И тут же пожалел: «Неразумный я человек».

Но плакать было поздно.

6.

В разобранном состоянии байдарки предстали здоровенными брезентовыми мешками неприятных размеров — рюкзаки с ними и рядом не стояли! Их закинули в тентованный грузовик вместе с палатками и продуктами. Все переоделись в пятнистые штурмовые костюмы, обулись в туристские ботинки, вид приобрели бывалый, настолько браваый, что, проезжая мимо близлежащей деревни, скинулись, и Артур купил в магазине ящик рома.

Гулявшие без присмотра по небу с утра пятницы тучи надвинулись сурово, почти сразу после отправления зарядил дождь. Находясь под брезентовым пологом, уютно ехать в неизвестном направлении по мягкой, песчаной лесной дороге, когда снаружи льет, а ты сидишь в сухости и тепле.

Грузовик еле вмещался в узкую колею, по тенту скребли лапы елей, было ясно, что они углубляются в непроходимую чащу. Через пару часов добрались до исходной точки похода, а дождь разошелся, не думая прекращаться. Сплошной ливень, опять как в прохладных тропиках.

— Э, вылазьте, — крикнул из кабины шофер, — довез куда договаривались, мне обратно надо.

Ничего не поделаешь, сбросили из кузова вещи прямо на мокрый песок, сами вышли под дождь. Машина уехала. Пересекли сочно чавкающий под ботинками зеленый луг, остановились на берегу свинцовой реки, по которой предстояло с утра сплавляться.

Темнело. Начали искать ветки для костра и одновременно устанавливать палатки. Артур очень опасался за гитары, взятые в поход, потому сере-

бристую маленькую одноместную палатку соорудил мгновенно, сокрылся в ней и забренчал на инструменте. Мара с Надин влезли к нему, а Маша с Ирой остались с Адмиралом и Николая ставить вторую палатку. Костер разгораться не желал. Красивая пятнистая форма, как у десантников, оказалась вполне промокаемой. Когда вторая палатка встала под дождевые струи, Мара с Надин переместились в нее вместе с Адмиралом. Тем более что гитара у того тоже была, а пел он даже лучше Артура, нежнее, без хрипотцы. Впрочем, Маша с Ирой утверждали, что с хрипотцой романтичнее.

У Маши русые волосы гладко зачесаны назад, лицо милое, беззащитное, с большими, добрыми, несколько наивными глазами. Брюнетка Ира гораздо красивее смотрится, черты лица изящные, взгляд быстрый, даже внезапный. Обе уже влюблены в Артура и оттого слегка сердиты на Николая, что по палатке он их компаньоном оказался, а не певец с хрипловатым голосом.

Третью палатку начали ставить втроем: Николая, Ира и Маша. Дождь хлестал по строителям на манер пожарного брандспойта. Но как костер не возжелал разгореться, так и с третьей палаткой ничего не вышло: колышки не держали ее тяжести, выскользывая из болотистой почвы. На сухом спирте разогрели банки тушенки. Поели с хлебом и ромом, что под струями дождя вселило некую уверенность в себе.

Вот именно благодаря этой уверенности, не иначе, сквозь мутную пелену дождя на другой стороне огромного луга Николая заметил строительный вагончик. Какая-то стройка велась на раскуроченном берегу реки в том месте — ее или законсервировали, или забросили по неизвестным причинам. Валялись бетонные плиты, берег разрыт и размыв дождями, но ни техники, ни людей уже нет. Вагончик стоял среди груд глины и песка. Рядом, с пригорка, рушился в реку густой, как облепиховый кисель, желтый мутный ручей.

На их счастье, вагончик оказался не закрыт на замок. А внутри и вовсе обнаружился замечательный комфорт: сухо, пусто, никаких вещей, даже скамеек нет, но это и лучше. Через маленькое оконце проникает слабый свет. Вот она, радость! В дождливой тайге настоящая крыша над головой, не брезентовая! После принятой дозы рома, мокрые, безнадежно уставшие от борьбы со стихией, они свалились с ног и мгновенно уснули. Николая так просто рухнул на затоптанный пол, не раздеваясь, не чувствуя ни малейшего неудобства, и даже под голову ничего не подложил.

Он выпил вполне достаточно, чтобы не чувствовать комариных укусов, однако посреди ночи в ду-

хоте ощутил жажду. Проснулся. Сел. Маша с Ирой спали в другом углу, но рядом лежал кто-то худой, в больших туристских ботинках. Сверху в жестяную крышу зверем бился ливень, ревел и выл, как живой. Сейчас бы выйти наружу, подставить лицо под струи, и пить, пить, пить!

— Что, пить хочешь? — поинтересовался лежащий рядом человек участливым голосом Надин.

— Ага.

— Возле дверей есть ведро, принеси воды, я тоже хочу.

— Ты почему здесь, а не в палатке?

— Да ну ее, палатку, протекает, и холодно.

К утру вселенское низвержение воды с небес завершилось благополучно, без потопа.

Бодро помахивая руками, туристы высыпали на заливной луг, принялись собирать байдарки под руководством Адмирала.

На них сразу набросились темные комариные тучи. В одну секунду штормовки и штаны покрылись толстым серым, неприятно шевелящимся слоем. Такого количества кровососущих на один квадратный сантиметр Коля не видел прежде никогда, и размазывать их по себе — дело бесполезное: тут же грязное место с еще большей охотой занимали следующие звенящие слои. Страшно делается, и не напрасно: лицо, между прочим, открыто и руки тоже. А отмахиваться некогда, надо байдарочные остовы собирать из алюминиевых трубок.

Пальцы мигом распухли от бесчисленных укусов, кожа потеряла чувствительность, лишь легкие бесконечные покалывания, будто сильно обжегся крапивой. Лица приобрели общее выражение добрых пампушек с узенькими щелочками глаз.

Буквально за двадцать минут всенародная внешность изменилась до неузнаваемости, все сделались неразличимо близкими родственниками.

Последнюю лодку ему пришлось собирать вдвоем с Надин.

«А что будет, когда сядем в лодки, на реке? Когда надо будет грести?» — буквально выл внутри себя Николая, но вслух ничего не говорил. Только открой рот попробуй, мигом подавишься.

Даже Адмирал высказал краткое удивление по поводу обилия комаров: «Раньше было меньше».

Николя приготовился терпеть две ночи и три дня, прекрасно понимая, что это физически невозможно. За такой срок их обгложут до костей.

Они же оказались и последней лодочной парой. Мара поплыла с Адмиралом. Артур сидел на одиночной личной байдарке, вез в ней палатки. Скромно-молчаливая Маша плыла с нескромно-молчаливой Ирой. У Маши глаза тихие, а у Иры молнии мечут.

— Сожрут нас комары, — произнесла Надин с тихим отчаянием, ступая в байдарку с берега. — У меня морда уже как подушка, а еще три дня и две ночи. Я ж умру.

— Не умрем небось, — воспротивился для вида Колька. — Предыдущие идиоты не умерли, значит, и мы не умрем.

Оттолкнул лодку от берега, запрыгнул.

— Откуда знаешь, что не умерли?

Замахали веслами, торопясь пристроиться в хвост каравана. Русло неширокое — всего-то метров двадцать, но течение стремительное, как на горной реке, даже без весел лодка идет довольно быстро, а на веслах просто летит.

И тут произошло невероятное, сверхъестественное чудо — лицо и руки перестали покалывать комариные укусы, то есть еще очень жгло, но окружающие тучи насекомых в миг куда-то подевались. Остались ровная гладь воды, переливающаяся на солнце, красивые зеленые берега и синее-синее небо. Лодка мчит плавно и уверенно.

Николя расшнуровал, стащил с головы капюшон — подлога не было: комары и вправду исчезли. Вообще ни одного не осталось. Ему не верилось. На реке их просто нет, вот здорово!

Надин тотчас сняла не только спасательный жилет, но и штормовку.

Каждый взмах ее весла выплескивал на Николая приличную порцию холодной воды.

— Не гребь, я уже весь вымок.

— А что делать?

— Сиди отдыхай.

— Тогда петь буду, — решила впередсмотрящая девушка. — Какую песню хочешь? Заказывай.

— Любую. Можешь даже молчать.

— Нет, тут так здорово, что лопну от восхищения, если не спою.

Однажды было лето — оно внезапно началось.

Однажды было лето — оно так много значило.

Однажды было лето, что в памяти меняется,

Однажды было лето, оно не повторяется¹.

Надин пела, эхом ей вторила Мара. Лодка летела мимо берегов. Солнце, вода, девушки поют над водной гладью, что еще надо, идя вниз по течению?! Ой, не зря народ сплавляется на байдарках-двойках! Неслыханное просто удовольствие!

Для проведения обеда причалили к таинственному лесному плесу.

Берег практически ровень с водой, песок чистый-чистый, а вокруг песчаного пяточка высокая

¹ Юрий Кукин. «А все-таки жаль, что кончилось лето».

плотная стена из сосен и берез, обвитых доисторическими лианами, и непонятно, как такая полянка могла организоваться? Главное, нет следа человеческого пребывания — ни банки ржавой консервной не валяется, ни окурка. Чистенький влажный песок после вчерашнего ливня — и все. Комаров тоже нет.

Четыре байдарки дельфинами улеглись на мокром песке.

— Костер разводить не будем, время дорого! Кашу сварим на примусе! — Сергей принес его из байдарки, установил на песке, зажег, подкачал. Синее пламя жарко фыркнуло, засвистело.

Девчонки заставили Колю лезть в воду, чтобы зачерпнуть воды подальше от берега, но слишком удалиться трудно: один шаг — и глубина такая, что с ручками, с ножками, а вода будто минусовой температуры, стремнина напоминает горный поток, никакого желания плавать.

Тем временем Адмирал забросил на березу длинную проволоку, включил рацию.

— Ахтунг! Ахтунг! Говорит «Чайник», как слышно? Прием!

— Прямо с турбазой связь будет? — удивилась Мара, стоя рядом с Адмиралом и глядя на него восхищенными глазами.

— «Чайник», «Чайник», я — «Кастрюлька!» — раздался тревожный женский голос в ответ. — Как у вас дела?

Связь оказалась не только с базой, но и прямо с женой Адмирала, игравшей роль радиста основного лагеря.

— «Кастрюлька», все идет по плану. Сейчас привал. Варим кашу. Конец связи.

— Я люблю тебя, Сережа!

— Конец связи! — растерялся руководитель похода.

— А ты?

— Я? Тоже... Конец связи.

Не дождавшись ответа, отключил рацию.

Смуценно и вместе с тем деловито принялся смазывать антенну. Та зацепилась за сук. Пришлось повозиться. Мара выглядела скромнее обычного, так низко опустила голову, что плечи сгорбились постарушечьи.

Прежде Николя не понимал странных слов, намеков и отговорок, теперь они разом сложились в единую простую и ясную картину — Адмирал женат. Николя припомнил его жену — небольшого роста полную женщину, работавшую на турбазе, лица которой не запомнил, зато сейчас, представив подробнее полноту молодого тела, понял, что она не толстая, а беременная.

Взглянул на Марочку с соболезнованием. Точно так же смотрела в ее сторону Надин, а Ира — с интересом.

Зато каша с тушенкой получилась отличная, и главное — много: сразу и завтрак, и обед.

— Давайте отдохнем здесь? — предложила Ира. — Позагораем. Комаров вроде нет. Загадочная, дикая природа.

— В лодках отдохнем, — с ходу отмел предложение Адмирал. — Сильно грести не будем, течение сейчас мощное, вода поднялась.

Но когда садились в лодки, диспозиция резко поменялась. Переговорив с Надин, Марочка вдруг запрыгнула в лодку Коли, а Надин пошла к Адмиралу.

— Что это вы надумали? — спросил Николя у Надин.

— Да вот, разнообразия ищем, — хмыкнула та. — По просьбе радиослушателей.

Мара сидела впереди, застыв индуистским изваянием, не оборачиваясь. Не гребла, не пела, разговор не поддерживала.

Зачем такая нужна? Только горизонт застит.

Перед ночевкой развели настоящий костер. Производственную связь с турбазой Адмирал на этот раз установил в отдалении от места стоянки, чтобы никому не было слышно, как «Чайник» будет разговаривать с «Кастрюлькой» о любви.

Так же поняла происходящее Мара, ни на кого не глядела и слегка дергалась.

На сладкое разлили по кружкам чай с сахаром. Артур добавил туда же рома. Получилось вкусно, тепло и энергично. Единственным человеком, который не мог скрыть, что подавлен обстоятельствами, был Адмирал, ему не помог даже горячительный напиток. Он пил, морщился, будто ужасно обжигался, и молчал. Радиосвязь с женой подействовала на него скверным образом. Считая себя виноватым перед коллективом, ерошил на голове льняные волосы, неотрывно глядел на языки пламени, авторитет его тем временем падал. Начала разброд и шатания Мара.

Сразу после ужина нырнула в палатку отдохнуть, забрав с собой Надин. Артур с гитарой прочно расположился у костра и запел для оставшихся. Когда стемнело, выползли из палатки проспавшие концерт, и тогда на помощь главному артисту пришел Сергей со своей гитарой.

— Ну ты, подвинься, я сяду, — сказала Надин Кольке.

Она натянула куртку, а под куртку свитер, что сделало ее несколько менее худощавой. К ночи на реке сильно холодает.

— Песня про девушку с веслом, — сказал Адмирал. — Славным байдарочницам всех времен и народов посвящается.

Я в грозу и дождь ужасный
Ставила палатку.

Я на байду целый день
Клеила заплатку.
Но когда доплыли в речке
До ужасной бочки,
Я по берегу скакала
По болотным кочкам.

Ведь баба — дура, бабадура,
Ей в порог нельзя!
Посреди валов начнет
Подкрашивать глаза!¹

— Завтра на кашу можешь не рассчитывать, — обиделась Ира. — Мы гребем не хуже некоторых. Да еще обед готовим для вас. Что-нибудь хорошее спеть можете?

— Приятное для души?

— Конечно.

— Для женской души? — уточнил Артур. — Это сколько угодно, только успевайте слушать, девушки!

Ты у меня одна, словно в ночи луна,
Словно в году весна, словно в степи сосна.
Нету другой такой ни за какой рекой,
Нет за туманами, дальними странами².

У костра хорошо, тепло, уютно, так бы сидеть и сидеть всю ночь, слушая песни. Замечательно им быть вместе среди суровой безлюдной тайги, рядом с холодной рекой, на гладком песчаном берегу. Ох и здорово чувствовать рядом плечо и бездумно улыбаться.

По левую руку от Артура — Маша, по правую — Ира. Обе заморожено смотрят поющему в рот. Сам певец глядит только в костер. Красные огоньки мерцают в зрачках.

Адмирал поет Маре, только ей, и смотрит лишь на нее.

Мне звезда упала на ладошку,
Я ее спросил: «Откуда ты?»
— Дайте мне передохнуть немножко,
Я с такой летела высоты...³

Прекрасно ясно, что звезда с необыкновенной высоты — Мара. Она стеснительно опустила глаза... Николай словил-таки момент — блеснули снова, как тогда, в столовой. Но это не в счет, будем считать бликом костра.

А вот если сидишь с Надин рядом, согретый общим теплом, и взгляд горит в огне рядом с ее взгля-

дом, то разве не говорит он ей то, что Артур говорит Маше или Ирине?

Треснуло, раскололось полено: искры, напоминающие в черноте неба звезды, вспорхнули и, в отличие от падающих звезд, понеслись не вниз, а вверх. Быстро, будто выстреливают, торопясь на небеса занять места упавших.

И Надин тоже, не падающая на ладошку звездочка, не устало-зеленоватая, но малиновая, взмывающая кверху, а коли уж свалится обратно, то берегись, обязательно прожжет капюшон штормовки, волосы подпалит, такая натура вредная. Нет чтобы сидеть тихо и спокойно с влажно блестящими глазами, как у Иры или Маши, все чего-то его руку пытается своим локтем куда-то развернуть. Приемчик милицкий повторяет, боится забыть?

— Спортом не занимаешься?

— Нет.

— А видно, между прочим. Надо будет тобой как-нибудь заняться. Завтра с утра физкультуру заставлю делать.

— Сере-еж, спой про глаза, — просит Ира умоляюще-протяжно.

Мне говорят: «Какой резон в твоих палатках на снегу?»

Мне говорят: «Не тот сезон!» А я иначе не могу.

А я люблю гонять чай с веселым привкусом дымка

И все глядеть в глаза твои, зеленоватые слегка...⁴

Романтика заструилась по ночным окрестностям, Адмирал опять поет конкретно для Марочки. У костра все свои, чего стесняться? Когда наступает очередь Артура — то как бы никому, адресуясь непосредственно языкам пламени, в котором слова сгорают, уносясь в черноту неба красными искрами. Но вдруг ни с того ни с сего взглянул на Машу со значением, определенно давая понять, что следующая песня принадлежит только ей.

Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя,
Не потому, чтоб я ее любил,
А потому, что мне темно с другими...⁵

Без переводчика ясно, что песня для Маши, пусть Артур смотрит, как и прежде, в костер.

Теперь у Маши глаза сверкают, а Ира поскущела, отодвинулась в сторону, в темноту. Песни звучат — одна лучше другой. Артур поет Маше, Сергей Марочке, что сидит с полуприкрытыми глазами,

¹ Маша Мироновская. «Баба-дура».

² Юрий Визбор. «Ты у меня одна».

³ Александр Дольский. «Исполнение желаний».

⁴ Борис Вахнюк. «Зеленоватые глаза».

⁵ Александр Суханов на стихи Иннокентия Анненского. «Моя звезда».

полностью прильнув к нему. Даже не подумаешь, что какие-нибудь полчаса назад в своем туристическом обмундировании у того же костра они смотрелись боевым отрядом на привале, разведгруппой на задании, где возможны лишь товарищеские отношения. А теперь началось нечто. Между Адмиралом и Марой, Надин и Николая, Артуром и Машей... или Ирой.

Я бы сказал тебе много хорошего
В ясную лунную ночь у костра.
В зеркале озера звездное крошево
Я подарю тебе вместо венца¹.

Девушки заморожены — слова звучат самые-самые замечательные в мире: ясная, лунная ночь, озеро, зеркало, венец, звездное, подарю... И смысл улетает от них, уносится куда-то, остаются ночь, озеро, зеркало, подарю, звезды, венец... Им бесконечно нравится, пусть бы Артур пел еще и еще.

На Мару наркотик не действует, губы кривит усмешка: «Разве нельзя, чтобы сразу и звездное крошево, и венец? — иронизирует взгляд. — Что-то не получается. Либо — либо. Либо ясная луна с купанием в звездном крошеве, либо венец. Почему, собственно, такое жесткое разделение?»

А если посмотреть с другой стороны, венец есть лишь достойное завершение. Начинать с него в первую же ночь невозможно, сначала очень хорошо дарить то самое звездное крошево, вот только упоминание, что оно вместо венца, говорит нам, что подарок не вполне бесплатный.

Мара глядит на Иру и Машу несколько свысока, с прищуренной улыбкой, констатирующей, что их будущее — не Артур. Тот убежденный холостяк, недостатка в женщинах, в каждом походе новых, у него нет, судьбой привязан он к этим песенным историям, бесчисленно-разным девушкам. Которым, увы, после курсов предстоит возвращение домой. Возможно, напоследок поссорятся из-за Артура. И каждая будет считать другую разлучницей, испортят отношения не из-за чего, глупенькие.

Но чужую беду — руками разведу, а тут свое счастье несчастное в виде Адмирала.

— Уже два часа ночи! Все, я пошла спать!

Адмирал как по команде вскочил — и следом в палатку, но Марочка обернулась:

— Надин... Идем?

— Н-нет... я еще немного... посижу.

— Тогда и я посижу.

Но мужское решение так быстро изменять нельзя! Пришлось Адмиралу одному лезть в командирскую палатку и сидеть внутри.

В конце концов Марочка чуть не слезно уговорила Надин идти спать. Надин подняла голову с плеча Николая.

— Ах, как тяжело расставаться мне с тобой, милый... друг! Так бы сидела и сидела всю ночь напролет! Так нет, надо идти лежать, что за жизнь?

Они ушли.

Ира тоже исчезла в палатке.

Песни Артура — сплошные горячие послания Маше. Маша им внимает, не отрывая от певца замороженного взора, и у постороннего человека при этом возникает ощущение, что если бы Артур встал и отправился куда-нибудь со своей гитарой сейчас, загипнотизированная пошла бы следом, через леса и горы. И шла всю жизнь.

Решив оставить парочку у костра наедине, Николая забрался в свою палатку, где спала Ира. У них на пару с Машей спальный мешок. Николая прилег на брезентовый пол рядом с мешком. От речного мокрого песка сквозь брезент легко проникали холод и сырость. Он вертелся и так и этак — бесполезно, не уснуть. Выпить рому для бесчувственности? У костра есть бутылка.

Он вылез из палатки. Маша сидела, положив Артуру голову на плечо, тот пел совсем тихо.

— Выпьем чуток? — предложил Николая.

Они согласились.

После Артур с Машей отправились почивать: Артур к Адмиралу, где также Надин с Марой, а Маша к Ире.

Николя остался у костра. Ему казалось, что здесь можно запросто пересидеть ночь. Верхи деревьев усыпляюще шумели, накрапывал реденький дождь. Просидев с час, он вернулся в палатку. Девчонки спали в мешке. Брезентовый пол намок еще сильнее, а делать нечего — надо позабыть о неудобстве и лечь. Ежели без стеснения прижаться к мешку, то немного терпимей переносить ночь.

Под утро кто-то рухнул на него сверху, отбросив к стенке. То был Артур, который в адмиральской палатке тоже спал с краю, замерз и прибежал к ним согреться. Артур — певец, причем хороший певец, ему простительны маленькие вольности.

7.

После завтрака Мара снова направилась напрямиком к байдарке Николая, несмотря на то, что вечером их отношения с Сергеем вроде бы восстановились. Похоже, у человека привычка вставать не с той ноги. Однако видеть перед собой целый день идеальную фигуру девушки-сфинкса Николая не вдохновляет, ну ее, пусть Надин садится.

¹ Валентин Вихорев. «Я бы сказал тебе много хорошего».

Он преградил дорогу:

— На адмиральский корабль иди. Твое место там.

— Не ты здесь решаешь.

— В мою лодку не сядешь, ясно?

— Нет, вы посмотрите на этого человека, — возмутилась Мара. — Я его взяла в поход, а он теперь меня в лодку не пускает. Сергей, почему молчишь?

Адмирал что-то буркнул и отвернулся.

— Надин, прыгай, отчаливаем, — скомандовал Николая.

Не глядя на подружку, Надин быстро шагнула с берега на переднее место.

Байдарки выстроились одна за другой вдоль русла реки. Маша с Ирой оказались замыкающими. Они пристроились в хвост Артуру, ни на метр не отставая.

Мимо проплывали влажные луга, покрытые зеленой сочной травой, иногда к самой воде подступал густой лес, и длинные ветви деревьев свешивались над байдарками так низко, что приходилось нагибаться.

Внезапно из-за поворота на них с ревом выскочила моторная лодка. Заложив вираж вплотную к байдаркам и подняв высокую волну, она пронеслась совсем близко. Моторкой рулил пьяный парень.

— Носом к волне! Станьте носом к волне! — закричал Адмирал.

Все, кроме Маши с Ирой, развернулись, а те загребли вразброд. Их закачало.

Меж тем моторка опять пошла на байдарки.

Адмирал выхватил ракетницу, встал, направил ее в парня.

— Не стреляй, — закричал тот, быстро свалившись на дно лодки.

Оставшаяся без управления моторка вильнула, на страшной скорости выскочила на берег, рубя винтом песок и корни деревьев, после чего заглохла.

Вновь наступила тишина.

— Оказывается, мы вооружены, — обрадовалась Надин. — Здорово Серега его напугал! Ничего себе пистолетик! Правда?

— Ракетница.

— Ну и что, что ракетница. Как долбанет в лоб ракетой!

— Если в лоб, то да.

— А пусть не лезет!

Для проведения обеда причалили к правому, обрывистому берегу. Наверху, на самом краю, белело одинокое разрушенное здание без крыши. Не очень большое, но высокое.

— Поднимаемся, там есть сухие доски для костра, — скомандовал Адмирал.

Они взобрались на холм. Далеко, до самого горизонта, зеленым густым ковром виднелись леса на левом берегу.

— Часовня, — пояснил Артур, — кстати, балки все еще в неплохом состоянии. По всему видно, недавно и крыша была.

— А сейчас маршрут туристический проходит, знакомство с историческими ценностями прошлых эпох, — хмыкнул Адмирал. — Эту плаху берем и рубим для костра, ее одной хватит. Прочие не трогайте, в другой раз сгодятся.

— Прямо как в церкви, — Маша воздела глаза к небу, блиставшему напрямую из круглого свода.

Проплывавшие облака смотрелись из часовни райскими кущами.

— Наверное, и бракосочетания совершались, — принялась выдумывать Маша, расширенными глазами оглядывая стены и прикасаясь к ним пальцами. — Кто-нибудь венчался, а теперь это место разорено. Жалко, наверное, тем людям смотреть...

— Давно умерли все, кто здесь венчался.

— Вот тебе бы, Мара, жалко было узнать, что тот ЗАГС, в котором вы с мужем брак зарегистрировали, к примеру, сгорел?

— Жалко, конечно. Попробуй потом копию снять в случае чего.

— Вот, а здесь люди венчались по-настоящему, перед Богом. В ЗАГСе что? Расписались, под марш Мендельсона шампанским чокнулись, конфеты по карманам рассовали быстро-быстро, и скорее в рестораны гулять. И то жалко. А здесь царские венцы на головы надевали жениху и невесте. Когда буду замуж выходить, обязательно в церкви обвенчаюсь, чтобы на всю жизнь. Собственно, если разобраться, перед Богом, Мара, вы со своим мужем еще как бы и не женаты вовсе.

— Адмирал тоже, почитай, неженатый грешник, — изумился Артур. — Это дело надо срочно исправлять. А ну, встаньте-ка передо мной. Так, за руки возьмитесь. — Он влез на балку возле стены, остальные расположились ниже, на земляном полу часовни.

Как ни странно, Сергей с Марой подчинились: встали рядышком.

— Согласна ли ты, Мариамна, стать женой раба Божия Сергия, быть ему верной в радости и горе до самого последнего вздоха?

— Согласна.

— Согласен ли ты, раб Божий Сергей, взять в жены рабу Божию Мариамну?

— Согласен.

— Помолимся Господу нашему и просим его благословить брак сей и ниспослать на вступающих в него небесную благодать. Господи, Боже наш, славою и честью венчай их! С именем Божьим отныне вы являетесь мужем и женой. Поцелуйтесь в знак сего... Так, хорошо. Кто еще желает обвенчаться до обеда? Что, нет желающих?

Желающих больше не нашлось. Присутствующие молча сделали вид, что поп-расстрига случайно смолол чепуху в ответственный момент.

Адмирал с Марой все еще стояли, взявшись за руки, опустив головы, словно пораженные краткостью церемонии и желая ее дальнейшего продолжения, с трехкратным обводом пары вокруг аналоя, который бы послужил знаком духовной радости и торжества.

Точно так же держась за руки, с опущенными головами, вышли из часовни. Сразу за ними в полном молчании следовали свидетели таинства Николая с Надин, Ира и Маша.

Расстрига объявил следом:

— Бутылка рома с вас к вечерней зорьке!

На последнем ужине доедали все припасы, чтобы с утра без завтрака в два счета добраться до базы. Тушенки в гречневой каше, к удовольствию Николая, оказалось даже больше, чем каши. Дождя не было. От леса исходил густой, вкусный запах грибов, как в августе, река плескалась крупной рыбой. Костер горел на славу.

Адмирал открыл свадебную бутылку рома.

— Горько! — сказала Ира.

— Горько-горько!

Будто бы находясь на большой свадьбе, в присутствии многочисленных гостей, Адмирал с Марой скромно поцеловались.

Артур, выпив ром, морщился:

— Маша, Ира!

— Чего? — хором ответили девушки.

— Чего-чего... Нет у нас огурчика малосоленного, что ли?

— Ром бананом закусывают. А бананы здесь не растут.

По причине отсутствия бананов певец исполнял в тот вечер грустные, завершающие песни, настроив коллектив на минорный лад.

Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены.

Тих и печален ручей у янтарной сосны.

Пеплом несмелым подернулись угли костра,

Вот и окончилось все — расставаться пора.

И опять Маша с Ирой смотрят на него во все глаза.

Сегодня Артур поет Ирине, для восстановления равновесия. Певец вообще легкий человек, живет играючи. Ирина быстро поняла, что сегодня вечер ее, а Маша по-женски не верила, что так бывает. Кидала на подружку уничтожающие взгляды. Но Ира здесь ни при чем, просто сегодня ее очередь настала,

в ее честь поют, чтобы никому не было обидно за пустой поход. Чтобы спустя некоторое время — месяц, неделю, год — снова потянуло надеть рюкзак, отправиться черт знает в какую глушь, а там вечером у заветного костра посидеть, послушать песни, которые будут петься исключительно ей одной. А может, и не ей даже, но все равно... сидеть, ощущая прежнюю, волнуемую радость.

Милая моя, солнышко лесное,

Где, в каких краях

Встретишься со мною?¹

Артур негромко, нежно перебирал струны, трогая прямо за сердца. Глаза Иры ликовали. Маша смотрела в сторону реки, а Сергей с Марой сидели, обнявшись, и щеками касались друг друга. Надин заморозила руки в реке, отмывая посуду, и потому сунула ладони под мышку Николая, обе сразу, отогревать. У того и в мыслях нет отбрыкиваться, напротив.

Венчавшиеся ушли в свою палатку.

— Я сегодня с вами сплю, — сказал Артур Ире с Машей. — Не хорошо тревожить молодоженов. Не по-человечески будет, правда?

— А я? — удивилась Надин. — Тоже, что ли?

— Пустим, не жалко, — разрешил Николая. — В тесноте, да не в обиде.

А все кончается, кончается, кончается,

Едва качаются перронов фонари...

Глаза прощаются, надолго изучаются,

И так все ясно — слов не говори?²

На щеках Маши блеснули полоски. Она встала, ушла далеко по берегу реки. Совершенно напрасные душевные метания ни к чему хорошему не привели: никто за ней не бросился, чтобы уговорить вернуться, Артур пел самые лучшие, самые притягательные песни, какие выдумало передовое, путешествующее с рюкзаками, человечество.

Трудно таскать лодки от реки к озеру по кочковатому болоту в сплошном тумане в восемь часов утра, после раннего марш-броска по реке, без завтрака. Особенно если не выспался в холодной палатке, где как всегда оказался крайним. Трудно, но надо.

Когда снова сели в лодки и поплыли в плотном озерном тумане, отчетливо слышно было, как с весел срываються капли воды, теплой-теплой после ледяной речной, и стало хорошо и уютно. Почти дома.

¹ Юрий Визбор. «Солнышко лесное».

² Валерий Канер. «А все кончается, кончается».

На середине пути обнаружили Герасимыча в казанке с удочками. Рыбак молча замахал кулаком, охраняя утренний клев от их радостных приветствий. Человек оставил золото да алмазы, предпочтя добывать свой завтрак трудами праведными, а эти на байдарках только дурью маются. Хорошо еще, что девушки не пели.

Надин замерзла в палатке, скукожилась теперь на носу.

А у Сереги в палатке тоже ведь один спальник. Неужели Адмирал захватил его в свою пользу и не пустил венчанную на постой? А что? Все может быть. Вон Маша же не пустила Артура в спальник к Ире, сама дрыхла всю ночь спокойненько на пару с подругой, в то время как гитарист в конце концов устроился между Надин и Николая.

Меж тем на берегу их ждала торжественная встреча.

Команду выстроили в нестройную шеренгу. В эту минуту они походили на бывалую разведгруппу, вернувшуюся с «языком»: мокрые, грязные, но бодрящиеся в своих боевых походных костюмах. Роль «языка» исполняла Мара. Ее будто приволокли сюда без спроса — горбилась в строю, смотрела под ноги, на шутки не реагировала.

Необыкновенно веселый с утра пораньше врач лагеря и маленькая женщина с большим животом, имевшая позывной «Кастрюлька», поднесли на подносе стаканы с гранатовым соком, вручили маленькие значки туриста третьего разряда.

Николя положил свой значок в карман.

— Не забудь потом вытащить, — буркнула Надин, — а то сдашь с одеждой награду за храбрость.

Сергей осторожно обнял беременную жену. Роста оба невысокого, и когда обнимал, пришлось согнуться осторожно над животом, отчего стал даже чуть ниже супруги.

Все, почувствовав неудобство минуты, наперегонки ринулись к столовой. Мара с Надин первые.

Получалось, что здесь, на турбазе, гражданский брак с беременной женой значительно перевесил венчание, хотя в походе казалось по-иному. За время церемонии встречи Адмирал не посмотрел на Марочку ни разу. Он сделался моложе и ее, и своей жены — совсем мальчик белобрысый, со вчерашнего дня нечесаный.

Солнце висело яркое, но туман уплотнился настолько, что озера вместе с лодкой Герасимыча и лесом на противоположной стороне не было видно до десяти часов.

8.

Завтрак Надин провела в задумчивости, что, впрочем, явилось лишь слабым отражением туч, из кото-

рых вот-вот хлынет проливной дождик, скопившихся на лице Мары.

— По какому случаю траур, девушки? — как ни в чем не бывало поинтересовался Николая. — Смотрите, какая запеканка вкусная, и салфетки и скатерть белые, в походе о таком, небось, и не мечтали!

Ему не ответили, не улыбнулись даже, смотрели мимо Николая и запеканки, во вчерашнюю жизнь.

А Коля ни черта еще в жизни толком не понимает, улыбается, запеканку наворачивает за обе щеки — счастлив человек малым, простыми чувствами легко обходится, сложными не обзавелся, но со временем тоже проявятся обязательно, это же естественно, как любить и быть любимым.

Надин вздохнула.

Когда дело дошло до какао, оладий и сметаны, она тоже приободрилась, глядя на Николая, перемазавшегося в сметане.

— О, я придумала! Давайте устроим праздник? Для души? Сегодня вечером? У нас в комнате?

— Только без рома, — произнесла Мара еле слышно. — Уже с души воротит.

— О, идея, сделаем наконец-то коктейль «Гавана клуб»! Давайте прямо сейчас в город рванем, накупим фруктов на базаре, рома еще и книжек по программированию. И на лекции вообще ходить не будем! Наша преподавательница местно-московская все по одной книженции шпарит, один к одному, вплоть до ударений. Чего, спрашивается, у нее в классе комаров кормить?

— Ага, будем валяться на пляже, загорать! — размечтался Николая.

— Ты меня кремом будешь обмазывать солнцезащитным, кремы заодно купим, — поддержала Надин.

— Обмажемся, обнимемся и уснем.

— На пляже?

— А что? Палатку поставить можно. Позагорали, искупались, снова позагорали, отобедали, поспали, снова позагорали! Вот это я понимаю — приятно провести учебное время!

— Размечталось вам! — думая о лично неприятном, обиделась Мара, словно мечты ближних и есть главная причина всех ее бед.

— Не бойся, и тебя намажем.

— Спасибо, не надо. А впрочем... давайте, действительно, соберемся после ужина.

— О, *Ни кола* — ни двора, едем в город! Губы вытри, весь в сметане, чучело гороховое!

Вечером собрались на девчоночьей половине всем походным составом плюс доктор с девушкой. Из рома сочинили коктейль, пусть не истинный «Гавана клуб» по рецепту на наклейке, но тоже очень

недурно получилось. Доктор поразил всех мужчин, приведя с собой очень молодую и чрезвычайно полную курсистку. Когда Никола встречал ее прежде где-нибудь в столовой или на занятиях, то старался при этом прямо не смотреть, дабы не смущать лишней раз человека.

Можно, конечно, сказать, что она пухленькая или толстушка, однако куда ближе к истине находится сравнение, что бедняжка раздута, как воздушный шар на взлете. И руки, и ноги, и туловище. Лишь голова нормальная, с миленьким скромным личиком. Тоже округлым. Зовут Наташа.

Ей самой, очевидно, казалось странным и непонятным, что доктор столь истово ухаживает за ней. Она с непривычки жутко стеснялась мужского внимания, когда, не в силах сдержать переполнявших чувств, он брал благоговейно Наташины маленькие пальчики и подносил к губам.

Для поддержания разговора с новенькой в компании Никола заговорил с ней по теме учебы:

- Наташа, вам нравится операция «стринг»?
- Очень.

Мужчины вышли на крыльцо покурить, и на молчаливый вопрос Артура доктор лишь усмехнулся.

- Э, ничего не понимаете в женщинах.

Зато в отношениях Марочки и Адмирала никто не сомневается: здесь продолжает развиваться грандиозная любовь, которой не мешает ни близкая жена Адмирала, ни далекий, но тоже ревнивый муж Мары. Они оба уверены, что отныне навсегда вместе. Плотной стеной их окружает утренний речной туман, за которым никого, кроме друг друга, они не видят.

Артур посматривал в их сторону с сожалением, будто ожидая неприятностей. И кому, как не близкому другу, заранее предчувствовать. А мог бы и заботу проявить, к примеру, взять и закрыть входную дверь на крючок. Но слишком увлекся пением песен для Маши с Ирой, окончательный выбор между которыми все еще не сделал. Он был в ударе: весел, находчив, чертовски остроумен, успел напеть и наговорить любезностей обеим, кроме того, много и вкусно ел, короче, чувствовал себя на крутой волне. Несло его.

Неприятности, которые Артур один раз тихо предсказал Коле, начались около одиннадцати часов вечера. Они оказались большими, чем мог себе представить любой участник вечеринки, несмотря на малый рост жены Адмирала, ворвавшейся в коттедж грозной фурией посреди всеобщего веселья с пением под гитару, валяния на постелях в верхней одежде, но в свободных позах, и при этом бесконечного поедания друг друга влюбленными взорами.

Фурию ни капли не интересовало, насколько ласково смотрит спортивного вида доктор, одетый, как всегда, в синий тренировочный костюм, на молотку, держа ее пальчики у своего сердца. Что ей посторонние, когда муж, ее собственный муж...

Она подлетела к Адмиралу и Маре, сидевшим друг против друга со стаканами коктейля в руках, потягивающим его непрерывно и так же неотрывно сосущим друг друга взглядами.

А те даже не заметили, что жена стоит рядом! Расслабились, расчувствовались влюбленные люди! Какая беременная супруга в состоянии перенести подобного рода взаимоотношения между собственным мужем и посторонней красивой женщиной? К тому же утаивание отрицательных эмоций вредно в ее положении. Бывшая туристка тотчас схватила подушку и принялась молотить «змеюку» по голове, чего Мара совершенно не ожидала.

Что тут началось! Сначала все просто окаменели, ошарашенно следя за тем, как прическа Мары в какую-то секунду — р-р-раз! два! три! разлучница!!! — пришла в полную негодность. Не снеся подобного грубого обращения, несчастная сломя голову бросилась вон из коттеджа, в полной мере ощутив, что ее и на втором месте не желают видеть, и Адмирал не посмел встать на защиту любимой — действительно, как бороться с беременной женой?

После успешного изгнания соперницы женщина не утихомирилась и приступила к лупцеванию Сереги — без всякого снисхождения к адмиральскому байдарочному чину и званию туристического начальника. Только пух полетел, а он даже не прикрылся рукой, как сидел, так и продолжил сидеть с равнодушным выражением лица, лишь голова моталась слегка из стороны в сторону. «Бей, — говорила его отрешенная от мира сего поза, — хлещи, я все стерплю! Все унижения превозмогу!»

Таким образом Адмирал пытался взять весь удар ревности на себя, чтобы жена притомилась воевать, выдохлась и других уже не колошматил. Достоинно поступил, по-адмиральски.

А было ему удивительно в данный момент сознавать, что когда-то, совсем недавно еще, жена в образе девушки необыкновенно ему нравилась, он ее пламенно любил и страстно мечтал жениться. Сколько песен посвятил долгими походными вечерами и ночами! Даже сам написал две или три, чего прежде с ним никогда не случалось. Значит, было чувство? Необыкновенное! Очень-очень хотел жениться на этой взбешенной сейчас особе с неприятным злым лицом, огромным животом, лупцующей его при всех подушкой по голове не больно, а обидно. Наказывает за провинность, как домашнюю собачку, сделавшую на ковер в комнате: получи, дрянь такая!

Теперь не понимает он себя недавнего. «Как можно быть настолько глупым?» — говорил терпеливый, отведенный в сторону от всех взгляд.

Подушечный пух летал по комнате в лучах закатного солнца, низко севшего на ближний лес и с любопытством глянувшего в огромные окна коттеджа.

Даже солнцу пронзительно ясно, что Адмирал — человек хороший, душевный, немного сентиментальный, очень романтический по молодости лет, и в трудную минуту не бросит, будет стоять до конца, а кроме того, умеет ценить прекрасное и поет замечательно. Такой-то вот и нужен женщинам для обустройства семейной жизни, но влюбчив очень, ах ты, боже мой, как влюбчив! Нельзя же так! А попробуйте-ка сами в столь романтических обстоятельствах, при песнях у вечернего походного костра не влюбиться в красивую девушку, сидящую рядом и уже влюбленную в вас! Очень трудно устоять, усидеть совершенно невозможно!

Так, благодаря своей хорошестьи, и попал ныне в жутко отвратительную ситуацию, из которой непонятно как выпутаться. Что самое прискорбное — сам выхода для себя достойного не видит. Одну любит до безумия, а другая уже беременна, вот вам хоть по христианской вере, хоть по гражданскому законодательству — ловушка для молодых обаятельных мальчиков, будущих Адмиралов в особенности.

Прочим посторонним людям, уже допившим свои коктейли, сделалось невольно наблюдать далее семейную сцену, так что Николая поспешил на выход вслед за Надин, доктором и его спутницей. Артур давно куда-то ушел по делам с Машей и Ирой.

У адмиральской жены по мере дальнейшего лупцевания образовалось столь зверское выражение лица, что поневоле возникали посторонние мысли: кого она может родить?

Что и говорить, экипаж поступил дурно — все без исключения сочли за лучшее оставить место наказания, бросив своего командора на произвол судьбы. Даже доктор Саша, улыбавшийся сперва одобрительно и поддакивавший с целью разрядить ситуацию: «Так его, так и еще вот так! Молодец!» — видя, что в комедию трагедия никак не желает превращаться, поскуцнел и, приобняв подружку широким жестом, решил удалиться.

На улице Надин предложила:

— Пойдем к вам зайдем, что ли, а то комары...

Они обогнули коттедж и зашли на мужскую территорию, где пребывали Герасимыч, принявший дозу рома и мирно спавший в походном виде на своей кровати меж утренней и вечерней зорьками, Володя, а также... Мара.

Она пряталась от жены любимого человека. Слышимость позволяла отчетливо различать каждый

удар подушкой и соответствующее восклицание:

— Я твою лавочку прикрою!

Все гости и хозяева покинули комнату, сторонних звуков уже не доносилось никаких, кроме чисто семейных комментариев жены. Адмирал беззвучно сносил наказание.

На каждый очередной хлопок Мара вздрагивала, будто Серегина жена ее саму лупцует.

— Я тебе покажу походы! Ты у меня поплаваешь! Забудешь, как с девочками по палаткам ночевать! Где твоя подружка походная? Бросила тебя? Сбежала? Сейчас найду! Она свое получит!

— Не надо, — жалобно попросил Адмирал. — Хватит, а?

— Тебя не спросили! Проходимец бессовестный! Небось, и жениться уже наобещал?

Дверь хлопнула. Через секунду воительница, дробно простучав шлепками по доскам лестницы, влетела на их половину. Мара едва-едва успела скрыться в чулане.

Жена ворвалась с прежней подушкой наперевес:

— Где она? Я знаю, она здесь! — и обвела раскаленным взором комнату.

Володя сидел на своей кровати, уткнувшись для безопасности в конспект. Одной рукой он опирался на костыль и чувствовал себя самым защищенным из компании.

Надин с Николая стояли посреди комнаты. Взгляд беременной остановился на них.

— Говорите, где? Я чувствую ее запах! Выходи, не то хуже будет!

Адмирал обнял беременную супругу с тыла: вырвал подушку и, решительно схватив за руки, повел на выход.

Под воздействием знакомой мужской силы женщина легко сникла, без сопротивления позволила себя увести, будто давно хотела, чтобы ее оставили.

Надин взяла подушку.

— Это, кстати, Марина.

— Поразительная история, — широко зевнул во весь рот Герасимыч, — сейчас только что мне прикинулась.

Он лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок.

— Представьте себе, будто Надежда Константинова Крупская, Инесса Арманд и Владимир Ильич затеяли небольшой междусобойчик по выяснению отношений. Но взаправду, будто на партийном съезде схватились. Вроде бы на лондонском. Ох и досталось Инессе от Надежды Константиновны большевистски! Чудеса в решетке! А, народ? Что вы такие? Случилось что? А чего все сюда набежали? Празднуете опять?

9.

Песок на пляже накалился так, что ходить по нему босиком — почти невозможно, зато лежать на покрывале весьма приятно: прогревает и снизу, и сверху, не то что в походной палатке на реке. И комаров нет. И вода в озере теплая. Сплошной курорт. Николая задремал.

Горячие ступни прошлись по спине, оставляя песчинки. Николая поднял голову, глянул. Даже не обернувшись, Надин уходила на пару с Марой.

Николая снова уронил голову на руки. Прогретьшись как следует, решил поплавать. Рядом в воду зашла Стюардесса.

— Поплыли на тот берег, — предложила она, бесстрашно кивая на озерные просторы, будто это — детский пруд-лягушатник.

Весьма лестное предложение, исходящее от главной красавицы группы пиэлистов, было сделано громко, так, что слышно ему, ей и никому больше.

— А плаваешь хорошо?

— Хорошо, а ты?

— Я потихоньку, но берег там плохой, говорят.

— Неужели боишься? — удивилась всей своей изумительной миниатюрной фигуркой Стюардесса.

— Нет, ивы затопленные стоят, сквозь них не выбраться, и вода очень холодная. — Николая не знал в точности, какой на другой стороне берег, ранее не интересовался, но продолжал почему-то нагло врать с вежливой улыбкой.

Стюардесса прищурила глаза на дальнюю, сизую кромку.

— Да поплыли, выберемся как-нибудь, — сказала, будто приглашая к себе домой чрезмерно деликатного кавалера.

Тот продолжал идиотничать:

— А смысл?

Стюардесса фыркнула и отвернулась — была бы честь предложена, вернулась загорать на песочек.

Николая поплыл сначала вдоль берега, потом, перевернувшись на спину, пустился в необременительное прогулочное плавание, рассматривая огромную голубую чашу неба, пока не наткнулся головой на чью-то мягкую ладонь. Это Фаина с Инессой сидели в лодке и придержали его, чтобы не протаранил их казанку.

— Коля, покатай нас.

Он залез в лодку, навалился на весла, доставил девушек на середину озера, туда, где со дна били горячие источники, а вода была почти белой. Здесь плавала Надин. Одна.

— Грешься?

— Ага.

— Не горячо?

— А ты попробуй.

— Девчонки, давайте поплаваем в минералке, это полезно, — и тут же скользнул с лодки в воду.

Но подружки купаться отказались, поплыли дальше без кавалера.

— Сколько здесь метров глубина, как думаешь? — спросил Николая.

— Не задавай глупых вопросов, я плаваю только по-собачьи.

— А на воде лежать умеешь?

— Как бы сюда добралась? Три раза отдыхала.

Николая лег на спину, набрал в себя побольше воздуха, всплыл в верхний слой, разбросав руки и ноги в стороны, щурясь на солнце, повисшее прямо напротив. Надин последовала его примеру.

— Здорово, да?

— Отпад!

Обычно удается лежать минуту-две, затем ноги уходят в глубину, а здесь восходящее теплое течение со дна легко поддерживает на плаву. Он глянул в сторону Надин. Та раскинулась звездой. Рядом с ним розовела сквозь воду ладошка с расслабленными пальцами.

Теперь, взявшись за руки, они мигрировали благодаря незаметному кольцевому течению вместе по зеркально-спокойной глади озера, закрыв глаза.

— Представляешь, как сверху смотримся здорово, будто парим над толщей черной воды.

— Белой. А кто сверху увидит?

— Вдруг Бог? Или Ангел? Или птица пролетит.

— Или жук майский...

— Мне кажется, Бог сейчас видит, как мы путешествуем, взявшись за руки.

— Будто по небу тихо летишь с закрытыми глазами. Поплыли на другую сторону озера?

— А что там?

— Не знаю.

— Ну, поплыли.

Противоположный берег точно зарос тальником, и выйти из воды через эту чашу, растущую из воды, можно было только в одном месте — на крошечный песчаный пятючок, со всех сторон окруженный плотными зарослями. Вроде маленькой уютной комнатки, отгороженной от всего мира по персональному заказу.

— Чудесное местечко.

— И песок чистый, да?

Лежать почти так же приятно, как плыть, раскинувшись звездами на воде под солнцем. Николая снова взял ладонь Надин в свою руку. На воде можно лишь слегка вздремнуть, а здесь, на тверди земной, он расслабился полностью и незаметно для себя уснул.

Глаза открылись в темноте, сразу наткнулись на яркую луну. Кругом тьма кромешная, лишь поверх-

ность воды светится, лунная дорожка раскатана от них до середины озера.

— Здоров ты дрыхнуть, — сказала Надин. — Поплыли на турбазу али будем здесь шалаш строить? Рай организовывать?

— Поплывем. Сколько сейчас времени?

— Ночь, молодой человек. В парном молоке плавать не пробовали?

— Класс водичка! И дно шикарное, люблю твердый песочек.

Зайдя в воду по плечи, обернулся. Надин шла в фарватере.

— Поносить на ручках?

— Мог бы и сразу догадаться занести в воду... э-э... осторожно...

На кончиках пальцев Надин лежала в воде, как на сеансе у гипнотизера. Он тянулся следом, еле еле доставая дна, слегка подпрыгивая, и в такт этим прыжкам Надин то погружалась в темную пучину, то всплывала, мгновенно заливаясь лунным светом бегущей следом дорожки.

— У меня вода в уши наливается, — сказала Надин. — Погоди-ка...

И села на его руках, обняв за шею. Вес не ощущался совсем, лишь теплая свежая близость мокрого лица у его собственного. Щека иногда касается щеки. Это случайное явление, ибо находятся они в необычных условиях: ночь, вода по ноздри, всего два человека вдаль от цивилизации — надо помогать друг другу. Нет, щека к щеке — вполне приемлемо, ничего здесь такого, хорошо даже, потому что... неизвестно почему. И держать на руках невесомую Надин очень просто и легко, даже легче, чем без Надин. Так целую ночь простоять можно, как одну минуту. Темно. Сам для себя человек исчезает, растворяется в теплой воде, ничего и никого не видя вблизи, когда вроде одна вода перед тобой остается, почти у рта тихо колеблется, играет: светлей — темней, совсем черно, блики перьями лунными рассыпаны. Глаза распахиваются сами собой, бездумно глядя на тихую ночную стихию, поглотившую собой все и вся.

— Погоди-ка, а теперь держи!

Взмахнув обеими руками в разные стороны, Надин раскинулась на воде, безмятежно проваливаясь в пучину.

Николя взял ее, как волейбольный мяч, на пальчики, начал осторожно поднимать уже исчезнувшую полностью наверх. Всплытие происходит медленно. Колебание воды успело стихнуть, блики слились в лунную дорожку, и вот она, Атлантида, возвращается.

Поверхность воды приподнялась, надулась выпуклой огромной линзой, сдерживаемая поверхностным натяжением, и вдруг в двух местах тончайшую гладкую пленку воды пронзили соседствующие вер-

шины, а следом пред восхищенным взором всплыли под лунный свет из пучин два острова. За ними прорезал водную поверхность подбородок, нос, блеснули в его сторону глаза.

Он приподнял повыше, а потом отпустил. На этот раз Надин успела набрать воздуха, утонула не очень глубоко. Острова всплыли сразу, самостоятельно, а больше ничего на поверхность не вышло.

Николя убрал из-под спины пальцы. Острова продолжали плавать сами по себе, существуя на воде чудесным образом, слегка колышась на одном месте. Гладкие, совершенные. Не очень высокие. Скорее даже маленькие, но очень уверенные в себе. Таких чудес нет нигде на всем озере, да и во всем мире тоже едва ли найдешь что-нибудь подобное. Здесь они существуют непосредственно перед глазами Николая. Не сдержался, притронулся к одной из вершин.

Острова мигом утонули, зато вынырнула голова:

— Э-э, ты что? Нельзя! — она снова взобралась под водой к нему на руки, шепча: — Держи меня, соломинка, держи... О, глянь, лодка плывет... к нам. Тихо!

Действительно, медленно работая веслами, турбазовская казанка рыскала из стороны в сторону, держа курс, несомненно, в их сторону. По мере приближения выяснилось, что гребец — существо двухголовое, двумя руками гребет, а другими двумя обнимает другую за шею, как Надин сейчас Николая, сидя у него на руках под водой. Но что Надин обнимает, того никто не может знать, кроме Николая, а этих видно под луной довольно хорошо.

— Это Мара с Серегой, — вычислила Надин по только ей одной известным приметам. — В ночное поплыли от жены. Днем она его от себя ни на шаг не отпускает.

— Сюда плывут.

— Тогда нам надо тихо удрать, не мешать людям.

И вдруг над водой озера низко-низко пролетел женский испуганный крик:

— Се-ре-жа, ты где?

— Мапочки, его жена ищет! — сдавила шею Надин. — Приплыли!

— Се-ре-жа, ты куда?

Было в этом вопле что-то гибнущее, предсмертно-тоскливое, отчего мурашки пробежали, несмотря на теплую воду.

Тучный пловец разделился пополам на две тени, одна исчезла на дне лодки, а другая изо всех сил налегла на весла.

— Погодите же! — кричала где-то на том берегу невидимая жена, перекрывая скрип уключин и плеск воды.

Звуки быстро скользят по глади воды, легко догоняя беглецов. И столько в них дремучей страсти, столько боли, что романтическое венчание в разру-

шенной церквушке по сравнению с ними есть одна неверно взятая нота.

Лодка определенно правила к тому месту, где провели много времени Надин с Николая.

— Поплыли?

— Стой. Думаю, нам лучше остаться, может, что вместе придумаем.

— Поздно.

— Почему?

— Не слышишь? Еще пара весел захлопала.

Следующая лодка пустилась в неверное ночное плавание по лунной глади озера.

— С ума сошла! Ой, вот буча опять будет! Что-то надо делать.

— Кто здесь? — спросил Адмирал, суша весла.

— Мы, Николая и Надин.

— Отлично. Быстро садитесь в нашу лодку и плывите обратно навстречу к ней, а мы берегом домой побегим. Боюсь я за нее, последняя неделя.

Мара стремительно выпрыгнула из лодки на песок, Адмирал взял ее руку, и они отважно вступили в темноту чащи, как два очередных первопроходца.

Не тратя попусту времени, Николая громко зашлепал на встречу с женой Адмирала, которая тоже во все лопатки колотила веслами по воде и при этом громко ругала Мару, обзывая разными словами.

— В чем дело, что случилось? — крикнул Николая издалека. — Мы можем чем-то помочь?

Жена перестала ругаться.

— А где Серега? — спросила она подозрительным голосом.

— Не знаем... — Надин не удержалась и с ядовитой серьезностью добавила: — ...где ваш Серега.

— А вы чего здесь делаете?

— Мы здесь на лодке катаемся по озеру в свободное от учебы время.

Жена озадаченно молчала. И то, так надрывать-ся, а из-за чего, спрашивается?

— Сереге здесь нет, — поддержал разговор Николая. — Вы, наверное, разминувшись с ним где-нибудь.

— Точно... разминувшись, — с болью отозвалась маленькая женщина, сжавшись в своей лодке. — Ох, мне плохо как... тошно мне, тошно, господи...

— А ну, перелазь к ней да гребь быстрее к берегу, — скомандовала Надин. — Осторожнее!

Николя изо всех сил пытался выполнить приказ, стараясь совместить несовместимые для подобных лодок качества — плыть быстро, но без рывков. Адмиральша знай твердила одно и то же:

— Ой, пришла моя смертынька... ой, пришла...

На берегу их боевой экипаж с раненой на борту встречали озабоченный муж и доктор. Адмиральша проявила стойкость, выдержку, столь необходимую в ее положении, удержалась от родов в лодке.

Там, на берегу, все разом и прояснилось в первую же минуту по прибытии.

Оказывается, на самом-то деле было как? Муж ночью заподозрил неладное и побежал будить доктора, а жена в это время тоже проснулась, взяла да уплыла кататься на лодке. Хорошо, что все обошлось. И даже Адмиральша в ту ночь не родила, а утром муж отвез супругу в город, подальше от треволнений, и остался с ней.

10.

Настоящее жаркое лето с ежедневной температурой за тридцать градусов продолжалось и после отъезда адмиральской четы.

Пляж на озере сделался любимым местом времяпрепровождения всех обитателей турбазы. Озерная вода чистейшая, теплая не только на середине от горячих источников, но и у берега, песок за краткую ночь не успевает остыть, лежи грейся в любое время дня и ночи. Глаза прикроешь — так вовсе не отличить от курортной Анапы.

Курсисты после занятий прибывали сюда полным списочным составом и отдыхали с коротким перерывом на ужин.

Гофман обстоятельно расположился на одной из пляжных скамеек, разложив на ней бумаги, сидел не раздеваясь, учился, строго поглядывая на купавшихся.

После отъезда Адмирала вместе с женой в город Мара воссоединилась с Надин, они вновь стали неразлучной парочкой. Само собой, за исключением того особенного времени, когда Надин с Николая уплывали на середину озера загорать, лежа на воде, взявшись за руки. Туда Надин Мару с собой не звала. Николая не спрашивал, почему, возможно, та просто не умеет лежать на воде. Да и вообще. Вдвоем лучше, надежней. К примеру, начнут обе тонуть, кого спастись в первую очередь?

По такой отличной погоде Николая с Надин загорали на воде рядышком, не глядя друг на друга, изредка перебрасываясь короткими фразами, в то время как подводное теплое течение плавно таскало их по кругу в центре озера, о чем можно было догадаться по меняющемуся положению солнца на небе.

Вот на лодке подплыли Инесса с Фаиной.

— Смотри, — сказала Фая, — красиво парят. Я тоже так хочу.

Николя приоткрыл один глаз, посмотрел.

Их разглядывали сверху, наклонившись на один борт, отчего лодка накренилась.

— У нас с тобой так не получится.

— Почему это?

— Мы однополые.

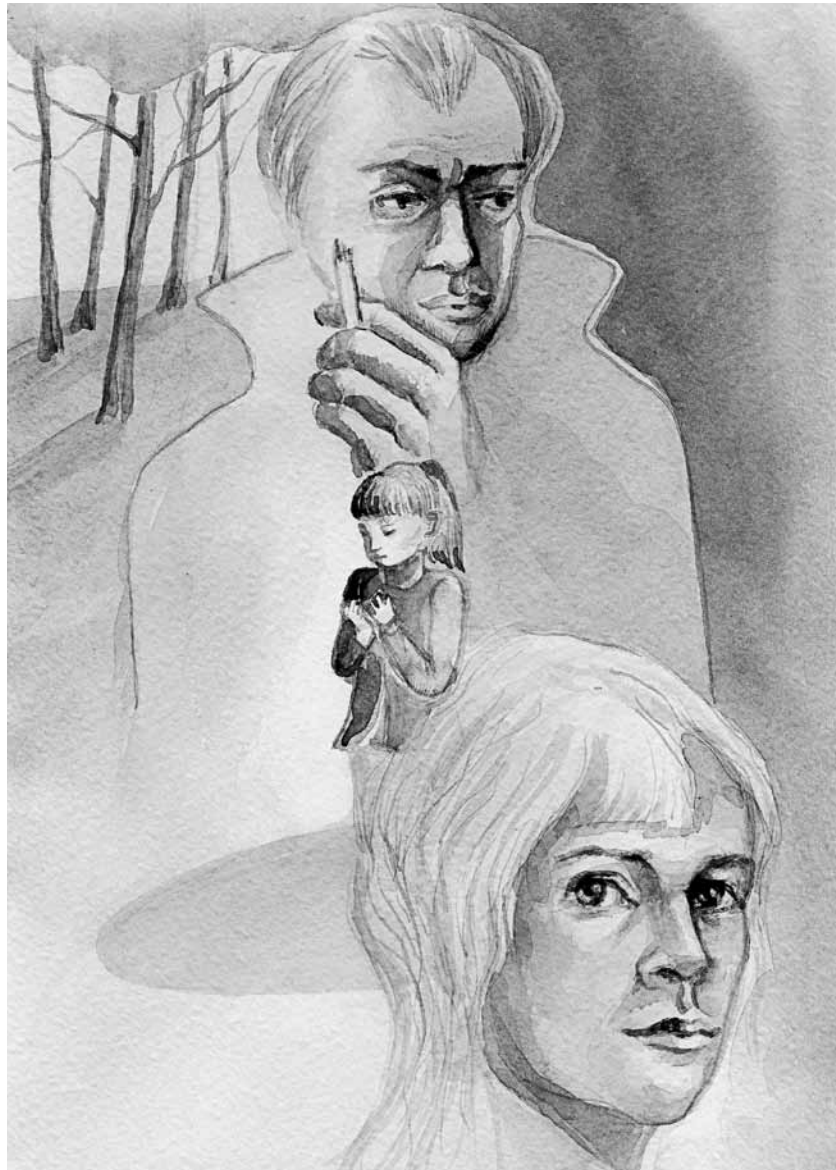

Рисунок
Антонины
Решетниковой

По жаркой погоде и доктор Саша сделался навсегда пляжа. Вместе со своей девушкой он частенько сидел на одной из скамеек.

— Дорогая, давайте искупаемся, — уговаривал доктор Саша воркующе-нежным баритоном подругу на приятную процедуру. — Сейчас самое время слегка охладиться.

Выпуклая девушка с милым детским личиком стеснительно зыркнула на пеструю публику и отрицательно качнула головой.

— Давайте попозже... народу много.

Врач Саша не смел перечить, лишь от избытка чувств вздышал очень глубоко.

К Николаю подошли Надин с Марочкой. Лица разные: у Марочки — блаженное, у Надин — деловое.

— Пойдем, у нас к тебе дело, — сурово позвала Надин.

— Далеко?

— На почту ходим.

На стене почтового отделения висел телефон. Надин попросила его позвонить в город, где сейчас находится Адмирал с Адмиральшей и новорожденным ребенком. И если трубку возьмет женщина, попросить Сергея к телефону, после чего передать трубку Маре. Такова вкратце несложная задача.

Но ответил сам Адмирал, поэтому Николая, ничего не говоря, сразу передал трубку Маре.

— Пойдем в магазин ходим, — потянула его за рукав Надин.

В пустом деревенском магазине под стеклом на самодельной витрине лежал величайший дефицит — большие шоколадные конфеты «Гулливер» с вафельной начинкой. Безумно дорогие, но в городе их расхватили бы за час и в драку. Сельские труже-

ники сэкономили свои скудные средства, питаюсь с огородов, и обходились на сладкое сахаром-песком, желтым, как кубинский ром.

Надин купила полкило. Колян подумал и тоже взял полкило.

— Зачем купил? — обиделась она. — Я бы тебя сейчас угостила.

— Ты меня, а я тебя. Кульками обменяемся?

Вздыхнув, согласилась обменяться кульками из серой вощеной бумаги, всем своим видом показывая, что идея ей не нравится.

Пошли обратно на турбазу проселочной дорогой, на пустынной автобусной остановке присели отдохнуть.

— Да, не думала я, что у Мары так серьезно закрутится, — сказала Надин. — Она ведь очень спокойная по натуре, а тут вдруг — бац! Такая бесподобная любовь, просто страшно делается.

— Ага.

— Ты думаешь, чем у них кончится?

Николя, блаженно шурясь, хрустел вафельным «Гулливвером», откусывая по половине огромной конфеты сразу. Будущим Мары обременяться не желал.

— А что гадать? Конфеты вкусные, правда?

— Правда. Мне кажется, что такая любовь снесет любые преграды на пути.

— Не знаю. В смысле жену или ребенка? Или обоих?

Надин промолчала.

Коля ел конфету за конфетой и не мог остановиться. Ужасно соскучился по шоколаду.

— Ты с ума сошел, все зараз лопать? Надо понемножку получать удовольствие. А то дурно станет.

— Всего-то полкило, на один зуб. Только-только попробовать.

Надин вздохнула.

— Коля, по гороскопу ты не Рыба случаем?

— Нет, а что?

— А то. В воде много лучше выглядишь, чем на суше, особенно на середине озера, где глубина, когда молчишь, как рыба. А вот на берегу, — она коротко взглянула, — на берегу... весьма... средне. Ну, наелся? Вставай, пойдём.

Коттедж был открыт, а внутри пусто — так ему показалось вначале. Он прошел к своей кровати, где валялся конспект с книжкой, и стал искать в тетрадке листочек с практическим заданием. Пора заняться составлением учебной программы. На берегу озера, конечно. Вне пляжа он себя уже не мыслил. Может, и правда Рыба?

Вдруг Николя наткнулся на чужой взгляд из темного угла и вздрогнул. Взгляд был не враждебный, но чрезвычайно равнодушный, будто у спящего с открытыми глазами, точнее говоря — спящей.

На кровати Красилова лежала длинная тонкая девушка в синих джинсах — знакомая курсистка, повернув в сторону Николая голову, и смотрела на него, не моргая, темными круглыми глазами, ни капельки не стесняясь.

Смотрела, как спала, остановившимся взглядом, будто не видит ничего или не желает видеть. Почему он сразу не заметил? Не разглядел самого Красилова, сидевшего на краю своей кровати, согнутого, припавшего губами к ее шее в длительном молчаливом поцелуе, после которого, по некоторому опыту, имевшемуся у Николая, остаются красные пятна. Да, умудрился не заметить Красилова, а только эти посторонние безразличные глаза.

Тут и Красилов поднял голову.

— Извините. — Николай поспешил выйти вон.

Следом на крыльцо выскочил Красилов. Зачем-то пошел рядом, взволнованно поправляя редкие пышные кудри:

— Ты понимаешь, я никогда не изменял жене, никогда прежде. Дожил до четвертого десятка и ни разу себе ничего не позволил, а сейчас понял — зря. Нельзя издеваться над природой, перекраивая ее под морально-этические правила, ломая себя через правое колено. А я ломал, хотел быть образцово-показательным, во всех отношениях примерным семьянином... Какая чушь! Радости жизни не знал!

— Иди, — не глядя в его сторону, буркнул Николай. — Оставил девушку, ей, небось, неудобно одной в мужской комнате лежать.

А Красилов обиделся.

— Я тебе душу открываю, а ты... — махнул рукой и побежал обратно в коттедж.

На пляже Николя сел рядом с Гофманом и стал составлять учебную программу. Через полчаса она оказалась готовой: листочек неаккуратно исчеркан-перечеркан, да ладно, сойдет, завтра на занятиях переписшет набело и сдаст преподавателю, сам на ВЦ не поедет, некогда. Вон Гофман ездит, так весь в распечатках теперь сидит, укутался в белое, как саудовский шейх.

— Все, у меня готова программа. Пойду поплаваю.

— До готовности еще долго, — тщательно складывая большие листы распечатки, произнес Володя. — Я давно написал, теперь с ошибками разбираюсь. Смотри, сколько пиэль сообщений об ошибках выдал после трансляции, целых два метра бумаги. А знаешь, сколько томов руководства программиста толкуют всевозможные сообщения об ошибках? Двадцать или тридцать здоровенных книжечек! Сообщения на английском языке. Вот, почитай, понял чего-нибудь?

— Плавающее переполнение.

— Английский учил? Везет, я немецкий.

— У меня программа маленькая получилась, всего пятнадцать строчек.

— Повезло. А тут дали запрограммировать решето Эратосфена, семьдесят шесть операторов получилось.

— Кстати, у Надьки тоже решето Эратосфена, можешь проконсультироваться.

— Сам разберусь.

Николя нашел своих девушек на берегу. Надин загорала в компании Мары. Лицо закрыто книжкой.

— Слышь, у тебя решето Эратосфена?

— Чего? — удивилась Мара.

— Имеет место быть. — Надин сняла книгу, приветливо зашурилась. — А что, списать хочешь? Я уже программу сделала и сдала, зачет по практике получила.

— Молодец! — восхитился Никола. — А вон Гофман, смотри, как на скамейке ее программирует, весь в бумаге запутался, ошибок два метра с машины получил. Пойдем плавать?

— Сколько можно плавать? — удивилась Мара.

— Пойдем, — согласилась Надин.

— Предательница, — обиделась Мара. — Опять на середину поплывете? Утонете там когда-нибудь, и достать вас не смогут с такой глубины.

— Водолазов вызовут, — обнадежила подружка. — Среди водолазов тоже симпатичные мужчины встречаются. Представляешь, меня на ручках вынесет на берег водолаз, шлем бронзовый отвинтит и будет делать искусственное дыхание. А я буду лежать красивая и бездыханная. А Никола выплывет, он здорово плавает, будет рядом с водолазом стоять-плакать. Что, завидки берут?

И пошла вдоль кромки берега, оставляя на мокром песке четкие отпечатки, состоящие из двух частей удивительной формы, которые приятно разглядывать. Он остановился, присел, осторожно притронулся. Из всех произведений искусства, творимых человечеством ежедневно, — эти самые изысканные и одновременно легко исполняемые.

Надин обернулась.

— Плыдем?

— Плыдем.

У самого берега вода прогрета солнцем, затем с каждым метром холоднее, а ближе к середине снова потеплело, и, наконец, над источниками — как в горячей ванне с минералкой — пузырьки мгновенно покрывают тело, лопаются с шипением.

Разбросив руки в стороны, улеглись на воде.

Набрав побольше воздуха, Никола замедлил дыхание, прикрыл глаза. Фонтан, бьющий на дне озера, в такую жару доходил до поверхности, обдавая душем Шарко.

Против всех ожиданий, приятного лежания на воде не получилось — быстренько утонул. Всплыл,

набрал воздуха, снова раскинулся, и неприятность повторилась.

— Плоховато лежится сегодня.

— Объелись, наверное, — согласилась Надин, — тяжелой пищи. О, я знаю! Суп был пересолен, попал в кровь, а соленая вода тяжелее пресной, вот вам и результат: не лежится, не сидится, не танцуется ему! Я лично тону, как топор.

Он поднял голову. Рука Надин розовела поблизости, значит, пока не до конца утонула.

— Вода горячее стала, может, из-за этого?

— Лопать меньше надо. Вон у тебя уже живот над водой торчит.

— Так воздухом специально надуваю плавательный пузырь.

Взял за руку.

Ни с того ни с сего началось прежнее легкое бесконечное кружение на воде. Мысли в голове тоже кружились.

— Слышь, Надин, сейчас не тону. А, ясно. Когда две лодки соединяют, получается катамаран, более устойчивое плавсредство, и здесь что-то в этом роде. Ну-ка, давай одними мизинцами держаться, утонем или нет?

Но и на мизинцах катамаран проявил непотопляемость. Так, сочетавшись мизинчиками, с закрытыми глазами, они полностью доверились озерному течению, которое ныне носило их медленными большими восьмерками.

— Здорово живется буревестникам, да? Раскинул крылья пошире — и пари над водой сколько хочешь, как мы сейчас.

11.

Ночью с Ледовитого океана нагнало туч, прошел холодный отрезвляющий дождь, утром погода зябкая, опять с туманом и комарами, и кажется странным, что еще вчера озерный пляж был заполнен отдыхающими.

В последний день занятий даже тем, кто не отладил своих учебных программ на языке пизль, поставили зачет по практике и выдали удостоверение об окончании курсов программирования. Билеты были взяты на завтрашний поезд: погода ни к черту, на озере делать нечего. Курсанты решили заключительный вечер отметить на всю катушку праздником расставания.

Накупили рома, хлеба, Пасюк сдал в общую кассу остатки запасов украинской колбасы и сала с чесноком. Герасимыч — рыбу горячего копчения из своей маленькой коптильни, сооруженной из обыкновенной бочки на берегу озера.

Он решил остаться на турбазе навсегда: здесь открылась вакансия завхоза, и Герасимыч, плюнув на

якутский алмазный ВЦ, устроился жить при озере, рыбалке, коптильне и роме. Кроме него, остался еще один человек из их группы: пухлая девушка с детским личиком. Говорили, что ради нее доктор Саша затеял развод с женой, после которого они собирались сойтись законным браком. Во всяком случае, девушка перешла жить в домик доктора. Фаина с Инессой откровенно завидовали счастливице: доктор еще не совсем старый, к тому же веселый, вида спортивного, с таким можно и детей народить целую кучу.

Николя тоже сдал деньги на вечер расставания. Перед началом мероприятия к нему подошли Надин с Марой.

— Давай уедем в город? На квартире Артура собирается толпа с нашего похода, а оттуда завтра прямо на вокзал.

Николя посмотрел на Мару. Это она хочет на квартире у Артура встретиться с Сергеем и соблазняет всех подряд по такому случаю ехать. А не появится ли в разгар веселья Адмиралша? Да не начнет ли лупить всех подряд подушкой? Или чем потяжелее?

— Без него я не поеду, — сказала о Коле в третьем лице Мара. — Мне надо сервис везти.

— Большой сервис?

— На двенадцать персон.

Надин смотрела укоризненно: «Неужели не сможешь влюбленной девушке везти сервис?»

— Поехали, но предупреждаю, денег на сбрасывание у меня не осталось.

— На «Гулливере» прогорел? Говорила — не покупай, вот обжора несусветный!

— Там все уже есть, приготовлено, — на глазах воспрянула Мара. — Кстати, Маша с Ирой тоже будут.

Маша с Ирой недолго посидели у Артура и отбыли на вокзал к поезду. Артур вызвался их проводить. Проводил — вернулся грустный.

— Не захотели билеты поменять на завтра. Куда люди торопятся? Сами не знают.

— Ты обоим предлагал остаться? — сощурилась Надин.

— Конечно.

— Вот если б одной предложил, обязательно бы осталась.

— Зачем одной? Нет, пусть лучше обе уезжают, с одной мне потом проблемы будут.

Вдруг зазвонил телефон.

— Нет, его здесь нет, — доброжелательно произнес Артур в трубку, положил аккуратно. — Адмирал, тебя жена ищет.

— Пусть, — отмахнулся Сергей, как сумасшедший от надоедливого привидения.

Он глядел только на Мару, держал ее руку в своей, не отпуская ни на секунду.

До глубокой ночи Артур пел песни под гитару, все пили ром, потом у Надин разболелась голова, она легла на кровать в проходной комнате. Там стояли только эта кровать у окна, два стула, на противоположной стене висел ковер. Собственно, не комната, а коридор с окном.

В зале находился стол, за которым располагалась компания, стулья были, но прилечь негде. Мара с Адмиралом сидели друг напротив друга, взаимно гипнотизируясь. Николя хотелось спать, он маялся, не зная, где прилечь. Артур завалился вторым к Надин на койку. Чувствуя себя неловко третьим в зале с влюбленной парочкой, как у костра в походе ночью, Николя ушел на кухню. Если положить руки на кухонный стол, а поверх голову, можно немного вздремнуть. Только весь стол и мойка заставлены грудями грязной посуды. Он принялся мыть сначала ту, что в мойке, потом со стола. В проходной комнате тихо ругались. Домыв, Николя пошел глянуть, что там. Надин сжимала обеими руками голову, видно, боли были сильные, и, морщась, говорила:

— Отстань, дай поспать.

Артур пытался расстегнуть на ней джинсы и стянуть их.

— Разденься, полегчает, — уговаривал он. — Спать надо раздевшись, у тебя живот перетянут, это вредно для кровообращения. Расслабься, и голове сразу полегчает, вот увидишь.

Заметив Николя, Надин слезла с койки, сначала присела на стул, потом, держась за голову, ушла на кухню. Николя — следом, налил ей чай покрепче.

— Ну как, пиэль выучила? — насмешливо спросил, глядя в окно.

— Пиэль-пиэль. Сяу-ляу-вей-мой, сяу-ляу-вей, гоу-леу-систый сяу-ляу-вей!

— Систый-систый, пей давай чай.

— Зачем я сюда притащилась? — спросила себя Надин. — Мару можно понять. Нет, я даже восхищаюсь ее решимостью. Она как в пропасть бросается, потому что захотела так. Но, как она, прыгать не хочу. Зачем? Ведь изначально ясно, что бесполезно. Просто мучение себе на всю жизнь обеспечишь. И он тоже будет без нее жить — мучиться. С ней жить, ребенок бросив, — тоже мучиться. Нет, ни за что. Ясно это любому нормальному человеку, а ей хоть бы хны, закроет глаза — и бросается вперед, как в пламень. Даже завидно немного делается, правда.

На кухню заглянул Артур. Остановился в дверях: ноги Николя перегораживают узенький проход.

— Чаевичаете? Молодцы, правильно. Надин, выйдем, мне надо тебе кое-что на прощание сказать.

— Иди, спи. Знаю я твое прощание.

— Да? Ну и ладно тогда. Я пойду в ванну шубу постелю, лягу, а ты, Надин, можешь на кровати лечь.

Дверь на кухню аккуратно, по-хозяйски, прикрыли.

— Если хоть чуть что-то не то, я никогда не ки- нусь, но каждый раз потом жалею страшно, прав- да. У тебя такое бывает? Вот чувствуешь, могло бы быть настоящее, надо только себя переломить и броситься, но зачем ломать себя? И уйдешь в сторо- ну, а при прощании жалко, будто полжизни теряешь и никогда уже ничего больше не будет. Так дурно делается, что голова болит, а Мара представляет- ся самой умной девушкой на свете. Ладно, пойдем спать. Если начнешь приставать, как Артур, сразу на полу окажешься с переломом копчика. Дай руку. — Надин зацепилась мизинцем за мизинец. — Ложись рядом, авось не утонем.

На вокзале Мара и Адмирал снова глядели друг на друга неразрывным взглядом. Артур провожать не поехал, остался дома, а Надин поехала. Хотя ее по- езд уходил тремя часами позже, она решила дожидаться на вокзале.

Когда объявили посадку, Мара бросилась на Сергея, без разбора целуя щеки, нос, глаза. Никола отвернулся, Надин же смотрела внимательно, не шу- рясь.

Николя затащил в вагон ящик с сервизом и со- шел обратно на перрон. Мара спросила его:

— Ну а вы, водяные люди, прощаться когда будете?

— Мы давно простились, — ответила Надин.

— Когда?

— На озере. Правда же, Коля?

— Правда.

Муж встречал Мару прямо у подножки вагона. Она прыгнула к нему на шею со ступеньки, оставив сум- ку, повисла, согнув ноги в коленках, и принялась целовать мелко-мелко и быстро-быстро.

Николя внутренне констатировал, что Адмира- ла коллега целовала гораздо страстнее. Впрочем, и здесь неплохо. Он зашагал позади них, таща короб- ку с сервизом до очереди на такси, попрощался од- ним кивком, никому не глядя в глаза, и устремился к трамвайной остановке, провожаемый подозри- тельным взглядом мужа. Уезжали втроем, а приехали вдвоем. Чем занимались? Пиэлем!

На работе они с Марой не пересекались недели две, потом она вдруг тормознула его в коридоре:

— Надин письмо прислала, про тебя спрашивает. Адресок дать?

— Нет. Будешь писать, передавай привет.

А лет через пять ему приснился сон.

Будто оказался он среди холмов, заросших тра- вой, по случаю поздней осени трава эта темно-буро- го цвета. Небо затянуто осенней пеленой, вечерет, моросит противный липкий дождь, и все кругом сочтется холодной водой. Он стоит не на вершине холма, но близко от вершины, а далеко внизу про- ходит длинная, размытая долгими осенними дож- дями глинистая дорога, обе колеи которой доверху наполнены мутной коричневой жижей.

Даже просто так стоять и смотреть на эту го- лую, забытую богом и людьми местность тоскли- во: ни домика, ни дерева, бурые пространства в пелене непрекращающегося многие часы и дни дождя. И скоро ночь. Но видит он в довершение ко всему еще, что по этой дороге в непролазной грязи тащится Надин. Нет, не видит, потому как далеко-далеко это внизу, у подножия пологого холма, даже дорога ниткой поблескивает, и вме- сто лица — тусклое пятнышко, направленное в его сторону — вверх, и одета в какое-то рубище. Не видит, а точно знает, что она. Будто кто шепнул в ухо: «А вон Надин идет» — и пропал, оставив их вдвоем, далеко друг от друга на бесконечном вече- реющем пространстве.

Он стоит и смотрит, двинуться нет сил. А она идет медленно-медленно, сначала вроде смотрела все время безотрывно, потом оглядывалась иногда, потом и не разглядеть стало.

И такая огромная жалость взорвалась в голове и груди, что он вскочил в темноте с семейной постели — а был в это время уже не первый год женат, — ощущая внутри себя никогда прежде не ведомую все- объёмлющую, щемящую и одновременно радостную любовь к Надин, что аж ни вздохнуть, ни охнуть.

— Боже мой! — воскликнул громко. — Как я лю- блю Надин!

— Что? — спросила жена из ближней темноты. — Что ты говоришь?

И Никола, преисполненный чудесных ощущение, начал рассказывать ей свой необыкновенный сон про Надин и те громады чувств, которые он по- родил в душе.

— Ты мне сон рассказываешь? — уточнила заспан- ная жена.

— Сон, — согласился Никола. — Но я так люблю сейчас Надин, ты не представляешь!

— Завтра расскажешь, ладно? — умоляюще по- просила жена.

Он понял, что ему срочно надо идти. Оделся и ушел из квартиры в ночной город, пребывая в совер- шенной уверенности, что обратно никогда не вернет- ся. Ему надо к Надин, он должен, просто обязан не- медленно идти к ней, она помнит о нем, она ждет его,

он в этом уверен. И они будут счастливы. В самом радостном настроении шагал Николая по темным улицам. Во сне Надин медленно двигалась по размытой дороге, а у него под ногами асфальт, сколько надо, столько он и будет идти и непременно найдет ее.

Кажись, она из Воронежа. Значит, он идет в Воронеж, решено.

А не проще купить билет и улететь самолетом? Но нет, идти надо сейчас, немедленно. И он шел. Дотопал до центра. Стеклопанные двери телеграфа были открыты. Он зашел позвонить Маре, узнать телефон Надин, ее адрес. Однако же ночью не вполне удобно будить людей, тем более когда муж такой подзрительный. Ладно, позвонит утром, а сейчас надо срочно написать письмо Надин.

Посетителей ночью на телеграфе немного. Николая сел за столик, взял бланк телеграммы и начал писать на обратной стороне письмо Надин. Увлёкся, исписал целую пачку бланков, рассказывая, какой необычный ему нынче приснился сон и какая необыкновенно большая нагрязнула с небес любовь, нет, он, конечно, и раньше влюблялся раз сто и любил, как считал, по-настоящему, на жене вон женился по любви, но сегодня его захлестнул океан. И он счастлив даже погибнуть в нем, если нужно, без малейших колебаний. Нет, ничего подобного раньше не было даже близко. Наверное, это и есть настоящая любовь. Все для него решено, он едет к ней сегодня же, как только рассветет. О, так уже рассветло!

Можно Маре не звонить, зачем человека подставлять, говорят, у нее большие нелады с мужем. Лучше на работе узнать адрес и телефон и сегодня же уехать.

Николя вернулся домой, позавтракал тем, что оставила жена, уходившая раньше, и по привычке, как ни в чем не бывало, отправился на службу, считая себя, однако, уже абсолютно свободным от всех обязательств прежней жизни. Внутри ему сделалось безумно радостно и легко.

Но Мара на работу не явилась, у нее заболел ребенок, и она села на больничный.

Прождал целую неделю, стесняясь звонить из-за ревнивого характера супруга. Все это время ему было неизъяснимо хорошо, свободно и счастливо жить, но каждый новый день был немного спокойнее, чем день предыдущий.

Когда Мара появилась на работе, он сразу изловил ее в тихом местечке, где можно поговорить спокойно, и спросил впервые в истории их отношений:

— Как твои дела?

Мара ответила просто и обреченно:

— Я развелась с мужем.

Николя сокрушенно пробормотал:

— Сочувствую... Из-за Адмирала?

— Ты что? Про то давно забыто. Да и не было там ничего. Просто к другой ушел муж, знаешь, как это бывает?

— Догадываюсь... А ты не могла бы дать мне адрес Надин и ее телефон?

— Надин? С пиэля, что ли? Эка вспомнил, уж и язык этот забыла, хотя два года вроде программировала. Кто же знал, что там Билл Гейтс в своем гараже изобретет? Телефона точно нет. Адрес дам, если найду. Мы с ней, собственно, и не переписывались. Она написала одно письмо, я ответила, что ты адрес брать не захотел, вот и все.

Адрес Мара действительно нашла, но в Воронеж Николая не поехал, пешком тоже не пошел. За две недели ночной фейерверк медленно и верно сошел практически на нет. Кое-что, впрочем, осталось.

Он начал посещать концерты бардовской песни, особенно те, что проводились на природе, местные фестивали, организуемые несколько раз за лето, на которые собираются в основном уже не очень молодые люди, местами с проседью в волосах, но пока с блестящими глазами. Ездит один, без жены, бывает, прихватывает за компанию Мару.

Когда исполняют «Милая моя, солнышко лесное» — а эту песню там поют обязательно, — у Николая непременно перехватывает дыхание, и снова откуда-то изнутри поднимается вал чувств, с которым трудно совладать. Он и не пытается: жутко-радостно делается жить на белом свете, хочется немедленно ехать к Надин хоть на ближайшем по расписанию поезде и решить, наконец, все раз и навсегда, а по дороге домой на электричке пыл утихомиривается, оставляя после себя нежность и тихое блаженство.

Дорога от фестивальной площадки до города неблизкая, в переполненном вагоне на ногах стоять как-никак часа два.

*Продолжение.
Начало в № 7–12 за 2009 г.,
№ 1–12 за 2010 г., № 1 за 2011 г.*

УВИЖУ САМ

ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ, КНИГА 3

Жизнь Урбанская

От Эльсинора до иняза, то есть от дома до работы, было минут сорок пешком, и я охотно вышагивал этот путь в обе стороны, ибо парковать широкоформатную «Голду» поблизости от кампуса было и нелегко, и накладно. Нет, автоматические счетчики нас бы не разорили, но как угадать при свободном расписании, когда ты сможешь уйти? Если просрочил плату в центах, получай штраф в долларах! Существовала особая фискальная служба в транспортной полиции. На машине с правосторонним рулем (для специальных удобств) эдакий дармоед в форме целый рабочий день объезжал прилегающие к кампусу кварталы и выписывал и выписывал штрафы, засовывая непромокаемый желтый конвертик под щетку на лобовом стекле, при этом даже не выходя из своей машины.

Городок на плоской равнине, хотя и осененный высокими деревьями, но без подъемов и спусков, сам подсказывал, делая прямые намеки на иной вид транспорта — двухколесный. Студенты если не на роликовых коньках, то уж на велосипедах гоняли почти поголовно. Почти — потому что наиболее богатенькие из них любили разъезжать на спортивных «Шеви-Камаро» ярких расцветок. Двое преподавателей Славянского отделения — профессор Фрэнк Глэдни и профессор Стивен Хилл — тоже передвигались двухколесно, развевая на ходу полы блейзера или твидового пиджачка. И мне подвернулся случай.

Давид Арановский (впоследствии — Дэвид Аранс), муж одной из упомянутых аспиранток и выпускник нашего библиотечного факультета, полу-

чил предложение от Библиотеки Конгресса и, естественно, принял его. На прощание он подарил мне свой старый велосипед.

— Сам собрал из трех ломаных великов, — пояснил он. — Жаль расставаться, но не везти ж его в Вашингтон!

Бегал этот велокептавр подо мной хорошо, пока его не украл позарившийся на старье похититель.

Что же касается библиотеки, то здешняя ненамного уступала той самой первой в стране, куда отправился бывший владелец велосипеда. Особо отличалась богатством ее славянская, а точнее — русская коллекция книг. Основал ее профессор истории Ральф Фишер (внимание, магниевая вспышка!) — бывший шпион, сначала работавший в Китае, а затем занимавшийся сбором и анализом сведений о Советском Союзе. Я так свободно упоминаю о его разведывательной деятельности (здесь это называется «работать на правительство»), потому что он сам не скрывал и даже сделал довольно самокритичный доклад — правда, уже уйдя на пенсию, — о том, как разведка манипулировала властями в свою пользу, завышая степень советской угрозы и оценку уровня жизни населения в СССР.

По совпадению, я самостоятельно пришел к подобному и даже еще более радикальному выводу вскоре после моего приезда. Дело в том, что газета *The New York Times*, без которой не обходится ни одна интеллигентная семья в Америке, опубликовала отчет ЦРУ, где давалась оценка военной угрозы СССР и его экономического состояния. Эти вопро-

сы волновали тут многих — от мусорщика до президента.

Что касается ракет и боеголовок, то я тут с Центральным разведывательным управлением спорить не собирался, хотя на их месте и не стал бы сбрасывать со счета бахвальство советских военных и большую долю блефа в их докладах начальству, перехваченных где-то на полпути... А то и нарочно подброшенных!

Но насчет сравнения уровня жизни среднего американца и среднего советского жителя — тут уж извините: пресловутый Иван Петрович Сидоров — это я, поживший достаточно в его шкуре, прежде чем превратиться в среднеарифметического мистера John'a Doe! В опубликованном анализе сравнивались зарплаты и их покупательная способность, но не принимались во внимание ни очереди, ни пустые полки магазинов! Не учитывалось и такое свойство, как качество жизни, о котором даже не догадывалось наше население... Но все равно читателей «Таймса» убеждали, что советский обыватель жил всего лишь вдвое хуже, чем американский. Основывалось это утверждение на официальном пересчете долларов на рубли. Но пересчет-то делался по советскому жульническому раскладу: 90 копеек за доллар!

По самому заниженному замеру, мы жили впятеро хуже. Впятеро, а не вдвое! А может быть, и вдесятеро...

— Либо они идиоты, — возопил я, отбросив газету, — либо обманывают свое правительство!

Так оно отчасти и было. Ральф уверял, что они добивались большего финансирования самих себя и заодно всех русских программ.

Это совпадало с тем, что рассказывал мне Юрий Павлович Иваск. Он говорил примерно вот что:

— Спутник, который был запущен советскими в 1957 году, буквально разбудил Америку. Здесь у многих бытовало мнение, что Советы — отсталая страна, и вдруг она оказалась впереди! Как, почему? Из бюджета выделили огромные деньги на «русские исследования». Давали гранты под любые начинания, лишь бы они хоть как-то связывались с русским: языком, культурой, чем-нибудь... Деньги валялись на земле, надо было только не полениться их поднять.

А в Иллинойском университете Ральф Фишер стал деятельным директором Русского центра, открывшегося на федеральные средства. Слово «русское» включало в себя и все «советское» — американцев было не переубедить, что это разные понятия, да и надо ли было переубеждать? Со сменой формаций в России я и сам теперь не настаиваю на таких уж кардинальных различиях. Говорите, что русские проблемы лишь в дураках и дорогах? Нет, не только...

Библиотека утроила фонды на покупку русских книг. Посыпались щедрые частные пожертвования. Президент университета со своей стороны тоже приоткрыл казну и основал отделение славянских языков и литератур, куда я позднее, и в самом деле наподобие астронавта, спланировал прямо из атмосферы.

Разрастанию библиотеки способствовало и то печальное обстоятельство, что начала вымирать Первая волна эмиграции, которая вывезла с собой самое ценное. Фамильные бриллианты порастрагались в Европе, а книги остались... Наследники, как правило, охотно их отдавали чуть ли не даром. Да и даром — тоже. Книжная идея Фишера имела целью привлечь в университет те ученые головы, которые, как он выразился, «больше любят читать умные книги, чем любоваться красивыми видами или наслаждаться приятным климатом в других местах».

У Ральфа были типично американская вытянутая фигура и круглое, легко улыбающееся лицо, похожее на смайлик. Манеры — самые джентльменские, я таких ни у кого и не видел: на домашнем приеме он, например, угощал гостей орешками, привстав на одно колено. Дом у них с Руфью был самый скромный, со стенами, украшенными географическими картами, автомобиль — даже не старый, а древний, без пяти минут «антик». И характером он обладал чисто американским — бросал вызовы самому себе: неизменно вышагивал пять миль до своего Центра в любую погоду, а в снежную зиму даже прикреплял к ногам плетеные ходилки-снегоступы. Однажды кто-то упрекнул его в забывчивости. Это его задело. Память у разведчика — это ведь его главное оружие. И Ральф выучил наизусть всего «Евгения Онегина», да так, что готов был читать с любой заданной строчки.

Я этому поразился, но, видимо, с оттенком недоверия. Он предложил проэкзаменовать его. Я отказывался, он настаивал, и я сказал:

— Ну хорошо. Я сейчас вот, как назло, забыл самый конец «Онегина». Напомните последнюю строфу!

Ральф дрогнул и даже немного побледнел. Я за него испугался: вдруг не вспомнит? Какой выйдет конфуз! Минуту-другую он, очевидно, умственно листал страницы, а потом вдруг произнес с легким акцентом, но без запинки:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.
А та, с которой образован

Татьяны милый идеал...
 О, много, много рок отъял!
 Блажен, кто праздник жизни рано
 Оставил, не допив до дна
 Бокала полного вина,
 Кто не дочел ее романа
 И вдруг умел расстаться с ним,
 Как я с Онегиным моим.

У меня даже волосы зашевелились, будто я услышал это от самого Пушкина. Браво, Ральф, вот он — настоящий «Подвиг разведчика»!

Как администратор придерживался он русской присказки «доверяй, но проверяй», пущенной в обиход президентом Рейганом. Проверял и меня, но деликатно: попросил принять вольнослушательницей свою секретаршу, «чтобы подшлифовать ее русский».

— Конечно, Ральф, почему бы и нет? Пусть приходит.

— Я бы и сам попросился, да нет времени.

— Ну что вы! С полным «Онегиным» в голове вам уже ничего не нужно.

Секретарша оказалась нетипичная, не знаю — может быть, и влюбчивая... Жутко терялась и краснела, когда я задавал ей вопросы. Но ходила на занятия регулярно, пока я не придумал, как ее отвадить. Взамен контрольных работ она должна была подбирать по темам каждого занятия наглядные пособия: я требовал все, что только можно было найти в Русском центре — слайды, фильмы, плакаты, транспаранты... черта в ступе! Помаявшись с такими заданиями, моя застенчивая наблюдательница вскоре оставила курс.

А русскую поговорку, скорей всего, подсказал Рональду Рейгану наш глава славянского отделения Морис Фридберг, приземистый господин с ежиком волос, сверлышками глаз за тяжелыми очками и скептическим выражением на бледном квадрате лица. Научные интересы его составляли антисемитизм и цензура. Он был приглашен на ланч в Белый дом как раз перед встречей президента с Горбачевым.

Я спросил у Мориса, каковы его чисто человеческие впечатления от Рейгана.

— Лицо старое, а глаза добрые-добрые...

— Как у Ленина? — подхватил я его интонацию.

— Во-во!

С Фридбергом я познакомился задолго до того, как он принял меня на работу. По совпаде-

нию, он когда-то преподавал русский язык в Хантер-колледже, где училось много эмигрантской молодежи, в их числе и моя Ольга. Они записывались к нему не из усердия, а ради легкого зачета — это был обязательный курс «иностранный» языка — и учились, конечно, спустя рукава. Ольга меня и представила ему в качестве своего трофея из России, когда я стал появляться на конференциях.

Как-то однажды между докладами я спустился в бар, взял пинту «Аугсбургера» и искал место, где бы присесть. На табурете за стойкой сидел некто в клетчатых брюках и желто-полосатом пиджаке. Он окликнул меня по имени. Это был Фридберг. Я предпочел усеститься за столик поблизости, и мы разговорились. Оказалось, что он тоже «бывший химик». Настроение у обоих было веселое, и Морис с ходу стал рассказывать анекдоты, типичные для мужской компании. Я ответил, что вообще-то предпочитаю британский юмор, но у меня есть тоже один анекдотец, который, пожалуй, подойдет на все вкусы. И рассказал анекдот про карлика: «Карлик, но...» То был самый смешной анекдот моей студенческой поры. Для комического эффекта, увы, там содержалось одно нецензурное слово, а без него было никак! Анатолий Найман даже написал рассказ о том, как он тщетно пытался позабавить этой шуткой самых неподходящих слушателей (и, главное, слушательниц), переноса сюжетную схему на невинный лад и, конечно, избегая неприличия. Рассказ получился смешнее анекдота.

Морис на годы вперед стал моим боссом. Он мурзил меня, держа всего на полставки, долго противился заключить постоянный контракт и, конечно, эксплуатировал, но защищал от факультетских волков (и волчиц) и даже, кажется, по-своему гордился мной. С перестройкой его, матерого антисоветчика, стали пускать в страну, которую он изучал. В московских литературных домах, знакомясь, его спрашивали:

— Профессор из Америки? Очень приятно. А в каком университете вы преподаете?

— Иллинойском! — конечно же, на американский лад пропуская предлог «в», отвечал Фридберг.

— Это там, где Бобышев? — желали уточнить москвичи.

И он дрессировал на заседании кафедры моих недоброжелателей:

— Вот видите, этот университет оказывается не там, где вы, и даже не там, где я, а там, где наш Бобышев.

Продолжение следует.

Сергей КОПИН

Здравствуйте, уважаемые! Я написал несколько строк и высылаю вам. Не знаю, каким образом все это оформлять. Сделал простую подборку...

Имею немало публикаций в региональных изданиях и сборниках.

Ваш многолетний читатель. Нет, не так. Ваш много-многолетний читатель Сергей Копин.

О себе: родился в 1962 году в Ростове-на-Дону. Окончил Ростовский военный институт ракетных войск стратегического назначения с золотой медалью.

Кадровый офицер, майор в запасе. Окончил аспирантуру, преподавал. Сейчас в бизнесе. Активный спортсмен.

Стихосложением занимался и ранее. Но это были тексты для песен нашей рок-группы, в которой пел и играл восемь лет. Сейчас увлекся поэзией достаточно серьезно.

Я обещаю — верну!

Тропы зима замела добела.
Сердце не верит в весну.
Дай мне займы хоть немного тепла.
Я обещаю — верну!

Морок — мой брат, а обида — сестра.
Тягостно в этом плену.
Дай мне займы хоть немного добра.
Я обещаю — верну!

Образ желанный едва уловим,
Да и судьба на кону.
Дай мне займы хоть немного любви.
Я обещаю — верну!

Девятый день

Тоска-печаль в незаданном вопросе
Гнетет подземный лисий островок.
Девятый день продукты папа носит,
А мама не приносит ничего.

Отец уходит под закат куда-то,
В траве привычно маскируя след.
Родное ищут по норе лисята,
Но мамы девять дней в помине нет.

А где отец? Да вот он. Под кусточком.
В небытие устремлены глаза

И на щеке дрожит прозрачной точкой
Скупая незверина слеза.
Все замерло, напуганное действием...
Так пусть же ни охотник и ни клеть
Не помешают вашему семейству
В лесу своею смертью умереть.

Мой секрет

Наличие тайны мне не довелось, не вышло оставить в секрете. Наличие тайны в неловкой судьбе я в тайне не смог сохранить. Оставьте свою несусветную злость, покуда без камешков ветер. Бродите в пещерах, а я — бе-бе-бе — порву ариаднину нить. Я буду улиткой — свернувшись клубком, займу нависающий домик. Ни рога, ни уса не дам рассмотреть и даже свой хвост подберу. Не заговорю ни о чем, ни о ком. Не выпью ни ром, ни боржоми. Не вылезу из дому даже на треть, сверяя с ГЛОНАССом маршрут. Я буду вампиром — лучей сторонясь, секреты сокрою в подвале, хоть кошек ко мне подсылайте в ночи, хоть хитрых и наглых ворон. Секретных шифровок красивую вязь понять научитесь вначале, а я, чтоб секрет не менять на харчи, припрячу последний патрон. Оставьте свою несусветную прыть, покуда дымит сигарета. Хоть нищих ко мне подгоняйте, хоть знать, секрет никому не отдам. А коль вы решили все-все положить на

поиск ключей от секрета, просите и требуйте,
дабы узнать! Пытайте! Но только не сам!

* * *

На капоте солнца блики
Собирают в пазл весну.
Еду я в Ростов Великий
Из Ростова-на-Дону!

Реки наши, небо наше,
Наш гаишник смотрит вслед,
Как платком, березка машет
Мне листочками: «Привет!»

И калина, и малина,
Все приметы налицо —
Русь встречает гражданина
Модным Золотым кольцом!

Отозвав ветра и ливни,
Спешно отступает зло.
Не всегда везет в любви мне,
Но с Отчизной повезло!

г. Ростов-на-Дону

Ольга КРУЧИНИНА

*Добрый день! Меня зовут Ольга Кручинина. Мне 31.
Живу в Екатеринбурге, по образованию биолог. Пишу я давно,
еще с института. Периодически откладываю это занятие, однако
снова возвращаюсь к нему... Никогда нигде не печаталась.*

Спасибо огромное и всего хорошего!

Я ПОМНЮ

ЗАРИСОВКА

Я помню титан. Огромный, под
одиноким тусклой лампоч-
кой в конце длинного коридора.
Агрегат неопознанный, незнако-
мый и потому ужасно интересный.
Помню, что к нему нельзя под-
ходить близко, но очень хочется
удрать из опостылевшей пала-
ты и добраться до него незамечен-
ной. Хочется просто глазеть на него,
но, конечно, ни в коем случае не
трогать руками, а то снова расстро-
ится мама.

Помню постоянно плачущую маму.
Почему плачущую? Ведь я так стара-
юсь! Я так ее все время радую! Я и ем
хорошо, очень хорошо. Мама только
хвалит. И книжки я читаю с удо-
вольствием!

- Жили-были...
- Дед и Баба!
- И была у них курочка...

— Яба!

А в обеденный перерыв прибе-
гает с работы бабушка. Приносит
маме что-то покушать. Мы с мамой
выходим ее встречать в больничный
парк.

— Как поживает моя курочка?

— Аяшо!

Бабушка тоже все время пла-
чет, а я ее утешаю...

— Мам, ну зачем мы тут торчим
уже месяц! Сонькины анализы толь-
ко хуже! Рысь нам даже диагноз не
поставил.

— Это дядя! — вставляю я веско.

— Да, Соня, дядя — Рысь. Это его
фамилия.

— Не поставил, значит, так и надо.
Потом поставит. Вы же еще не весь
курс прошли!..

— Да какой курс! Он лечит всех
одним и тем же.

— Значит, так и надо! Лечит,
вот и хорошо. Ты что, думаешь,
умнее доктора? Вот пошла бы в ме-
дицинский — я понимаю... А так,
что ты со своим химфаком суешься!
Он врач. Ему виднее... И вообще,
он и тут завотделением, и еще зав-
кафедрой в медицинском, а такой
молодой! Мне вот его советовали как
очень талантливого врача!

Потом они перебирают вме-
сте с мамой какие-то бумажки и пла-
чут уже вдвоем. А потом бабушка
собирается уходить, и плачу я...

Я тоже хочу уйти отсюда с бабуш-
кой и взять с собой маму. Дома мама
не будет плакать, обязательно не
будет!..

* * *

Мне полтора. Я вполне себе счастли-
вый и очень питанный ребенок.

Моя соседка по палате — маленькая, хитренькая, застенчивая черненькая Айка. На обходе Айка только улыбается и по-детски влюбленно смотрит на молодого голубоглазого красавца врача.

— Как тебя зовут?

— Айка... — выдыхает она.

На остальные вопросы Айка не отвечает, а лишь хлопает черными глазками.

— Все ясно, — вздыхает он и выдает какое-то жуткое словосочетание, от которого у моей мамы наворачиваются слезы.

— Ну что вы! — не выдерживает мама. — Она же умница! Ее же с таким диагнозом... Она просто стесняется! Она ведь лежит здесь без мамы...

— А на вашем бы месте, — оборачивается Рысь и отвечает нам с мамой скучающий голубоглазый взгляд, — я бы вообще задумался о втором ребенке. Современная медицина... — он разводит руками. — У вас ожирение второй степени и практически не работают почки.

Он выходит в коридор. Я ловлю влюбленный взгляд Айки.

В выходные приезжает Айкина мама и тоже плачет. Алсу — директор в маленькой станционной школе. Ее никто не отпустит на больничный с дочкой в конце учебного года. Еще месяц назад она была счастлива, когда удалось выбить место в детской железнодорожной больнице в областном центре.

Шоколадку, привезенную дочке, Алсу отдает девочкам на посту, чтобы разрешили пролистать Айкину историю болезни.

— Но ведь это все неправда! Как не говорит! Да она весь алфавит знает и считает туда и обратно. Ей ведь только три!

— Я пыталась ему сказать, — оправдывается мама. Она чувствует себя виноватой и за Айку. — Алсу, он меня не слушает! Он ведь всему отделению такие диагнозы ставит!

— Но вам же не поставил!

— У нас другое... — мама снова готова заплакать.

* * *

Нас выписали ни с чем, просто потому, что нельзя занимать место в отделении больше двух месяцев. Был конец мая, и мы с мамой уехали на все лето в сад.

Это было счастливое лето после долгой больничной весны. Три месяца без лекарств, анализов, капельниц и процедур.

Мы ловили и отпускали бабочек. Ловили и разглядывали лягушек и ящериц. Уходили гулять на луг и приходили домой с венками из ромашек и одной на двоих кружкой земляники к полднику. Мама полола грядки, а я собирала с чистой голый земли червяков и пугала ее.

По вечерам на последней электричке, после смены на заводе и лекций на вечернем, к нам приезжал папа. В поселке у станции у аккуратной старушки он забирал литр молока в банке, закрытой кусочком полиэтилена и перевязанной бинтиком. Банка с молоком ждала его прямо на крыльчке. Хозяйка к тому времени уже спала. Со станции до сада он шел медленно, боясь расплескать дефицит. Мы с мамой выходили встречать его к речке. На утреннюю электричку папа убегал, когда мы еще спали, прихватив с собой вымытую до скрипа банку. Пробегая мимо домика этой старушки, он, не сбавляя скорости, надевал банку на ее забор, где рядочком уже сушились банки других дачников, ожидая порции молока с утренней дойки.

Через день мама сажала меня на раму скрипучего велика, и мы ехали в тот же поселок за хлебом и, если повезет, за крупой.

В конце августа мы вернулись в город.

— Знаешь, что я узнала на днях? — первым делом поинтересовалась бабушка у мамы. — Я разговаривала с нашей прежней соседкой. Мы с ней столкнулись в гастрономе. Так вот, она отлично знает тещу Рыси — врача, который вас лечил.

Тут мама недовольно морщится.

— Так вот, — продолжает бабушка, — у него самого двое детей, по-старше нашей Сони, и оба учатся во вспомогательной школе!

— Тогда ясно, в чем дело, — вздыхает мама.

— Вот это я понимаю, — восхищенно продолжает бабушка. — Он потому и пошел в педиатрию и так самозабвенно лечит чужих детей!

— Да не лечит он, понимаешь! Не лечит! — мама срывается на крик. — Он только ярлыки вешает. Несуществующие диагнозы ставит!

Мама снова плачет, впервые за это лето...

— Мама! Не пачь!

* * *

Осенью мы снова сдавали все анализы, и все оказалось не так драматично. Как будто механизм запустился сам собой.

Надо сказать, от жуткого диагноза, поставленного в детстве, отделаться оказалось не так уж просто. Сперва он мешал моему поступлению в садик, потом стал препятствием к поступлению в престижную школу. Правда, однажды он мне пригодился — при моем поступлении в роддом на последних сроках.

Что же стало с моей подружкой Айкой — я не знаю...

* * *

Вечером позвонила мама (мы созваниваемся каждый вечер).

— Ты представляешь, кто к нам в кассу сегодня приходил?

— Нет, конечно... — иронично отвечаю я.

— Помнишь, мы с тобой в детстве лежали в больнице? Там был отделение по фамилии Рысь. Такой интересный, голубоглазый. Вот он и приходил. Почти тридцать лет прошло...

— Он все такой же красавец?

— Ну что ты, он очень изменился, а взгляд у него абсолютно отсутствующий. Позже подошла его жена за ручку с двумя детьми.

Говорили, она в молодости была красавица, а сейчас просто старушка, понимаешь — бабушка. Дети тебя постарше. Добрые такие, вежливые очень. Улыбаются...

— Понятно... Мам, а ты помнишь титан? Это там был титан?

— Неужели ты помнишь? Ты ведь совсем маленькая была, но такая вредная! Тогда ведь родителей с детьми вместе в больницу не клали. Бабушка договорилась

по большому благу, чтобы меня взяли за детьми ухаживать, прибираться, окна мыть. Ну, вроде санитарки, но без ставки, конечно. Вот только я выхожу из палаты, а ты уже у титана! Только и успевала тебя ловить... Там ведь обжечься — нечего делать! Я так все время боялась! И кто догадался поставить титан в детском отделении... Как ты можешь вообще его помнить?

— Не знаю... Просто помню. В кон-

це коридора под тусклой лампочкой...

* * *

Пресловутые девяностые много чего поменяли и в жизни нашей семьи. Мама рассталась с химией... Говорю здесь об этом лишь для того, чтобы не запутать читателя. Но ведь это совсем другая история...

г. Екатеринбург

Мария БУШУЕВА

Это простые истории, которые не претендуют ни на что, кроме легкого отклика в чужой, чем-то созвучной моей, душе.

А. В.

ПРОСТО РАССКАЗЫ

Салюги

Порой в детстве так дружишь, что границы твоего «я» стираются и возникает странный эффект — чужая душа начинает протекать в твою душу, смешивая свои невидимые частицы с твоими, интерферируя с твоей душой и создавая феномен ясновидения: ты словно начинаешь жить в двух жизнях сразу — в своей и в совсем незнакомой, ты начинаешь чувствовать, как свои, чужие чувства, и чужие мысли открываются тебе, точно книжка...

Хорошенькая новенькая, приехавшая из другого города и пришедшая в наш класс в октябре, почему-то сразу выбрала в подружки меня. Все мы, одноклассники, жили в соседних домах на трех тихих тополиных центральных улицах, и Галя могла идти от школы до дома с любой девочкой, но ходить предпочитала только со мной.

Нам было по тринадцать, но я, худая и сутулящаяся, казалась за-

мерзшим полуробенком, Галя же, наоборот, была почти девушкой, и в ее зеленых глазах прыгали рыжие искры.

Училась она очень ровно — на одни пятерки, всегда делала уроки, хорошо отвечала у доски и являла бы собой образец классической отличницы, если бы не две удивлявшие меня детали: сипловатый низкий голос и косметика, которой она ловко и слишком щедро пользовалась.

По дороге из школы мы обычно болтали, как все девчонки, о наших мальчиках-одноклассниках, об учителях и не припомню еще о чем.

Но однажды — тот день я вижу как сейчас — она, остановившись недалеко от своего подъезда (мне было нужно идти чуть дальше), сказала с прорвавшимся отчаянием, что у ее мамы опять новый муж.

— Как это «опять»? — удивилась я,

— У нее каждые полгода новый. — Галя горько улыбнулась. — Один

меня курить научил, другой... — она запнулась.

Так вот почему у нее такой сиплый голос, поняла я. Но Галю мне все равно было жалко.

Кстати, ее маму я видела: они с Галей очень походили друг на друга — только дочь была хорошенькой, а мать из-за ярких губ и сильно накрашенных бровей даже мне, девочке, показалась вульгарной.

— Ее потому и отец бросил, — прибавила Галя, и ее горькая усмешка стала злой. — Не вытерпел!

Никому в классе о Галиной откровенности я не рассказала. Мы так же ходили с ней от школы до дома и так же весело болтали совсем на другие темы. Нам было весело и легко друг с другом.

Прошло два месяца. Наступил декабрь. В школе обстановка, как всегда в конце первого полугодия, была нервной и напряженной: кто-то бегал исправлять двойку, чтобы

за четверть стояла хотя бы тройка, кто-то уговаривал учителя разрешить переписать четверочную контрольную, чтобы остаться отличником, у одной девочки, пока она была на уроке физкультуры, пропали из раздевалки новые сапоги, а мальчик из шестого класса упал с горки и попал в больницу, о чем говорила вся школа...

Потом встретили Новый год, от которого остались в памяти только бабушкина сдоба с изюмом и ягодой да запах мандаринов.

Со мной стали происходить занятные вещи. Задумавшись, я на ощупь искала выключатель в своей комнате совсем на другой стене, могла положить тетрадь на стол, но она оказывалась на полу, потому что в том месте не было никакого стола, а в кухне я начинала поиски коробка спичек, чтобы зажечь газовую плиту, пока не вспоминала с удивлением, что в нашем доме электрическое отопление и в спичках нет никакой необходимости.

И от всех этих легких странностей я бы сумела рассеянно отмахнуться, если бы не прибавился к ним сильнейший страх и какое-то сосущее чувство то ли стыда, то ли вины. Сначала страх больше походил на неопределенную тревогу, но постепенно стал, усиливаясь, принимать черты вполне определенной, хотя и совершенно непонятной по происхождению фобии: я стала панически бояться... милиционеров.

Завидев на улице милицейский козырек, я бледнела, а заслышав звонок в дверь, вздрагивала — неужели милиционер уже здесь?

На время каникул меня отправили к бабушкиной племяннице на ведомственную дачу, где можно

было покататься на лыжах с моей двоюродной сестрой и вкусно поесть в отличной столовой. Там страх мой немного угас, может, и потому, что охранявшие дачи милиционеры были со мной, как со всеми живущими там взрослыми и детьми, профессионально приветливы.

В первый день после каникул я с трудом проснулась вовремя: в школу идти совершенно не хотелось. И потому я завтракала медленно, бабушка моя, придерживавшаяся старомодной точки зрения, что лучше опоздать в школу, чем не поесть, вяло подгоняла меня. И я все-таки опоздала и потому пропустила главное событие, о котором говорил весь класс: Галю прямо перед звонком на первый урок забрала милиция! Пришли два милиционера и сообщили, что она украли из раздевалки сапоги! Оказывается, она пошла в них гулять и стала кататься с ледяной горки, которую всегда строили к зимним каникулам на площади перед магазином «Детский мир». Там-то ее и увидела девочка, у которой сапоги пропали. Родители девочки сообщили в милицию, и теперь, как говорили учителя, Гале грозила колония.

В обществе еще не царило и не манипулировало умами ловко-аморальное словечко «прихватить», и мои одноклассники Галю дружно презирали.

На меня, дружившую с ней почти три месяца, не упало даже малейшей тени. Может, и оттого, что отец мой в то время был директором горно, то есть начальником над всеми городскими школами.

В наш класс Галя Самарская уже не вернулась, и постепенно все в школе забыли о ней, и только я часто возвращалась к ней в своих мыслях. Я жалела ее, хотя должна

была презирать, и причина моей жалости была мне самой непонятна. Она тяжелила мне сердце и вселяла мучительное сомнение в собственной чистоте. Неужели и я в чем-то плохая, если могла дружить с *такой* девочкой?

Может быть, Галю подтолкнула на такой ужасный поступок нехватка денег и влюбленность в парня, которому нравились модно одетые девушки, думала я, а может, очередной жуткий отчим?..

Иногда я приходила к тому дому, где жила Галя, но аура пустоты, настигавшая меня в ее дворе, подсказывала, что ни Гали, ни ее матери здесь уже нет.

Как-то в очередной раз, проходя мимо ее подъезда, я увидела несколько пожарных машин. В тревожной толпе, собравшейся во дворе, я поймала обрывок разговора: оказывается, в одной из квартир взорвался газ... И тут меня осенило — так вот почему я искала спички, чтобы зажечь несуществующую в моей квартире газовую плиту! Это я чувствовала Галины мысли как свои! Так сильно мы симпатизировали друг другу! И вот почему я панически боялась милиции! Милиции боялась Галя!

И едва я поняла это, меня настигло сосущее чувство то ли вины, то ли стыда. Это было ее, а не мое чувство, я знала это совершенно точно! Значит, Гале по-прежнему было стыдно за свой поступок, и она испытывала постоянное чувство вины... Значит, она не плохая, она переживает.

У меня точно камень спал с души. И я поняла, почему я не презираю, а жалею ее.

Дачи

Кстати, о ведомственных дачах.

Отец моей одноклассницы и по совместительству двоюродной сестры был крупным чиновником, и ему

полагалось иметь служебную дачу, представлявшую собой загородную квартиру на огороженной охраняемой территории, как сейчас принято

говорить, в экологически чистом районе.

Мебель в этих дачных квартирах была казенной — такая сплошь и ря-

дом стояла в гостиницах, комнат полагалось несколько — в зависимости от статуса хозяина и количества членов семьи, ваннные комнаты были отделаны импортным кафелем, а во всех кухнях висели одинаковые большие часы с боем.

И вот сидели мы как-то с моей сестрой Леной поздно вечером в зимние каникулы на их дачной кухне и пили чай. Мы испытывали чувство голода, но холодильник был пуст, а родители Лены ночевали в городе.

Нам было по тринадцать лет, сестра моя увлекалась чтением детективов, что она с успехом продолжает делать и сейчас, став преподавателем английского языка, а я интересовалась психологией с уклоном в неизведанные явления человеческой психики.

На больших часах, висевших в кухне, стрелки приближались к полуночи. Нам давно хотелось не только есть, но и спать, однако невозможно было преодолеть нежелание вставать с теплых стульев и ложиться в холодные постели.

В окно был виден сплошной мрак — ни одно окно соседних коттеджей не светилось. Стояли сильные морозы, и хотя был вечер пятницы, ни у кого из тогдашних чиновников не возникало желания ехать за город.

Мы пили чай, пили чай, пили чай, и я рассказывала странные случаи, связанные с телепатией, ясновидением и призраками из потустороннего мира. Все это я вычитала в американском журнале «Парапсихология».

В одной из последних историй, рассказанных мной, событие завершилось так: часы куковали двенадцать раз, в этот момент во входную дверь кто-то стучал, хозяин шел открывать, и на пороге стоял призрак его покойного деда.

У сестры как раз не так давно умер дедушка, добрейший голубоглазый старик, обожавший свою внуч-

ку и носивший ей от бабушки вкусные пирожки, которые она никому не давала даже попробовать.

— Представь себе, — завершая одну из историй, сказала я, мечтательно вспомнив про пирожки и желая придать концовке характер личного впечатления для большего усиления эффекта, — вот сейчас на часах без пяти минут двенадцать, и вдруг, как только пробьет полночь, раздастся звонок в дверь.

Лена, не лишённая впечатлительности, тревожно встрепенулась.

На часах было без четырех минут двенадцать. За стеной, в пустой квартире дачных соседей, послышались какие-то странные стуки и тут же стихли.

Без трех минут двенадцать во мраке что-то взвизгнуло и тоже сразу провалилось в морозное безмолвие.

Часы показали без одной минуты двенадцать. Мы сидели неподвижно, не в силах оторвать взгляда от медленно движущейся минутной стрелки. Я попала под свой собственный гипноз и тоже начала испытывать сильнейшее беспокойство, готовое стать мистическим страхом.

И тут, наконец, стрелки соединились, часы начали бить полночь... и раздался звонок в дверь!

Надо ли объяснять, что Лена побледнела от ужаса и застыла на стуле. Встреча с призраком собственного дедушки в зимнюю полночь на пустых дачах кого угодно заставит оцепенеть от страха.

Но я, придя в себя и вспомнив, каким был симпатичным ее дедушка, заставила себя подняться и пошла к двери. Раз я сама срежиссировала полночное появление, я должна сохранять присутствие духа.

— Не открывай! — едва шевеля губами, прошептала Лена.

Но я уже отодвинула задвижку.

— Не открывай!

И сняла цепочку.

Лена следила за мной, как белое изваяние.

— Кто там? — собираясь открыть последний замок, все-таки спросила

я, опасаясь гораздо больше воров, чем призраков. И услышала в ответ писклявое: «Я».

Не разобрав, чей это голос, я доверилась собственной интуиции, подсказавшей, что это не грабители (да и какие грабители на охраняемых милицией ведомственных дачах), и открыла дверь. На пороге стояла наша одноклассница Ира, отец которой работал вместе с отцом моей сестры и жил летом в соседнем коттедже. Ира, Лена и я в общем-то никогда не дружили. И ее появление у нас в зимнюю морозную полночь было почти столь же странным, каким было бы явление призрака дедушки, который решил все-таки не тревожить любимую внучку.

— Ты... как... здесь... почему? — Лена, наконец, обрела слабую способность говорить.

— Мой папа в одиннадцать вдруг решил поехать на выходные на дачу, — спокойно объяснила Ира. — А когда подъезжали, я увидела только один огонек, и он сказал, что это окна твоего отца. Вот я и решила вас навестить! — Ира улыбнулась. — А теперь до завтра! Встретимся!

— Недаром мой папаша говорит: отец Ирки чокнутый, — сказала Лена, когда за полуночной гостьей закрылась дверь, звякнув автоматическими замками. — Это и видно! На дачу ему, видите ли, ночью ехать приспичило!

А я, подойдя к окну и увидев, что в соседнем доме свет горит уже в четырех окнах, вспомнила, что однажды летом, будучи у Лены в гостях, видела отца Иры — неловкого толстого субъекта с чистыми детскими глазами, точно возникшего из диккенсовского времени и странно смотрящегося среди серой и однообразнолицей чиновничьей знати. Впрочем, возможно, он был самый ловкий притворщик из всех остальных партотратов, только и всего.

Летающая улитка

...И тропинка, выводящая к реке, темная от влажных больших деревьев, и листья их, усыпанные сплошь улитками, миллионы улиток, они падали, на них страшно было вдруг наступить, и приходилось пристально смотреть под ноги, чтобы не раздавить крошечный завитой домик, и тропинка, выводящая к реке.

...И река, и сухой песок, привезенный с другого берега, где постоянно и надрывно гудела машина, вымывающая гравий, и какой-то мальчик, пахнущий тиной, сидящий на лодке, свесив ноги в воду, упругие и загорелые ноги, искусанные комарами, и река, и песок.

...И непонятная грусть то ли об уходящем детстве, то ли о том, что случится, конечно, но станет незаметным, как собственная кожа, то ли, наоборот, о чем-то, чего никогда не будет, да и нужно ли оно, а все равно грустно, так и бредешь по песку, привычно не замечая утомительного гудения на том берегу, наклоняешься, подбираешь ракушки, правда, ракушка — это бабочка, сложившая крылья? Останавливаешься у воды и замираешь, когда мальки мгновенной сетчатой тенью проскользят над золотистым дном и опять пугливо уйдут в глубину, и непонятная грусть.

Все было так. Все было, как бывает у всех. Длинные выгоревшие волосы, первые долгие вечера у костра. Кажется, чуть обгорели ресницы? Шумящий лес, опрокинутая лодка, мальчик, пахнущий тиной. Нравился? Тем, что так прост — и оттого непонятен. Деревенский мальчик — как удивительно! Жить всегда в деревянном покосившемся доме, кудахчут куры, разве можно убить того, кого вырастил сам? Собаки валяются в пыли, что за странная жизнь, разве она еще существует, разве автомобили не смяли зеленые крылья травы, разве самолеты не подрезали серебристые волны деревьев? Не сломали, не раздавили, не унесли потом туда, туда, куда скоро устремиться и ты, маленькая любительница автомоби-

лей и самолетов, глядящая тогда на его искусанные комарами колени, точно в собственный сон, нет, в два угловатых, незавершенных собственных сна, только сны, только дрема, мой друг, только пузыри-фантомы на поверхности твоей воды, впрочем, так всегда и у всех. А возможно, и вообще никогда-никогда-никогда, и все начинается лишь сейчас. Ты прав: все начинается лишь сейчас.

Никогда. Я настаиваю, слышишь. Будущее целую, а прошлое давно стогрело. Ничего. Кажется, твои ресницы тогда чуть-чуть опалило? Не было, не было никакого тогда. Никого. Но твои ресницы... Мои? Нигде. Спроси меня, что там позади, в той глубине, в той темноте, и я скажу: пустота. Я отвечу тебе, не солгав: ты прав, никогда ничего никого нигде. Все действительно начина... нет, началось, уже началось.

И тропинка, и река, и непонятная грусть.

Маленькой любительницы автомобилей и самолетов больше не существует. Она приземлилась, прикинула к земле, застыла? Нет, она превратилась.

И тропинка.

Да, я никогда не боялась пойти по незнакомой дороге, тропе, дорожке, тропинке (далее продолжай сам, их много — слов, обозначающих неожиданную возможность выбрать, свернуть, повернуть, изменить, измениться), я любила мчаться по неизвестному ночному шоссе — когда огоньки, огоньки, огоньки. Миллионы светящихся жизнью, завиваясь поземкой, мимо, мимо. Но мне кажется, что я шла и шла, и летела, и даже ползла (множество существует глаголов, которые ты можешь подобрать сам) только к той, увиденной мною во сне тогда (тогда — только сон, только сон), но существующей лишь в сейчас (и в завтра? И в завтра. Не бойся), к той зеленой тропинке, в темных деревьях затерянной, листья которых усыпаны крошечными ракушками, домиками улиток.

И река. И песок.

Она превратилась в улитку.

Ступая медленно по ее завитку, ты попадешь в океан.

Ухо Вселенной.

Завязь жизни иной. Маленький инопланетянин, привет!

Ты.

Не было, не было в жизни моей ничего: ни детства (помнишь, как мама сыграла тебе траурный марш, когда кукла разбилась?), ни юности дальней (сонная листва тополей в городском дворе и сосед-инвалид с голубой щетиной на лице), ни первой любви, ни второй любви, ни третьей, четвертой, пятой... Я никогда не любила в тогда.

Что же было?

То, что сейчас.

Полутемная влажная тропинка, листья, усыпанные улитками, и ты вдруг, странно светясь, незаметно оборачиваешься вокруг себя, поджимаешь долгие ноги, обхватываешь худенькие плечи руками, ты сжимаешь ладонями все крепче, все крепче свои плечи, ощущая нежную росу в ямках под ключицами, ты подтягиваешь колени (с двумя тонкими белыми шрамиками) почти к подбородку — и медленно поднимаешься над тропой, ты летишь — и твое сердце, наивное и мудрое сердце, посылает свои светящиеся пульсирующие сигналы другим летающим улиткам нашей Вселенной. Ведь и она, Вселенная, лишь ЛЕТАЮЩАЯ УЛИТКА.

И твой дом взмывает в небо вместе с тобой, чтобы утром, когда на реке надрывно и упрямо загудит машина, перемывающая песок, когда мальчик с кудрявым чубом и с крепкими загорелыми ногами, искусанными комарами, сядет с удочкой на берегу, когда мальки пугливой сетью мелькнут над золотящимся дном и снова, как твой сон, как миллионы твоих маленьких снов, уйдут в глубину, вернуться сюда — на зеленую влажную тропу нашего с тобой земного пути.

г. Москва

ЖЕНЩИНЫ

ПОВЕСТЬ

Посвящается женщинам России

— Да боюсь я, Егор Дмитриевич, уютно ли вам будет в моей шумливой семье. Дети ведь сорвиголовы, чего только они не выделывают. За ними нужен глаз да глаз.

— Ничего, ничего, Вера Васильевна, разберемся, — заговорил мягким баритоном Егор Дмитриевич. — Ребятишек я люблю. У меня были жена и дети... — Он слегка замялся, но потом, откашлявшись, продолжил: — Мне некуда возвращаться. Только вот приехал из родных мест. Думал, может, кто-то из моей семьи остался в живых, но, увы, никого не нашел.

Егор стоял, низко склонив голову, словно в чем-то провинился перед Верой и ее детьми.

— Егор Дмитриевич, я думаю, вам лучше расположиться в передней. Дети будут спать со мной в прихожей.

— Вера Васильевна, я солдат, могу спать где угодно, лишь бы хозяйева не испытывали неудобств от моего заселения.

— Вера Васильевна, — вступил обрадованный председатель, которому эта подзатянувшаяся канитель с подселением уже надоела, — сельский совет будет оплачивать проживание учителя, а с питанием — как вы сами решите. Спасибо вам большое, Вера Васильевна. Всего вам хорошего!

И вот вновь в избе воцарился мужской дух. Не то чтобы чужой совсем, но и не родной, а словно сквозняк вполз в теплое помещение.

Дом у Смоленцевых был большой, пятистенный, посреди комнаты — перегородка, в которую встроена

голландская печь, обшитая железом. Тепло от печки на обе комнаты. В прихожей — еще одна печь, большая, русская, ее Вера Васильевна зимой топила каждое утро. В печи на весь день готовилась-томила какая-никакая еда.

Дети вначале отнеслись к Егору Дмитриевичу несколько настороженно, очень стеснялись его, не знали, как называть: по имени, по отчеству или дядей. Все-таки в доме живет человек, стало быть — не чужой уже. Сразу-то вот так, с набегу, и дружба не срывается, а не то чтобы большее. Но он был нетороплив и честен, а это подкупает сильнее, чем мятный пряник.

— Вера Васильевна, спасибо большое, что вы меня приютили. Извините, что побеспокоил всех вас своим появлением. Мне уже в школе рассказали о том, что случилось. Я родился на Южном Урале, там прошло мое детство. Была у меня семья, жена Наташа. После окончания института мы оказались на Смоленщине. Но она не успела эвакуироваться, осталась в деревне с двумя маленькими детьми — шестилетним Славой и четырехлетней Галей... От оставшихся в живых селян я узнал, что они все погибли во время бомбежки. А я в это время воевал, сначала попал в окружение, едва выбрались. Потом был Сталинград. Не до семьи было, земля горела под ногами... После тяжелого ранения меня комиссовали. Выписался из госпиталя, военкомат направил меня в ваш район. Теперь буду служить вашей шко-

ле и по мере сил вам, вашей семье. Постараюсь не очень вас стеснять. Бог даст, кончатся когда-нибудь эти черные дни.

Вера после этого разговора долго не спала, молилась, а потом, когда дети уснули, прошептала:

— Сережа, прости, не за себя прошу, а за детей, их жалко...

Дети довольно быстро привыкли к присутствию чужого мужчины. Пожалуй, даже быстрее и легче, чем Вера думала. То ли тоска детей по отцу, то ли тоска отца по детям помогли, но все вышло как нельзя лучше. Ваня и Валерий общались с ним запросто, называя его дядей Егором. Коля звал его по имени-отчеству.

Егор Дмитриевич внимательно присматривался к ребятам, стараясь не форсировать события. Опытный фронтовик никогда не пойдет в атаку наскоком, а сначала разведает обстановку.

Мальши привыкли быстро, а вот Коля — взрослый не по годам. Сначала немного дичился нового человека, который вроде бы как явился заменой папы. Но ведь не просто дядя с улицы, он еще и учитель. Егор прививал Коле спортивные навыки, учил его ходьбе на лыжах. И все это приносило плоды — на школьных соревнованиях Коля одерживал победы.

И вот понемногу начала срастаться порванная материя. Дети потянулись к Егору, он к ним. И не поймешь, кто к кому сильнее.

И Егор уже смотрел на детей, примеряясь к ним, как к своим. Вот — Ваня. Любопытный, смелый.

Задавал самые разные вопросы: где дядя Егор получил такое тяжелое ранение и как его вылечили? Что это такое за животное аллигатор, неужели он самый страшный хищник?

А Валерка — домашний, ласковый. Он частенько доставал из известных только ему закутков рыболовные снасти и показывал их Егору Дмитриевичу. Егор улыбался и обещал, что летом они обязательно отправятся вместе удить рыбу. Валерий утверждал, что он знает отличные рыбные места.

Вера Васильевна держалась особняком. Она не препятствовала сближению детишек с Егором, но и боялась, и радовалась, и не знала, как же быть теперь. После смерти Сергея прошло уже больше двух лет. Не вечно же жить вдовушкой. Она еще молода, красива. Ради детей, ради их будущего нужно жить. Она частенько задумывалась: «А чем плох Егор Дмитриевич? Очень порядочный мужчина, красивый, правда, имеются шрамы на лице, но они не портят его, а только придают мужественность, благородство и достоинство». Да и сама замечала, как все дольше Егор стал задерживать взгляд на ней, исподволь, утайкой, и все ж тянуло их друг к другу.

Егор Дмитриевич становился своим в доме. Вера Васильевна вздохнула полегче, квартирант перестал быть обузой. Даже неудобно стало называть его квартирантом, он стал другом, почти что родственником — по беде, обеду общему, застолью, теплу, горю и радости.

Егор Дмитриевич завоевывал Веру Васильевну ненавязчиво, с большой деликатностью, всегда делая ссылку на то, что он живет в их доме на правах гостя. Летом он заготавливал дрова и сено, помогал со скотиной, по огороду. Дрова и сено по обыкновению возили на быках и коровах, а ими управлять ой как тяжело.

В какой-то момент Ваня и Валерий стали называть Егора Дмитриевича папой. Это случилось естественно, как-то само собой. Егор Дмитриевич

после этого случая весь вечер выходил курить и долго не мог поднять глаз на Веру, чтобы узнать, что она думает...

Только вот Коля, хотя уже и стал ближе к Егору Дмитриевичу, никак не мог себя переломить и назвать его папой. Но все же и он наконец сдался. Однажды, когда они вместе пилили во дворе дрова, Коля решил:

— Егор Дмитриевич, можно я буду звать вас батей? Вы не обидитесь?

Егор быстро-быстро заморгал, как будто ему опилки попали в глаз, а потом почти басом сказал:

— А что же в этом обидного? Если ты решился, значит, доверяешь мне, я постараюсь оправдать это доверие. Давно хотел назвать тебя сыном. Как для тебя — подходяще?

— Нормально, батя! — И они обнялись. Егор прижал к груди чужое детское сердце, гулко бьющееся посреди мрака и одиночества мира.

Постепенно Егор Дмитриевич и Вера Васильевна стали общаться между собой без отчуждения. Наверное, правильно, к чему такая высокопарность? По возрасту — почти ровесники, в школе — коллеги.

Дети радовались, что между дядей Егором и мамой завязалась... дружба.

Директор школы Николай Васильевич Демидов — старикан деликатный, хитрец и любимец учителей и учеников. Он работал в этой школе десятки лет — так что казалось, был здесь всегда. Прекрасно знал всех учителей и учеников, и отличники, и озорники у него всегда были на примете. Не терпел он обмана, вранья. Понимал, как нелегко приходится в военные годы женщинам, старался помочь. Особенно тогда, когда они приходили к директору плакаться: озорники доводили. Опустив очки на нос, немного прищутив глаза, улыбаясь с хитринкой, он разговаривал с жалобщицами ласково, без назиданий:

— Что ж вы хотите, батенька? — Это было его любимое выражение, оно действовало на учителей безот-

казно. — Это же дети, вы потерпите, не гневайтесь, придет час, они вас вспомнят добрым словом, еще и каяться перед вами будут, какими же они были негодниками. Поверьте мне, так и будет!

А сегодня пред его очами предстали Егор Дмитриевич и Вера Васильевна. Николай Васильевич их пригласил к себе в кабинет, закрыл поплотнее дверь и посмотрел сквозь очки, съехавшие на нос.

Потом долго крякал, подкашливал, никак не мог начать разговор. Наконец решился:

— Хотел бы вас спросить, уважаемые Вера Васильевна и Егор Дмитриевич, на свадьбу-то пригласите? Учителя — народ всеслышащий и всевидящий, ждут, так что вы не тяните.

Егор и Вера вроде бы и не ждали такого поворота событий, но все вышло естественно, как и тогда, когда чужие дети назвали его папой.

— Вопрос задан правильный, Николай Васильевич, — улыбнулся Егор. — Я готов хоть сегодня объявить об этом, да вот Вера Васильевна беспокоится, как примет коллектив школы такой поворот судьбы.

Вера подхватила ноту Егора, как в хоре, когда солист зачинает песню, а потом ее подхватывают другие:

— Да, Николай Васильевич, я вот чего боюсь. Ведь у меня трое детей, как бы люди не подумали, что я женила на себе Егора Дмитриевича насильно, что называется, на пользу дела, ведь он не только хороший учитель, но и заботливый человек. Но дело все в том, что мы действительно полюбили друг друга!

— Тогда, дорогие мои Егор Дмитриевич и Вера Васильевна, хочу поздравить вас с предстоящей помолвкой!

— Николай Васильевич, мы уже помолвлены, только никак не решились сообщить вам об этом.

— От всей души поздравляю вас с этим событием и желаю здоровья и всяческих успехов.

После этого на душе у Егора и Веры полегчало. Коллектив хотя и не единогласно, но все же в целом принял известие о помолвке.

Вскоре Егор Дмитриевич и Вера Васильевна пригласили своих товарищей, чтобы в домашней обстановке отметить бракосочетание.

Свадьба — не свадьба, но жизнь берет свое, место мертвых занимают живые по праву человеческого родства.

Истосковалась человеческая душа по празднику, не может она жить в постоянном страхе и нужде. Поэтому свадьба удалась: были теплые поздравления и пожелания. Пели песни о любви и о войне. Плясали под баян, на котором хорошо играла завклубом Лариса Зимнина. Гости единодушно согласились, что мальчишки у Веры Васильевны растут хорошие, но им нужен отец. Сколько ее, безотцовщины-то?!

Проводив гостей, Вера и Егор убрали со стола посуду и присели на диван. Тот самый диван, на котором когда-то сидели Вера и Сергей.

— Егорushка, мы с тобой сегодня, наверно, самые счастливые люди на земле. Я тебя, Егор, полюбила за то, что ты ко мне относишься сердечно и серьезно. Детей моих принял, как своих.

— Вера, после потери своей жены Наташи и детей тяжкие мысли меня одолевали, все думал и думал о них. Пока не встретил тебя...

Егор и Наташа обнялись, а у двери, тихо подкравшись, стояли дети, смотрели и улыбались...

А потом в жизни Веры Васильевны произошло и еще одно важное событие: она сдала государственные экзамены в пединституте и получила диплом о высшем образовании. Радость отмечала вся семья.

7.

Уходил в прошлое 1943 год. На фронтах продолжались тяжелые кровопролитные бои. В борьбе с фашистской Германией уже произошел долгожданный перелом, оплаченный

многочисленными жертвами. Но и в тылу люди трудились самоотверженно, не за страх, а за совесть.

Осенняя серая мгла и мелкий, долго моросящий дождь стали нестерпимы. Все ждали наступления зимы. Сегодня ночью земля покрылась долгожданным белым пушистым одеялом. Егор Дмитриевич вышел посмотреть подворье. Запасов сена и дров на зиму хватит. Вычистил коровник и овчарню, дал корм животным. Высушенное сено пахло цветами и лесным разнотравьем.

Быстро смахнув со двора снег, Егор вернулся в дом. Дома хлопотала Вера Васильевна, готовила завтрак. В семье ожидалось прибавление. Егор Дмитриевич и радовался, и одновременно беспокоился, как перенесет Вера рождение ребенка. Он всячески оберегал жену от тяжелых работ.

— Верочка, я управился со своими делами, — шепотом проговорил Егор, чтобы не разбудить детей. — Чем помочь? Давай завтракать, сегодня банный день, наша очередь топить баню.

— Дрова мы с ребятами еще вчера вечером натаскали. Сегодня хлопот будет не так много.

Коля, Ваня и Валерий крепко спали.

— Вечером никак не угодятся, ложатся поздно, а утром не добудишься, — проворчал Егор.

— Не сердись на них. Они растут хорошими помощниками. Дай бог им счастья!

— Упаси Господь сердиться. Я немало беспокоюсь, как они воспримут нашего новорожденного малыша, братика или сестрицу.

Дети, услышав разговор, зашевелились. Валерка поднял сползшее на пол байковое одеяло.

— Ребята, вставайте, пора собираться в школу. — Вера Васильевна поставила на стол картошку с галушками, пареную тыква в чугушке. Потом — чай с душицей.

Егор уже завтракал, а ребята только протирали глаза.

Вера ворчливо поторапливала мальчишек и думала, как быстро они подрастут. Как время-то летит! Коля учится уже в пятом классе, Иван ходит в третий, Валерий — в первый.

— Верочка, дорогая моя, спасибо тебе за завтрак. — Егор поцеловал ее, как обычно, и собрался на работу.

— На здоровье! Дети, шевелитесь, а то опоздаете на уроки. Отец уже отправился. Небось все ребята уже выходят на гимнастику. Не позорьте отца своими опозданиями.

Егор Дмитриевич каждое утро проводил гимнастику со всеми школьниками. Сегодня у него шесть уроков. Баню придется топить Вере Васильевне...

Не успела она прибраться дома, как дети уже шумной ватагой ввалились в избу из школы.

— Мама! — громко крикнул Коля. — Мы пришли. Когда пойдем топить баню?

— Сейчас пообедаем и пойдем.

— Мама! — снова гаркнул Коля. — Маргарита Владимировна перед моей фамилией поставила точку.

— А что случилось?

— Я плохо рассказал басню Крылова «Ворона и Лисица». Велела к следующему уроку обязательно выучить.

— Сегодня же выучи, чтобы нам не было стыдно за тебя.

— Постараюсь.

После обеда Ваня подошел к маме и тихо, чтобы не слышал Валерка, спросил:

— Мам, можно мне поиграть в снежки с Толей? Мы с ним договорились.

— А с кем же я, Ваня, буду баню топить? Вдвоем с Колей мы не справимся. Я еще вчера предупредила тебя и Колю, что после обеда пойдем топить баню. Подошла наша очередь, а она еще не готова. Так что игры тебе придется отложить. Надо прорубить прорубь, натаскать воды, вымыть кадушки для горячей и холодной воды и щелока. Дел много. Вы ведь знаете, что мы топим баню не только для себя, а сразу

для шести-семи семей. Так принято. В следующую субботу будет топить баню другая семья, а потом следующая, и так по очереди.

— Ладно, мама, пойдем.

Баня располагалась на берегу реки Озерной. Топили по-черному, дым и копоть застилала округу. Коля быстро прорубил прорубь. Потом, задыхаясь и кашляя от дыма, они с Ваней натаскали холодной воды в кадушки.

Вера Васильевна чисто вымыла полати, развела щелок в небольшой кадушке. Вода в котле закипела. Дым ушел. Проветрив баню от угара, закрыли двери. Сделали хорошее дело, пусть люди теперь парятся, моются. Пар парит — баня лечит.

На ужин Вера Васильевна подала кашу с молоком. Аппетит настаивает после бани. Коля без напоминаний взялся за басню Крылова. Ему понравилась фраза: «Сыр выпал — с ним была плутовка такова».

Коля хмыкнул и с досадой сказал:

— Ну и дура Ворона.

— А ты понял смысл?

— Понял, понял, мама! — И повторил: — Уж сколько раз твердили миру, что лезть гнусна, вредна, но только все не впрок, и в сердце льстец всегда отыщет уголок.

— Наконец ты не только басню выучил, но и крыловское умозаключение. Молодец. Я завтра скажу Маргарите Владимировне, что ты очень старался.

Дети пошли спать.

Вера Васильевна и Егор Дмитриевич разговаривали о том, как пойдет жизнь после войны.

— Егор, у меня что-то живот побаливает, наверно, пришло время рожать. Звони в скорую, пусть приезжают.

Егор разволновался: то ли от беспокойства за жизнь своей жены, то ли от радости, что вот-вот появится в семье новый человек. Он поспешил на колхозный двор к дежурному, чтобы позвонить в больницу.

Вскоре приехала машина и увезла Веру Васильевну в роддом. Егора

Дмитриевича с собой не взяли. Врач сказал, что нет такой надобности.

Рано утром Егор Дмитриевич позвонил в больницу.

— Антонова родила девочку, — сказали ему каким-то будничным голосом. — Здоровую. Вес 3500, рост 52, состояние роженицы нормальное.

Егор Дмитриевич сел на стул, обхватил лицо руками и долго так сидел, не смея поверить своей радости — рождению девочки, но потом, словно спохватившись, стремглав побежал в больницу...

Егор Дмитриевич, вручив жене большой букет тюльпанов, в назначенный день из рук врача принял ребенка. Поблагодарив, отправились домой. Егор усадил Веру с ребенком так, чтобы ветер не дул в лицо. Он все пытался рассмотреть малышку. Но ребенок слишком был укутан. Пришлось терпеть до дома.

Дома возвращения мамы с сестренкой с нетерпением ждали мальчишки. Ждали и радовались. Мужиков в семье много, а девочек нет.

Когда ребенка распеленали, Ваня потрогал ее ножки и радостно моргнул:

— Мама, у нее ножки горяченькие!

Девочку назвали Светланой, так хотел Егор Дмитриевич.

8.

Счастье в семью Егора пришло вместе с победой. Слава богу, война закончилась. Пришла долгожданная Победа! Ликованию народа не было предела. Но радоваться было особо некогда, страна — в руинах, разруха, голод. Человек на голой земле почувствовал себя одиноко и неуютно. И взялся за дело. Сажали огороды, заготавливали для отопления и приготовления пищи кизяк. Накашивали траву, сушили и заготавливали на зиму корм для скота. Разве похорошки перестали приходить, но жизнь не спешила разжимать пальцы вокруг горла.

Дети росли, стремились найти свои пути-дороги в жизни.

В 1945 году после окончания семи классов Коля поступил в нефтяной техникум на механическое отделение, где проучился четыре года и получил специальность механика по транспорту и хранению нефтепродуктов и газа. По окончании Коля даже не успел побыть подольше дома: почтальон принес ему повестку в армию.

Егор Дмитриевич и Вера Васильевна устроили проводы со скромным ужином. Много было сказано правильных и хороших слов, немало было и выпито. Поднесли и Коле стопку самогона. Он, молодецки запрокинув голову, выпил, как взрослый, но поперхнулся. Самогон обратно чуть было носом не пошел. Мать с радостью про себя отметила, что сын в этой части не в отца пошел...

На сборном пункте стояли шум и гам. Когда скомандовали «По вагонам!», мать всплакнула, а Егор крепко обнял Колю и пожелал хорошей службы.

Призывники заняли пульмановский вагон. Коля устроился на нижней полке и сразу заснул...

До места доехали довольно быстро. Учебка располагалась в Прибалтике. Физически развитому Николаю учение давалось легко, хотя строевая утомляла, но он старательно печатал шаг, на политзанятиях клевал носом, и только строгий взгляд вождя народов из «красного угла» прогонял сон.

После окончания курса молодого бойца Колю отправили в авиационную часть с большим парком самолетов и автомобилей. Интендант части майор Сенин с усамы, как у Буденного, узнал, что солдат Смоленцев уже имеет среднее техническое образование по нефтяному делу. И майор определил его в подразделение горюче-смазочных материалов, которое обслуживало инженерно-технические сооружения, в том числе резервуары для хранения нефтепродуктов, транспортную систему трубопроводов, на-

сосную станцию и прочий кровеносный механизм армейской авиации.

Николай Смоленцев с голубыми погонами на плечах с большим усердием приступил к работе. Освоить имеющуюся технику больших трудов не составило.

Служба в подразделении, куда угодил боец Смоленцев, была непростой. Ароматы масел, бензинов, керосина человека непривычного иногда погружали в наркотическое состояние. Иной раз, нанюхавшись паров жидкостей, бойцы ходили, как после ста граммов. Но куда денешься, служить надо там, куда тебя определили.

Колина часть обеспечивала горюче-смазочными материалами авиационные и автомобильные подразделения. А его назначили инструктором по технике безопасности. Поскольку он был одним из немногих, кто учился в техникуме.

Коля заучил, как «Отче наш», правила хранения и транспортировки нефтепродуктов и меры безопасности при работе с ними. Особенно с этилированным бензином, который содержал тетраэтилсвинец, крайне ядовитую летучую жидкость. В то время такой бензин применялся очень широко. Тетраэтилсвинец добавлялся в бензины с низким октановым числом для повышения их детонационной стойкости. Зная о том, что тетраэтилсвинец обладает способностью медленно скапливаться в организме человека, Смоленцев тщательно инструктировал весь личный состав, который разбавлял бензин ядовитой жидкостью. Работали только в противогазах. Смоленцеву иногда приходилось попадать в очень щекотливые ситуации, когда из-за нерадивых солдат жидкость с тетраэтилсвинцом или этилированный бензин проливались. Испаряющиеся пары этих жидкостей несли угрозу жизни людей. Приходилось наказывать провинившихся бойцов, проводить дегазацию.

Однако всё равно все пахли, как будто только и делали, что «пили

бензин и закусывали его солидолом». Хоть дегазируй самих бойцов. Зато х/б чистое, стирать не надо. Словом, служба шла, боец Николай Смоленцев был одним из лучших.

За хорошую службу командир неоднократно объявлял Николаю Смоленцеву благодарность. Вечером, в свободное время, отличник боевой и строевой подготовки писал письма родителям и своей деревенской красавице Елене с косой до пояса, которая ждала с нетерпением его возвращения из армии.

9.

В 1949 году, когда Николай еще нес нелегкую службу, из мест не столь отдаленных нагрянул в деревню бывший деревенский красавец и хулиган двадцатидвухлетний Степан Ветров по кличке Ветер.

В школе Ветер учился неважно, не сложились у него отношения и с учителями, не раз оставался и второгодником. Но зато многие пацаны уважали его за смелость и дерзость. Для Ветра не было авторитетов, мог послать кого угодно и куда угодно.

После ходки Ветер выглядел озлобленным и подавленным. Его глубоко посаженные карие глаза выражали усталость и безразличие. Многочисленные наколки на теле говорили, что хоть «жизнь и дала трещину», но он еще повоюет, и посмотрим, чья возьмет. От худобы, казалось, шея его стала длиннее, отвисшие руки говорили, что он знал толк в лесоразработках. Видимо, там он и повредил левую ногу и немного прихрамывал, как волк, которому удалось вырваться из капкана. Семьи у Степана не было, жил он со старухой-матерью. Она его приезде не обрадовалась. Содержать взрослого сынка — удовольствие сомнительное. Самой бы прожить кое-как.

Вернувшись в деревню, Ветер на работу устраиваться не спешил, довольствуясь воровской философией: работа не волк, в лес не убежит. Зато зачистил в здравпункт к Елене на предмет чего-нибудь спиртного.

— Слушайте, Степан, у меня здесь фельдшерский пункт, а не гастроном, — повысив голос, отвечала Елена.

— Не сердись, краля, я еще, может, тебе пригожусь! Давай как-нибудь вечером встретимся. Ты, девочка, мне нравишься.

— Может, Степан, вам и нравлюсь, но вам я не по зубам, я жду своего любимого Николая.

— Вот оно что! Николая? Этого малахольного? Какой из него мужик? Это ж маменькин сынок, олень. В случае опасности он не вымолвит слова в свою защиту — это разве мужик?

— Смелый человек на язык — не значит, что никого не боится! Видать, жизнь тебя еще ничему не научила.

— А чего меня учить? Я сам кого хочешь научу. Опыт по этому делу имеется. Прессанул одного гаде-ныша, который прикрывал своего поделника, а рядом оказался тихушник, который меня и заложил. Ничего, я свое отсидел от звонка до звонка за то, что дурканулся.

— Быстро ты, однако, выучил тюремный жаргон, а вот работать не торопишься. Пошел бы на мельницу. Ты же неплохой механик, а там сейчас одна Варвара Сергеевна. Даниил погиб на войне. Женщине тяжело, ей помощник ой как нужен.

— Эх ты, репа садовая! Разве ты понимаешь состояние моей души? Меня ведь ни за что замели в тюрьму. Да, я сильно растопырился перед несправедливостью этого ржавого человека, Паши Бакланова. Это же вор из воров, тащит со своими поделниками колхозное зерно бункерами во время жатвы.

— А почему же ты на суде ничего не доказал?

— У Пашки на суде свои копа-чи и кивалы. Откуда только берутся?

— Степан, взялся бы за ум. Пожалей мать, она ведь у тебя совсем старенькая.

— Учить-то вы все мастера. Побывали бы на моем месте, поспали

бы возле параши, тогда бы тоже несладко разговаривали.

— А я так понимаю, что каждый должен быть на своем месте. У тебя «душа болит и сердце плачет», как поется в песне? Так тропка в клуб не заказана, там ребята и девчата развеют твою печаль-тоску. Уверена, они тебя примут, если ты не очень будешь козырять своим тюремным жаргоном.

— Ты, девочка, прости меня за грубость. Не я к ней, а она прилипла ко мне, как банный лист, никак не могу от них отвязаться. Прости и прощай!

Больше Степан к Елене не хаживал. Дед Феодосий, который возил почту, как-то повстречал Ветра на мельнице.

Дедушка Феодосий — уважаемый человек в деревне, авторитет. В войну он носил своим землякам почту и с хорошими, и с плохими новостями. Аккуратно подстриженная борода, светло-голубые глаза, открытый взгляд вызывали большое доверие. Даже вручая похоронное извещение, дед Феодосий неизменно говорил:

— Уважаемый мой друг, жизнь на этом еще не кончилась. Береги себя! Надо еще послужить родной стране и своим детям. А как же иначе?

И действительно, человеку становилось легче.

— Спасибо, дедушка Феодосий, за поддержку и добрые слова, — говорили селяне, глотая слезы.

Ветер за истекший период вроде как подобрел, жизнь вне колючей проволоки еще никому не вредила. Глаза ожили, лицо округлилось, свои длинные руки с наколками он старательно прятал в длинные рукава холщовой рубашки. На людях всегда появлялся собранным и аккуратным.

— Здравствуйте, дедушка Феодосий, — первым поздоровался с почтальоном Ветер. — Заходите в дом, немного отдохните, день-то ведь жаркий, томный, я вас угощу чаем.

— Спасибо, Степан, за приглашение.

— Заходите, заходите, у нас и квас есть — очень хороший. Варвара

Сергеевна, душа-человек, старается. Сейчас она в отъезде, я ее заменяю.

— Ну ты, Степан, молодец. Пролетную жизнь постепенно забвению предаешь. На правильный путь встал никак?

— Да что я, дедушка, паровоз, что ли? Хотя тут ты в десяточку угодил. По работе соскучился. Так что буду стараться.

— А как мать? Как ее здоровье?

— Пока, слава богу, ничего.

— А Варвара Сергеевна? Довольна тобой?

— Дедушка Феодосий, у нас с ней полный ништяк, ой, прости, полное взаимопонимание. Она учит, я учусь!

— Невесту-то, Степан, себе подыскал или как?

— Тебе, дедушка, все скажи да расскажи, как следователю. Ну да ладно, тебе одному откроюсь. Есть одна девчонка на примете: Галька с фермы, из соседнего колхоза «Путь Ильича». Пока не знаю, как все сложится. Но я надежду, дед, не теряю!

Феодосий, усмехнувшись в усы и поблагодарив Степана за чай, отправился восвояси.

10.

Жизнь — что дорога, ускоряя свой бег, все бежит вперед и вперед. Задержки не терпит, некогда ей медлить. Все новые жильцы подрастают, им нужно искать свой маршрут. Свою правду, свои резоны!

Покуда старший брат служил в армии, подрастали младшие. В то время, когда умер отец, Иван, несмышлениш, не сразу понял, какая это потеря. Повзрослев, он решил, что надо стать врачом, чтобы можно вылечить такую болезнь, которой болел его отец.

В 1951 году Иван поступил в медицинский институт. Но обузой для семьи не хотел быть. Проживая на квартире и получая небольшую стипендию, он часто подрабатывал разгрузкой щебня на железнодорожной станции, а летом раскидывал пузатые астраханские арбузы с барж.

Иван — парень видный, за словом в карман не полезет, медицина учит общению, может быть, от этого его повернуло в сторону искусства. Он попробовал себя в художественной самодеятельности.

Студент — он все равно что шахтер, трудно грызть гранит науки, но он не сдается. Особенно тяжело преодолевать первые три курса института, когда требуется наибольшее усердие, когда студентов пугают химия и биология — основы медицины. Но Иван был не из тех, кто сдается.

Хозяйка квартиры, Мария Сергеевна, относилась к своему студенту-квартиранту вполне благосклонно и частенько кормила его, зная о том, что он сыт вольным ветром. Иван был ей за это благодарен.

Студенчество — золотая пора, когда каждый тебе и друг, и брат, и любимая. Иван, как и положено, сразу же втрескался в красивую девушку из параллельной группы, будущего терапевта и отличницу Надежду. Надежда на взаимность не исключалась...

А Валерий в 1953 году окончил десять классов. Дальше он учиться не захотел. Он очень любил родные деревенские просторы, цветущие луга и реку Озерную. С кручи этой реки они в детстве прыгали в воду.

Речка-реченька, река жизни!

Девчонки из водяных лилий делали бусы и вешали на шею, а цветок лилии прикалывали к волосам. Маленькому Валерке они все тогда казались настоящими русалками.

Девчата постарше купались отдельно. Но запретный плод сладок, а потому мальчишки из озорства и любопытства заплывали в заповедные места, туда, где раздавался русалочий визг-смех. Их взору открывалась розовая, манящая нагота тел, сладостно томящая картина...

Любовь — она ведь рождается из случайностей, получается, из пустяка. Из шутки, из озорства.

Не мог Валерий оставить эту речку. Он знал таинственные тихие заводи,

где его детская душа приходила в полное умиротворение. Любил сидеть с удочкой под увесистыми ветвями ивы и тальника, терпеливо ожидая, когда же начнет судорожно дергаться поплавок. Дождавшись, он умело подсекал рыбу, и она летела ввысь серебристым фейерверком. Пойманную рыбу он сажал на кушан и опускал в воду.

Когда Валерка с гармошкой выходил на сцену, зал ревел от восторга, особенно его женская половина. Трехрядка под его пальцами выплывала на разные лады до тех пор, покуда, раздвинув гармонь в сторону, словно распахнув объятия, Валерка не затягивал мелодичным голосом какую-нибудь песню. Тогда даже Мария Сергеевна, родная тетя Веры Васильевны, всегда приходившая в клуб послушать внучатого племянника и сидевшая в первом ряду, неизменно таяла от восхищения. После его пения казалось, словно только что мимо с гиканьем и свистом пронеслась тройка с валдайскими колокольчиками или с цыганами. Громкие аплодисменты, крики: «Еще! Еще! Би-и-ис!» — вызывали у Валерия большой душевный подъем. Растроганная Мария Сергеевна после таких выступлений говорила:

— Валерий, тебе, сынок, надо идти учиться на артиста, ты ведь можешь стать известным певцом, принесешь славу нашей деревне. То-то мама порадуетца!

— Не-ет, Мария Сергеевна, я пойду не в артисты, а в трактористы. Это моя стихия, я люблю возиться с техникой, — и наивно, как малое дитя, добавлял: — Мне любопытно знать, как это он, автомобиль, без души и сердца, может так лихо ехать. Это же фантастика! А гармонь — это так, для жизненной улады.

Поэтому по разнарядке из военкомата Валерка был направлен на курсы трактористов и шоферов. После окончания курсов пошел работать на трактор. С трактором, да и вообще с любой техникой у него

были отношения едва ли не более задушевные, чем с гармошкой.

11.

Летом 1953 года Егор Дмитриевич и Вера Васильевна решили съездить на Смоленщину, где Егор работал до войны. Егор Дмитриевич по образованию историк, до войны преподавал в школе историю. После выхода из госпиталя его направили работать в школу преподавателем физкультуры и военного дела. Не всегда предлагают, что тебе хочется. Так диктует сама жизнь. Физкультура и военное дело — это прежде всего мужское занятие, особенно для мужчин, прошедших на себе войну. Эта перемена не испугала Егора. Он смело взялся за эту работу.

Решили и поехали: Егор, Вера и их дочь Светлана, которой на тот момент исполнилось уже девять лет.

Стояла середина июня. Благоприятная летняя пора. Природа полностью ожила и предстала перед отъезжающими во всей красе. Ехать предстояло недолго, чуть больше суток. Уютно устроились в плацкартном вагоне. Два места внизу, третье — на второй полке.

— Света, где тебе нравится? — спросил Егор Дмитриевич. — Выбирай, что тебе по сердцу.

— Папа, я на верхней полке поеду. Буду лежать любоваться природой.

Поезд тронулся, поля, перелески поехали назад, верстовые столбы отмеряли время, паровоз гудел, как заполошный.

Проскочили через саратовские, тамбовские земли — огромные степные районы неописуемой красоты: бесконечные поля, где колосится рожь, а через дорогу — пшеница, а еще дальше — свекла и подсолнухи, развернувшие свои рыжие с веснушками лица в сторону солнышка. Изумрудная после дождя ботва, раскинутая по степному простору, казалась громадным зеленым ковром. И все это сказочное изобилие было создано людьми, такими же рядовыми колхозниками, как и наши путешественники.

Глядя на свекольные моря, Вера Васильевна вспоминала, как она по просьбе председателя колхоза частенько выходила с детьми на прополку. После нее спина отказывалась гнуться, пальцы деревенели, но зато было и чувство удовлетворенности — как награда за ударный труд.

А поезд, пуская искры, летел дальше и наконец оказался на смоленской земле, земле древней, исторической.

Смоленщина на протяжении веков претерпела много испытаний — была то под поляками, то под немцами, но всегда выходила из всех переделок с честью.

Всю дорогу Егора не покидало чувство, что время пошло вспять. Он узнавал родные пейзажи, березовую рощу, мост через речку, косягор. Вера почувствовала, что мужу трудно, на него нахлынули воспоминания, и взяла аккуратно за руку...

Но деревни, где он жил до войны, больше не было, пришлось ехать в соседнее село Чистые ключи. Зашли к председателю сельского совета. Мужчина лет пятидесяти хмуро поздоровался с гостями. Они объяснили председателю цель своего визита. Но какая на самом деле у них цель? Воскресить из небытия события давно минувших дней?

Впрочем, председатель отнесся к полуночным гостям с пониманием и порекомендовал устроиться на ночлег в сельской гостинице.

— Егор Дмитриевич, завтра мы поможем вам встретиться с вашей землячкой.

Егор долго не мог уснуть, выходил покурить, а потом ворочался на казенном диване...

Солнечные лучи, как золотистые нити ткацкого станка, проникали через большое окно и ложились на пол гостиничной комнаты. Пришел Павел Сергеевич, чтобы проводить гостей к Пелагее Аркадьевне, жительнице бывшего села Варваровка.

Довольно обветшавший бревенчатый дом, крытый шифером, стоял на окраине села. Постучали в дверь,

за дверь кто-то завозился, злобно залаял старый пес.

— Здравствуйте, Пелагея Аркадьевна, — звучным, почти командным голосом обратился к хозяйке дома Павел Сергеевич, зная о том, что она плохо слышит.

Пелагея Аркадьевна, уже немолодая улыбка в черной юбке и в белой вязаной кофте, приветливо встретила гостей, начала по обыкновению хлопотать, да все никак не могла взять в толк, зачем к ней пожаловала такая большая делегация.

— Пожалуйста, проходите, гости дорогие.

— Пелагея Аркадьевна, не судите строго и заранее извините, что мы вас потревожили. Гость наш, Егор Дмитриевич, с женой Верой Васильевной и дочкой приехал из Нижнего Поволжья встретиться с теми, кто раньше, до войны, жил в деревне Варваровка. Если я не ошибаюсь, вы ведь тамшня?

— Сергеич, ты немного ошибся адресом. Там была семья моей дочери Татьяны. Деревню разбомбили, чудом уцелела только Анечка, внучка моя, а все остальные, внуки и дочь, погибли. Вот с внучкой я теперь и коротаю свой век в Чистых ключах.

Послышался скрип входной двери, и в комнату вошла молодая красивая девушка лет двадцати.

— Здравствуйте, — звонко объявила о себе Аня.

— А вот и моя внучка Аня. Анечка, это к нам пришли люди, которые жили с тобой и твоими родителями в деревне Варваровка.

Довольно долго молча смотрела на гостей Аня, а потом воскликнула:

— Я вспомнила, бабушка, хотя мне тогда было, кажется, восемь лет. Извините, я сразу вас не узнала. Вы работали в нашей деревне учителем. Только забыла, как вас зовут.

— Егором Дмитриевичем, — представился бывший учитель деревни Варваровка.

— Помню, как-то зимой я шла в школу, потеряла

варежки, и руки очень замерзли, а вы, увидев, что мой портфель лежит в снегу, а я плачу и грею руки, меня успокоили, взяли мой портфель, отдали свои перчатки и довели до школы.

— Я, Анечка, этого случая не припоминаю.

— Вы, наверно, ищите кого-нибудь из своей семьи? Дети ваши погибли, — она запнулась, словно понимая, что слова эти могут ранить учителя, — а вот Наталья Владимировна, ваша жена, жива. Она года два жила на квартире у Прасковьи Сергеевны. Выглядела очень уставшей. Она вас тоже долго искала, ей сообщили, что вы пропали без вести. Потом вернулся домой вдовец Николай Захарович Трофимов, семья которого тоже погибла. Николай Захарович и Наталья Владимировна стали встречаться, потом стали жить вместе в этой деревне, а потом переехали в поселок Владимировка — это недалеко отсюда, я вам дам адрес.

Егор Дмитриевич стоял, как громом пораженный. Чего угодно он ожидал, но только не этого.

— Анечка, неужели это правда? — Егор Дмитриевич покраснел от изумления. — Даже не верится, что такое бывает! Как же так? Как я ее не нашел? Она жива! Верочка, Света! Вы слышите, Наталья Владимировна жива! — И слезы покатались из глаз Егора Дмитриевича. — Анечка, я ведь приезжал сюда сразу после войны. Побывал в деревнях по соседству с Варваровкой, спрашивал у многих, и никаких следов. Никаких! Писал письма, искал среди эвакуированных своих близких.

Аня, председатель, Вера и Света были изумлены не меньше Егора. И каждый по-своему переживал только что услышанное.

— Егор Дмитриевич, в то время, наверно, никто не мог сказать вам что-то вразумительное. Только что война закончилась. Многие были далеко от родных мест и возвратились гораздо позже, а многих уже не было в живых.

Света прижалась к отцу. Вера Васильевна с волнением слушала рассказ Анечки.

— Егор! Какое счастье, что нашлась твоя жена! Ты не переживай, что я буду тебя ревновать. Тут ничьей вины нет, так сложилось, так все переплелось. Это — судьба.

— Верочка! Наталья Владимировна — умная женщина, мы с ней вместе обсудим и рассудим, что теперь делать. Я хочу, чтобы все было хорошо и всем было хорошо. Достаточно мы натерпелись.

Чтобы снять неловкую паузу, все вдруг как-то засуетились, задвигали стульями, хозяйка, не расслышав почти ничего из того, что тут говорили, будто бы в знак протеста уронила коврик.

— Егор Дмитриевич, езжайте на моей машине во Владимировку, а там сами решите — если останетесь на ночлег, то машину отправьте назад. Если сегодня управитесь, то автомашинка побудет с вами, — сказал Павел Сергеевич.

Узик председателя лихо покатило по ухабам проселочных дорог. Егор Дмитриевич и Вера Васильевна, казалось, успокоились. Но на самом деле каждый думал о происходящем, пытался что-то решить, думал, а что же дальше? Особенно велико было волнение Егора Дмитриевича. Как же он, фронтовик, так долго искавший свою жену, не нашел ее? Он не находил себе оправдания! Вот кашу заварил, многоженец!

Вера Васильевна думала о своем: «Егор ведь убедил меня в том, что все поиски жены не увенчались успехом. Я и оправдываться не хочу, моей вины здесь нет».

Наконец узик остановился у двухэтажного дома с мансардой. Егор и Вера подошли к крыльцу. Егор все не решался войти. Все не верил, что это не сон. Да и дом, в котором проживали четыре семьи, в том числе и Наталья Владимировна вместе с Николаем Захаровичем Трофимовым, тоже особого интереса к гостям не проявлял.

Постучали в дверь, женский, давно забытый голос сказал:

— Войдите!

Трехкомнатная квартира, хорошо обустроенная. Гости поздоровались с хозяевами. Несколько секунд присматривались друг другу, повисла неловкая пауза, которую нарушил взволнованный Егор Дмитриевич:

— Наташенька! Роденькая, наконец-то я тебя нашел! — Шагнул к Наталье Владимировне, Егор Дмитриевич крепко ее обнял и расцеловал, словно задним числом пытаясь защитить от всех напастей. — Прости меня, что так случилось. После возвращения из госпиталя я не знал, куда мне податься. По направлению военкомата оказался в Нижнем Поволжье. Сейчас работаю в одной школе с Верой Васильевной, теперешней моей женой. Судьба нас раскидала по разным углам, и мы теперь вроде как чужие.

Наталья Владимировна плакала, и Егор не скрывал своих радостных слез. Сквозь рыдания, словно сквозь годы, слышался ее слабый и незащитный голос:

— Егорushка, какое это счастье встретить тебя через столько лет! Такое, наверно, случается только во сне. Боже мой! Егорushка, как же

так? Почему мы не смогли найти друг друга? Я ведь тебя тоже искала! Помнишь нашу клятву в верности друг другу до конца жизни? Разве ее можно забыть? Разве мы могли предположить, что найдем друг друга спустя многие годы? И вот это случилось. Бог нам всем судья, но я даже представить не могу, что теперь нам делать.

Она не отпускала от себя Егора и плакала. Егор, наконец освободившись от объятий Натальи, ушел на кухню и там дал волю слезам. Вернулся он покрасневшим, то и дело вытирая платком глаза.

— Егор, а это мой муж, Николай Захарович, с которым мы расписались в 1945 году. Мне сказали, что ты пропал без вести. Я долго болела после смерти наших детей, не хотела жить, но Николай Захарович помог, убедил, что нужно жить дальше. Егор, прости, что так случилось.

Они, бывший муж и бывшая жена, разбросанные волею судьбы по свету, стояли друг перед другом. А между ними была война, гибель детей... Ведь все уже другое, они другие... На лицах появилась худоба, на лбу — морщины. Потеря детей и глубокие переживания наложили на их лица неизгладимый отпечаток постоянной озабоченности и тоски. Но

память об ушедшей юности еще продолжала жить. И эта память воскрешала прежнюю любовь. Ведь любовь, как известно, не умирает. Только люди уходят, а любовь жива!

Вера Васильевна и Николай Захарович пребывали в полной растерянности, не знали, как себя вести и что делать дальше.

Наконец Николай Захарович первым нарушил молчание:

— Друзья мои, всем нам надо принять жизнь такой, какая она есть. Что случилось, то случилось: война, будь она неладна. А нам надо думать, как дальше быть. Полагаю, что возврата к прежней жизни нет.

Света, ломая пальцы рук и теребя уголок платка, стояла рядом с мамой и тревожно прислушивалась к разговору взрослых.

Николай Захарович предложил жене накрыть на стол. Неловко двигая стульями, все засуетились, дамы побежали на кухню, пытаясь бурной деятельностью скрыть волнение. Зазвякали тарелки, зазвенели стаканы. Выпили, закусили и решили, что надо обменяться адресами, а семьи снова рушить ни к чему, жизнь не переkreошь...

В тот же вечер непрошенные гости, совершенно расстроенные, вернулись в Чистые ключи.

Продолжение следует.

г. Калуга

Максим ЛУШОВ

Здравствуйте, уважаемая редакция. Решил попробовать свои силы и отправляю на ваш суд несколько своих стихотворений.

Немного о себе: родился в 1981 году. В 2003-м окончил филологический факультет Орловского государственного университета. Работаю учителем в школе. Не печатался, не издавался.

Надеюсь, что мои опусы придутся по душе. С уважением и пожеланием процветания, Максим Лушов.

Отцу

Прости меня... За все прости!
За то, что не был с тобой рядом,
Измученный борьбою ты
Когда смотрел последним взглядом.

Хотел приехать — опоздал...
Ну нет! Не мог того я видеть,
Как ты, всегда здоровый, сдал,
И слышать твой последний выдох.

Мне грустно. Боль твоя со мной...
Скребет зверьем — по сердцу лапой...

Прости, что не был я с тобой,
Когда ты умирал, мой папа...

Акrostих

Брожу по городу в тоске,
А звезды тихо шепчут мне,
Легко играя на Оке
Аккорды млечные огней.

Шестой уж час. Один. Одна.
Осенний ветер свеж и тих.
Волна. Холодная волна,
Амеба словно... или стих.

Ютятся, жмут к себе гранит
Лианы волн, а в вышине
Играют звезды, ночь горит...
Я подожду, я... грустно мне.

г. Орел

Олег ШВЕДОВСКИЙ

Книга стихов и прозы Олега Шведовского «Моментальное слово» вышла в издательстве журнала «Юность» еще в 2008 году. В связи с этим в доме-музее Алексея Толстого и в редакции до сих пор продолжают «Черешневые чтения» и чествование автора.

Олег Шведовский по профессии психотерапевт и преподаватель психологии. Эти стихи написаны недавно, но были задуманы очень давно...

Знак

Я знак препинания
в тексте общественном
Не запятая и не тире
Меня не узнаешь
в жесте приветственном
Не распознаешь в толпе
Не восклицательный,
не вопросительный
Я поколения знак
Распространен
на бесцветном носителе
Среди одиноких зевак
Не буква я
Голосащая
Я не согласный звук
Не многоточие
многозначное
Захватывающее дух...
Не точка я
в конце предложения
Что говорят, когда видят предел
Я так понимаю
свое положение
Между словами — сонный пробел.

* * *

Умер — пришел
Я к тебе пришел
Я стучу в окно
Мокрой веточкой

Я кричу вороньем
Я пою соловьем
Опустился на дно
Живой клеточкой

Расставание — смерть
Позволение жить
Разрешение плыть
Пустой лодочкой

Полюби, кого нет
Ухвати эту нить
Чтоб забыть, чтоб забыть
Запей водочкой.

* * *

Разбиты, развалены все основания
И вместо стен — горизонт
Вместо имен и наречий — названия
Вместо песен — монет перезвон

Больше не требует сердце таинства
Больше не ищет открытий ум
Все заслонило унылое равенство
Не брат для брата — для кума кум.

Стали похожи, мы все — прохожие
Мимо, беспечно, прикрыв глаза...
Мы существуем, пустопорожные
Не отличаем добро от зла.

г. Москва

Евгений РЫК

Продолжение.
Начало в № 10, 11, 12 за 2010 г., в № 1 за 2011 г.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

ПЛУТОВСКОЙ РОМАН

25.

Следующий месяц прошел в угаре: визиты, приемы, театры, встречи... И бумаги. Никитин с утра подписывал море документов. Сначала он пытался их читать:

«...пользоваться по доверенности а/м “Мерседес-600”, принадлежащим консульству Королевства Тонга, гр-ну Юзбаиьяну Ванику Жоржиковичу...»

«...Господин Почетный консул КТ в РФ поручает вести закупки продуктов питания для дипломатической миссии АОЗТ “Лиля”, офис которой находится по адресу: г. Подольск...»

«...и выражает начальнику 103-го отделения милиции г. Москвы майору внутренней службы Крючкову А. В. свое неудовольствие по поводу задержания гр-на Сулакишвили Г. Б.»

«...по пункту о безвизовой доставке в багажный терминал аэропорта Шереметьево-2 в связи с Законом РФ о...»

Потом Никитин читать перестал. Тюрьмы он уже не боялся, а конфисковывать по суду у него было нечего. В последнее время его превосходительство даже как-то взбодрился, повеселел, начал капризничать. Например, не принимал одного пройдоху, старавшегося

войти в тонганское гражданство. Пройдоха был с улицы и через секретаря, юриста или архивариуса не проходил, иначе бывший учитель не посмел бы кочевряжиться. Прохиндей приехал откуда-то с юга страны, то ли с Кубани, то ли со Ставрополя, и каким-то чудом проник через консульское сито прямо пред стол к почетному.

— Do you speak English? — спросил «джульбарс» Никитина.

— Yes, I do, — привычно ответил консул.

— Ну вот и здорово! — жизнерадостно отреагировал на это посетитель. — Гражданин посол, тут одно маленькое дельце... О цене договоримся. Могу бартер... Хотите баранью шерсть, хотите цукаты, вагонами — как хотите...

Еще не понимая, в чем дело, Никитин спросил, кто из его помощников визировал его бумаги: Тамбовцев, Смок или Швецов?

— Та нет! Это ж жулье, что я, жуль в своей жизни не видел?! Хочешь сделать дело — имей дело с хозяйной базой. Вы хозяйин?

— Да... — не очень уверенно ответил Никитин и этой неуверенностью зародил в душе просителя смутное

подозрение. Сам же консул от этого только разозлился на себя. Он звонком вызвал помощника из приемной и приказал выпроводить посетителя, потом накричал на секретаршу, записавшую его на прием, а после нажаловался на нее последовательно Швецову и Смоку...

Выгнать секретутку не могли — она была креатурой майора, но крепко разругать чекиста и бандита Никитин сумел.

С тех пор на приеме был обязан присутствовать кто-то из референтов консульства: ни юрист, ни архивариус, ни секретарь друг другу уже не доверяли. Каждый из них готовил гору всяких бумаг — справок, доверенностей, договоров — так они отбивали вложенные в это мероприятие деньги, и всякий боялся, что конкурент объедет на воронях. Эта смешная ситуация породила невиданную даже для советских учреждений отчетность. Один только священник лютеранского обряда Лысый да сам почетный консул не принимали участие в дележе, поэтому время от времени прикладывались к рюмочке из представительских запасов его превосходительства (разумеется, когда все три помощника разлетаясь

лись по городу и миру искать новых клиентов).

Однажды, уже в мае, Никитина потряс его помощник по систематизации документов. Миша Смок заявил ему с порога:

— Ваше сиятельство (иногда звал и величеством!), завтра — атас! Конкурс на вакантную должность моей помощницы. Просмотр кресл! Ото!

Никитин не придал этому значения, ну конкурс и конкурс.

А зря, между прочим!

Назавтра лимузин его превосходителства, проехав шестьсот метров, остановился у двухэтажного здания ресторана на Патриарших прудах. (Перестроенный под «дворянский павильон» бывший пункт по прокату коньков и летняя библиотека теперь стали рестораном — как объяснил возбужденный архивариус, «самым тусовочным» в столице).

Консула поразило то, что вокруг здания, на прилегающих аллеях и соседних улицах было несметное количество молодежи. Присмотревшись уже замыленным педагогическим оком, он определил, что молодежь эта была одного пола — женского, а вернее, девичьего. Большим скоплением юных сограждан Никитина было не смутить, он однажды выполнял обязанности директора летнего пионерского лагеря в Подмоскowie, близ Щербинки.

Смущения начались позже. Девочек от пятнадцати до двадцати лет привлекло на Патриаршие объявление архивариуса Смока о «прослушивании и собеседовании для работы в иностранном посольстве». Что там было прослушивать — неизвестно, собеседовать — и подавно. Но Никитин привык, что он выполняет необременительные, но скучные обязанности мартышки. Когда Тамбовцев или майор возили его на встречи с банкирами и капитанами экономики, тут было все прилично, тихо, солидно.

Миша Смок так не мог и не хотел. У Миши Смока была душа

стихийного анархиста. Сегодня он одним махом хотел пересмотреть всю малолетнюю дамскую Москву.

В зале, готовом для проведения смотра, — обстановочка чин по чину: стол жури, накрытый зеленым плюшем, и самое жури в составе шести здоровенных парней с короткими стрижками и крепкими шеями. Вместо унылого графина и указки на столе было море разлитое, и консул пожалел, что не прихватил на это мероприятие Лысого.

Два кресла в центре ареопага были свободны, на них и прошествовали новодельные тонганские дипломаты. Остальные члены жури почтительно встали, и каждый, сдерживая свою истинную силу, пожал длань представителя короля Тонга в РФ. Смотрели они на него влюбленно. С Мишей же общались в основном улыбочками и подниманием бровей, цоканьем языков.

— Ну, — благословил архивариус, — по маленькой — и понеслась она по кочкам!

Тост оказался членам жури достаточно уместным и справедливым. Все приняли от щедрот ресторана. Просмотр начался.

Сначала Миша, веселя сотрапезников, пытался разговаривать с каждой новой девушкой, объясняя ей, как умел, сложности международной жизни и хитрости дипломатического этикета. Сводилось все это к тому, что конкурсантка должна была раздеться за ширмой и продефилировать по небольшой эстраде ресторанных музыкантов нагишом. Редко кто не соглашался с доводами молодого дипломата. Никитину стало скучно уже на третьей претендентке, Миша держался где-то до пятого десятка, приятели его млели — им было не скучно. Потом Смок устал разглагольствовать, подозвал официанта и объяснил, что «пусть на улице знают: их до хрена, а посол ждать не будет. Порядок: зашла, сняла трусы, прошла, вышла — следующая. Время пошло! Ото!» Дело закипело.

Бедный консул решил, что сойдет с ума от количества женских тел. Сразу же пожалел он гинекологов и почему-то эсэсовцев в концлагерях: ведь так навсегда можно было отморозить любые человеческие чувства... Мелькали тела, отличающиеся только цветом волос и туфель. В консуле мужчина не просыпался. Слезы некоторых претенденток тоже оставляли его равнодушным: видал он и слезы.

Никитин выводил в своем блокноте председателя жури какие-то закорючки вроде «Бобры: добры, бодры!»

Иногда его толстошеие коллеги требовали, чтобы девица подошла к столу или дала свой телефон. Никитин отворачивался к окну.

Порой мадемузели, видать, поднаторевшие в подобных просмотрах, начинали танцевать или петь, тогда учитель отрывал глаза от своего блокнота. И вот что удивительно: почти никто из девиц не испытывал никакого стыда или даже застенчивости: многие изголялись так, что даже «быки из жури» выпучивали наконьяченные глаза. У консула к ним интерес был чисто академический. Неожиданно для всех он даже задал одной такой танцовщице вопрос:

— Сколько бы вы хотели зарабатывать?

Исполнительница остановила бег танца и с трепетом усталилась на великого человека, переступая с ноги на ногу:

— Ну, баксов семьсот... Мож-но и меньше...

Позже Миша рассказал, что слух о зловредном экзаменаторе мгновенно разнесся среди конкурсанток, и они завертели всем, что имели, с утроенной энергией. Что и говорить, отбор проходил на самом высоком уровне...

То-то радовался где-то там в эмпиреях Обикут — бог похоти, как его называл знаток женских проблем Король Лир!..

Наконец, естество дипломата запротестовало, и он предложил

высокому синклиту продолжать без него. Благо за последнее время Никитин научился капризничать. Никто не возражал, даже и его заместитель по архивам; он как раз отличал одну эффектную барышню на предмет переговоров. К машине его превосходительство вышли провожать два других члена жюри с плечами в косую легендарную сажень и светлыми улыбками идиотов. Пока Никитина одевали в гардеробе халдеи, два борца за девичью красоту и целомудрие о чем-то перешептывались. Когда же они, привычно бесцеремонно отпихивая напирających на двери соискательниц, подвели консула к машине и трясли ему руку, то один, наиболее застенчивый, что-то сунул дипломату в карман брюк чудесного его костюма.

— Вы, если что... Владик и Сереня... Если что, — вежливо напутствовали они почетного.

В машине украдкой от шофера консул рассмотрел их послание. Тысяча долларов США, бумажками по сто.

26.

Четвертого июня консульство давало прием по случаю национального праздника королевства — Дня независимости. Еще вчера пришли телеграммы от его величества короля, премьер-министра и МИДа. Монарх скупно поздравлял и желал успехов, а премьер и министр приглашали «его превосходительство прибыть в Нукуалофу для консультаций». Посоветовавшись со своими помощниками-начальниками, решили лететь все вместе. Очень обрадовался Миша, он пообещал «побалакать с братвой» на предмет аренды целого самолета.

— Заодно откинемся на пляже, ото! — предполагал спец по архивам.
— Там посмотрим, — хмуро что-то калькулировал Тамбовцев.

Не воспыал и майор, он кинулся к телефону консультироваться с Батей и генералом Кононовым.

Нужно было не забыть еще и про завтрашний прием. Чтобы казенную машину зря не гонять, сняли для пьянки ресторан Центрального Дома архитектора в Гранатном переулке. Пятьдесят метров от консульства. Никитин помнил, когда эта улица называлась еще имени Щусева.

Весь предшествующий празднику день приема не было, и охрана гоняла длинную очередь от ворот миссии. Технический персонал бросили на украшение зала портретом монарха и национальными флагами. Они же обзванивали другие консульства, требовали подтверждение полученных приглашений, согласия коллег, стоял шум-гам, который всегда предшествовал в советских учреждениях большой пьянке. У Никитина разболелась голова, и хотелось выпить. Но Швецов приказал «ни-ни», послушаться было невозможно.

По внутреннему телефону консул вызвал лютеранина Лысого:

— Падре, срочно зайдите ко мне.

— Хорошо, ваше превосходительство, — ответил легкий на подъем священник.

Через минуту он уже стоял перед столом почетного.

— Вы... извините, пили?

— Что вы, господин консул, ни в одном глазу! Клянусь десятым ноября тысяча четыреста восемьдесят третьего года!

— Это что еще за год?

Пастор развел руками, а затем молитвенно сложил их под подбородком:

— Ну что вы, ваше превосходительство, это же дата рождения Мартина Лютера! Что у меня есть более святого в этом мире?!

— Ладно. Вы не пили, — согласился консул, хотя по горящим глазам тот мог уверять и в обратном. — Не пили.

— Нет.

— А... хотите?

— Не искушайте слабого духом, ваше превосходительство! Как говаривал святой Иоганн Кальвин, чье учение я проповедую... Да, хочу!

Никитин подошел к священнику миссии и протянул ему сотенную долларов:

— Можно ли достать?

— Ваш приказ — закон для подчиненных... А что, нам уже выплачивают оклад или...

— Вот именно — или.

Как профессиональный патер, Лысый закатил глаза горе, закрыл их и что-то пробормотал, имитируя молитву. Затем перекрестился, что удивительно, по-католически правильно, то есть слева направо. Никитин не переставал удивляться артистизму журналиста-международника.

— От вас кто-нибудь завтра будет?

— Да, с Лубянки.

— Откуда?! Почему?! — удивленно поднял брови главный дипломат.

— Да нет... Просто на Малой Лубянке — центральная кафедра католиков в Москве. В Вознесенском переулке англиканская церковь...

Будут еще адвентисты... Капеллан из американского посольства, равнины. Кое-кто из отдела внешних сношений Московской патриархии... Будут. Я-то у них уже был.

— Пьют?

— Все абсолютно!

— Ну и слава богу!

— Вот именно! — многозначительно подметил патер. Как фокусник, он принял бумажку и испарился.

Почетный консул внимательно просмотрел на своем деловом календаре-организере расписание приемов, брифингов, визитов и журфиксов на ближайшее время. По средам чаепитие у дуайена.

«Не пойду», — решил Никитин: ему не нравился англичанин.

В июне, сразу же за их праздником, сплошняком шли торжества и у других:

5-го — День конституции Дании.

6-го — Национальный день

Швеции.

7-го — День национального освобождения Чада.

10-го — День Португалии.

12-го — День освобождения Филиппин.

17-го — День провозглашения Республики Исландии.

23-го — День рождения великого герцога Люксембургского (Жан — симпатичный монарх, надо пойти!).

25-го — Национальный день освобождения Мозамбика (отказаться!).

25-го — День независимости Словении (пойду...).

26-го — День независимости Мадагаскара (от винта!)...

Вообще Никитин не испытывал умиления от дипломатических посиделок. Буквально через две недели вступления в должность он уже знал, кого из его коллег привечают в МИДе и Кремле; кто в столице РФ не жадничает на услуги повара и винную карту, а кто — как раз наоборот. Где требовалось особенно выпендриваться в деле изящности общения (как говорил его архивариус о подобных домах: «Там х... вилоккой берут!»).

Вообще, как оказалось, жизнь дипломатов довольно утомительная, если не сказать скучная. Да, его помощники всем этим наслаждались, а он — нет. Ему было интересно, например, попасть на прием к швейцарцам, которые День своей конфедерации отмечали всего лишь с... 1291 года!

Кормили лучше всех у туркмен и индусов. Поили — у итальянцев. В африканских посольствах Никитин старался ни к чему не прикасаться — мало ли чего можно подцепить — не выйдешь из палаты лечебницы НИИ вирусологии...

В мусульманских миссиях кайф стоял-таки, но в отдельной комнате, а если прием проходил в ресторане, то в особом зальчике. очередной раз поразило вчерашнего насельника помойки всемирная двойная мораль! Он как-то заметил одному арабскому послу, что сейчас увлекся историей первых четырех мусульманских халифатов. Бедуин рассмеялся: да, да, тогда вино нам Аллах разрешал употреблять. Идите во-он в ту гостиную, мистер Никитин...

Бедные страны угощали редко и очень скромно, туда являлись только российские государственные чиновники низкого класса — этим было все равно где угощаться. И они это делали виртуозно, не подпуская к столам иностранцев. Жизнь была ключом.

До их, тонганского, второго национального праздника — Дня восхождения короля на престол, шестнадцатого декабря — было далеко...

Вошла секретарь и с юным, хорошо отрепетированным трепетом выдохнула:

— Ваше превосходительство, святой отец позвонил и сказал, что из Ватикана ему пришла шифровка.

Консул откинулся в кресле:

— Боже мой, как же мне этот римский папа... нравится! А как вам, Вика?

— Я бы с ним в разведку пошла! — бойко ответила девица, дочка своего ответственного отца.

— А в контрразведку? — тут же переспросил ее Никитин.

27.

Подлый священник, тихонько напившись, стал читать стихи Александра Трифоновича Твардовского, напирая на то, что он смолянин, земляк. Читал он в основном «Теркина на том свете», избранные места:

*Ты-то мог не знать — заглазно;
Есть тот свет, где мы с тобой,
И, конечно, буржуазный
Тоже есть, само собой...*

*— Что ж, вопрос весьма обширен.
Вот что главное усвой:
Наш тот свет в загробном мире —
Лучший и передовой.*

*И запомни, повторяю:
Наш тот свет в натуре дан:
Тут ни ада нет, ни рая,
Тут наука, там — дурман...*

*В том-то вся и закавыка
И особый наш уклад,*

*Что от мала до велика
Все у нас руководят.*

*Тут к вопросу подойти —
Штука не простая:
Кто в Системе, кто в Сети —
Тоже Сеть густая.*

*Да помимо той Сети,
В целом необъятной,
Сколько в органах, сочти!
— В органах — понятно.*

*Да по всяческому Столам
Список бесконечный.
В комитете по делам
Перестройки Вечной...*

*— Любопытствуешь?
— Еще бы. Постигаю мир иной.
— Там отдел у нас Особый,
— Так что лучше — стороной...*

— Лысый, врешь, не может быть у Твардовского про «перестройку»!

— Обижаете, вашество, первое слово в докладе Лазаря Моисеевича Кагановича на Пленуме ЦК 1952 года было именно «перестройка». А поэма Твардовского издана издательством «Советский писатель» в шестьдесят втором. Сходится. На какие-то несчастные сто американских рублей Геннадий Владиславович купил немыслимое количество спиртного, закуски и даже дезодорантов.

— Против ищеек, — сказал осторожный пастор. По внутренней связи позвонил помощник, сказал, что на телефоне посол Соединенных Штатов.

— Скажи, что господин консул молится у своего духовника, — довольно резко ответил Гена-Лысый.

Как на помощника, бывшего московского фарцовщика, так и на американского посла такое сообщение произвело большое впечатление: оба давно уже не были на исповеди. Посол — потому что был мормоном, а фарцу раздражали золотые наперстные кресты, которые нельзя

было украсть у священника и впендехать интуристам.

Консул решил продолжить, но не в пронизанном внутренними шпионами миссии, а на природе. Он связался с секретарем и приказал заложить кабриолет для визита к консулу Корейской Народно-Демократической Республики, зная, что в этом здании на Мосфильмовской улице его уж точно не найдут. В дипломатическом корпусе Москвы посольство КНДР было знаменито тем, что там никогда не давали справок о присутствии иностранцев на территории заведения. Сразу же начинали косить под чурок, языка не понимающих: это их всегда выручало. Особенно с тех пор, как резиденция посла переместилась с соседней улицы Щусева непосредственно в посольский комплекс на Юго-Западе. Сейчас этот соседний с их консульством двухэтажный неприметный зеленый особняк стал входом в подземную станцию метро для бывших членов Политбюро. Это большой секрет. О нем знает вся умная Москва.

Это знал весь дипкорпус Москвы, а теперь и консульство Королевства Тонга.

Так... Ладно... КНДР и Советский Союз... Куда поехать? Консул и священник хоть и были заоблачными гуманитариями по образованию, но берлога выработала в них определенный земной практицизм. Свои помыслы они решили сверить с помощью карты Москвы. Искали на путеводителе синие слезы городских прудов. Центр отметили, отрунули и очень уж дальние и искусственные водные сооружения. Сначала духовник предложил отправиться в пойму Москвы-реки в Нагатино, но консул этот план отверг.

— Так куда же, ваше превосходительство?

— Вот сюда, — длинным гусарским пальцем указал почетный представитель короля.

— Что это такое? Люблино?

— Да, Люблинский парк культу-

ры и отдыха имени Ленинского комсомола. Прекрасный парк, каскад прудов.

— Боюсь я воды пуще огня, — с каким-то сомнением пробормотал представитель религии. — Ваше превосходительство, а вы там раньше бывали?

— Лысый, не то слово!

— Знаете, что говорила в таких случаях Шахрезада, сестра Дуньязады, царю Шахрияру?

— Что?

Лысый гаденько улыбнулся:

— Слушаюсь и повинуюсь, мой повелитель!

28.

Телохранитель и водитель машины консула подвел дипломатическое авто прямо к лодочной станции на пруду. По приказу своего шефа он пробился через небольшую толпу любителей водного спорта к хозяйну павильона. Форменная фуражка, строгий клубный костюм, а главное, разворот плеч не позволяли вступать с ним в открытую дискуссию на тему «Че толкаешься, падаль?!».

Почетному и священнику немедленно был выдан лучший из имеющихся водных велосипедов, они отправились в неопасное путешествие по тихой глади. В карманах приятно грелась дорогая жидкость, день был в меру теплый, а публика была все же на некотором отдалении. Легкомысленные пловцы как-то не решались приближаться к водной карете с двумя серьезными мужиками в полном обмундировании. Кайф!

— Михал Василич, знаете, как в советских посольствах обзывался состав колоний? И из кого он состоял?

— Вы меня спрашиваете? Работали там ведь вы.

— Так вот там были ЖОРы, ДОРы, ЛОРы и СУКИ. То есть Жены Ответственных Работников, Дети... и Любвилицы...

— А СУКИ?

— Случайно Уцелевшие Квалифицированные Исполнители. Вроде меня.

— Ну, смешно.

— А мне — нет. Что с нами будет дальше? — угрюмо и сосредоточенно крутил педали лютеранин.

Никитин и сам бы хотел получить ответ на такой в общем-то простой вопрос.

— Гена, не знаю и, сказать по правде, что-то не очень задумываюсь.

— А я наоборот, — заявил протестант-неофит. — Как бы нас в расход не пустили...

Никитин удивился:

— Зачем же было тогда из говна вытаскивать?

— На том этапе мы были самыми податливыми, безответными. К тому же лично преданными майору. Все же в этой панаме мы для них находка: прав никаких, а обязанностей — целый Уголовный кодекс. Да... Вот так приходится зарабатывать на колбасу: на жизнь-то зарабатывать не удается.

Они выпили и помолчали, потому что слова были не нужны. Вернее, они были абсолютно одинаковыми у обоих, зачем же напрягаться в этом случае?

Паузу нарушил младший по дипломатическому чину и возрасту:

— Эм Вэ, может, наши что задумали там... Ну, на Тонге.

— Что? Ограбление короля?

— А переворот? Вы такую мысль не допускаете? В 1934 году русский авантюрист Борис Скосырев уже так захватил трон князя Андорры! Пришлось вмешиваться жандармам из Барселоны, чтобы арестовать его во дворце Андорра-де-Бьеха. Международный скандал! Как бы и наши... того... Они-то ведь читали иные буквари.

С удивлением глянул почетный консул на своего духовника. Тот же взирал на учителя совершенно трезвыми глазами, хотя от усилий педалевращения и застарелого пьянства обильно потел.

— Переворот?

— Почему же нет? — спокойно отвел пафос вопроса Лысый. — Для чего им эти «Рога и копыта»? Сбирать комиссионные? Да чтобы

отбить вложенное, потребуется сто лет беспорочной службы.

— Ну, не знаю... И даже не хотелось бы и знать... Геннадий, — чуть покрутив в безмолвии педалями, спросил Никитин, — что же нам, в милицию бежать, в КГБ?

— КГБ больше нет. Но дело не в этом. А может, Василич, взять кассу у этой падлюки-бухгалтерши Натальи Удавовны, документы — и айда на новую помойку? Куда-нибудь южнее? Или восточнее?

— Найдут... — грустно предположил консул.

Священник Лысый безрадостно согласился:

— Бесспорно... И тогда нас ждет одно из трех: слепое ранение (это когда пуля остается в теле), раневое истощение или жопокусаная травма. Последнее — в любом случае, — поделился священник с почетным своими экзотическими медицинскими познаниями.

Выпили. Помолчали. Погребли. Неожиданно засмеялся журналист:

— Эм Вэ, а если вас — королем?!

— Каким? — удивился Эм Вэ.

— Тонги! — резвился священник-международник. — А! Михаил Первый, суверен всех племен и народов Дружественных островов!

— Брось, Геннадий!

Но того развеселила эта мысль, он отхлебнул из горлышка еще и стал в своей всезнающей манере ее развивать:

— Не-ет, Михаил свет Васильевич, не скажите! Кроме нашей — я имею в виду тонганскую — в мире есть еще не очень много монархий. Давайте загибайте пальцы. В Европе много: Княжество Андорра, Королевство Бельгия, Ватикан, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (и Гибралтар — как отдельное государство-колония). Далее королевства Дании, Испании, Нидерландов, Швеции, Норвегии. Великое герцогство Люксембург и Княжество Лихтенштейн. Княжество Монако. Примечания: Андорра хоть формаль-

но и коронованное государство, член ООН и Совета Европы, но никакого князя там нет, и давно уже. Ею управляют попеременно по акту-пареаже. Как дипломату, ваше превосходительство, вам надлежит это знать...

— Ну хватит, Геннадий!

— Не буду. В общем, царя там нет. Или вот Фарерские острова. Пока еще принадлежат датской короне, но не только имеют свой парламент, но даже на правах независимого государства вступили в ФИФА, в Международный футбольный союз. Это то же, Михаил Васильевич, как если бы сборная России играла бы в официальный мячик со сборной Васильевского острова в Санкт-Петербурге! Нонсенс! Казус!

— Все? — переспросил консул.

— По нашему континенту — да. В обеих Америках своих монархов нет, только колонии: английские, голландские, датские. Наша с вами, Эм Вэ, родная Океания, как вы помните, имеет две короны. Африка. Чуть больше, три: Королевство Лесото со столицей в Масеру; маленькое царство прямо посреди ЮАР. Второе, наоборот, большое — Марокко. Но после смерти нынешнего монарха Хасана Второго страну ждут бо-ольшие разборки! Возможно, подчеркиваю, возможно, от него отколется полстраны, в частности, Западная Сахара. И наконец, ма-аленькое Королевство Свазиленд, и миллиона негров нет у короля в подчинении...

— А Азия? — поинтересовался шеф, как и всегда приятно пораженный образованностью и памятью своего подчиненного, не ослабленной даже многолетней и регулярной алкогольной практикой.

— На втором месте. Начнем с того, что там теперь живет последний император на земле — в Японии. Тут же и самые главные толстосумы в мире. Ясно, что в отличие от растленно-демократической Европы здесь нет ни одной женщины: эмираты Бахрейн, Катар, ОАЕ и Кувейт, султанаты Бруней, Малайзия и Оман,

королевства Бутан, Иордании, Кампучии, Саудовской Аравии, Непала и Таиланда... Итого четырнадцать. Первое место в нашем списке. В Непале неспокойно...

— И?..

— Захватят наши власть, посадят вас на престол, станут сами князьями, породнятся с другими королевскими ветвями... В общем, мировой монархический «черный передел». Говоря словами небезызвестного гимна большевиков, кто был никем — тот станет всем!

«А что, — размышлял почетный консул, — с наших станется! Для чего же иначе они все это затевали?!» И тут же поспешил с советом предостережением:

— Вы, Геннадий, на всякий случай — если это им в голову не приходило — на эту мысль не наводите! Должна же быть у нас с вами ответственность. Хотя бы перед историей и человечеством.

— Увы, Михаил Васильевич, боюсь, что в СССР не я один умный. Боюсь, драпать нам с вами все же придется. На какой-нибудь капиталистический джанк.

— Джанк, кажется, по-английски «помойка»?

— Вот именно.

«Там посмотрим», — подумал про себя консул, а священнику сказал:

— Посмотрим там...

29.

Бам-пара-бам-пара-бам! Прием! Объявления по громкой связи:

«Машину консула Соединенных Штатов Америки — к подъезду!

Машину пронуция Ватикана — к подъезду!

Машину...»

Вообще-то прием — дело скучнейшее для принимающей стороны: половину вечера встречаешь гостей, жмешь им хэнд; вторую провожаешь, но — по протоколу — кивком. Сволочи дипломаты только и знают, что болтаются по чужим приемам: видите ли, свидетельствуют свое

почтение нашей короне! Нет чтобы прислать письмишко: мол, спасибо, граждане дорогие, но из-за болезни... занятости... смерти... (нужное подчеркнуть) прибыть не могу, и ешьте свои жульены и осетрину сами. А эти?! Приезжают, съедают, выпивают, лезут с поздравлениями. Хорошо хоть не целуются.

Обходя зал, Никитин неожиданно разговорился с немцем. Консул ФРГ оказался маленьким толстым носатым брюнетом. Он так и сказал при первом знакомстве:

— Увы, в СС мне бы служить не довелось. К документам моим и сам Гиммлер не придрался бы, а внешность подкачала, не совсем арийская.

— Где вы родились, господин Вастер?

— В Штутгарте. Вы знаете, что наш город — в некотором смысле, конечно, — побратим Москвы?

— Нет, не знал. Разве?

Немец игриво рассмеялся:

— Вы не обидитесь, герр Никитин? Дело в том, что у немцев, даже при Гитлере, — всегда плановое хозяйство. Так вот еще шестнадцатого июня сорок первого фюрер назначил гауляйтеров на будущие должности в Советской России. Кое-кто их успел и получить, например Бурандт в Киеве. Общее руководство над территорией СССР должен был осуществлять доктор Шлогерер, начальник иностранного отдела министерства хозяйствования. Его резиденция была в Дрездене. На Кавказ назначался Амонн, а в Москву — доктор Бургер, руководитель хозяйственной палаты Штутгарта... Ха-ха-ха!

«Е.т.м.!» — про себя отметил почетный консул и с улыбкой перешел к другому гостю.

У окна генерал Кононов беседовал с военно-воздушным атташе Финляндии; перед камином, расставив пальцы веером, Миша-архивариус что-то доказывал озирающемуся с тоской консулу Болгарии. У центрального столика Тамбовцев рассказывал анекдот атта-

ше по культуре чешского посольства. Майор же в одиночестве употреблял пиво. Он, как говорят футболисты, был диспетчером игры — наблюдал за происходящим. Более мелкие служащие развлекали гостей, переходя от столика к столику. Приятели Миши Смока вдыхали полной грудью воздух международного приема, поняв, наконец, настоящую силу денег. Никитину было страшно подумать, скольким палаточникам и торговцам пришлось в последнее время поработать на представительство и во славу короля Тонги!

Жизнь кипела. До слуха старого учителя то и дело доносились обрывки разговоров:

...если акции IBM поднимутся хотя бы на полпроцента, то...

...провал советского разведчика Козлова в ЮАР...

...анекдот про «Титаник»:

«Джентльмены, пистолет один, первыми стреляются, разумеется, дамы»...

...император — это всего лишь воинское звание, господин полковник...

...смешно в газете: «Ясно, куда подевался Советский Союз. Но куда пропало все прогрессивное человечество?»

...королева — типичная дура!..

...нет, майн херр, в вашей Норвегии, в Лиллехаммере, был запрещен даже олимпийский гимн — видите ли, он якобы языческий...

...что мне нравится в первой ЧК, так это ее штатное расписание. Было всего три подразделения: информационное, организационное, отдел борьбы!..

Никто не напился, никто не буянил, все академически беседовали о том о сем, тем более что дипломаты виделись чуть ли не каждый день, а российские чиновники уже не очень кичились своей принадлежностью к закрытому ордену. В общем, приличная пьянка — мечта интеллигентной семьи: гости ничего не украли, уходили без предупреждения, не приставали к чужим женам...

Все в этом мире заканчивается, закончился и праздник. Но он

финишировал только для приглашенных, а хозяева поехали в офис подбивать итоги.

По доброй советской привычке провели двухчасовую пятиминутку с разбором полетов. Речь держал в основном Швецов:

— Как мне кажется, прием прошел на уровне.

Все согласились.

— Среди гостей тоже ажур. Были отказы?

Молодой ловкий помощник консула протянул майору регистрационный лист.

— Ага, не было, значит, поляка! Припомнится... Василич, к ним — ни ногой! Так... Гватемала... Иран? Почему?

— Потому что был Ирак, — ответил Лысый.

— Понятно!.. Ну, это... так... Виталий, Вьетнам больше не звать!

Помощник почетного удивился:

— Почему, Владимир Николаевич?

— А потому, что звали одного, а пришли четверо. Экономика должна быть экономной.

— Ясно, Владимир Николаевич...

В таком же духе майор разложил на составные всю картину только что закончившегося высокого мероприятия. Слово предоставили присутствующим. Усталый консул от этого почетного права отказался, отказался и полупьяный архивариус. Он откровенно и не по этикету зевал, так как крепко устал, а ему, по его же словам, «еще ехать на стрелку! Ото!». Высказались лишь генерал Кононов и священник Геннадий.

Кононов: «Надо следующий раз внимательнее проработать сценарий, кто с кем должен общаться. А то я видел, что некоторые гости вообще оставались без присмотра».

Лысый: «Может быть, стоило перед трапезой благословить стол?»

Немного поперерекались по этому поводу. Резюме: отказать!

В заключение майор, выразительно перемигнувшись с другими командирами, объявил:

— А теперь, господа-товарищи, торжественный момент. Прошу, Михаил!

Миша Смок, сладко ухмыляясь, толкнул речуган:

— Вощем, так, Василич... Коро-че... — Он полез в карман пиджака и вытащил массивные золотые часы на золотом пружинном браслете. — От лица и по поручению! Типа благодарности.

Консул был приятно удивлен и растерян, хотя злая мысль — «это всего лишь для представителя!» — точила его.

Выходя из кабинета последним, патер Геннадий тихонько шепнул консулу:

— Михаил Васильевич, вы котлы посмотрите, может, там надпись какая-нибудь есть...

— Да будет вам...

— Нет, — интриговал его протестант, — что-нибудь вроде «Семе от Хаима»... Может, с покойника сняли?

И, заливаясь мелким хихиканьем, исчез, негодяй!

30.

Иногда в работе консульства наступали пустые дни, не было ни приемов, ни визитов, ни публики. В один из таких дней пастор Лысый попросил почетного провести пресс-конференцию. Никитин понял, что представительской водки Геннадию было не жалко, а со своих бывших коллег он что-то хочет поиметь. Да заодно и свое реноме подчеркнет: вот, мол, как некоторые устраиваются! Журналистов было всего лишь пятеро, трое иностранцев и двое москвичей. Женщина со словацкого радио, индиец и испанец — интуристы, «Московский комсомолец» и «Московские новости», сами понимаете, из Москвы.

Геннадий говорил с испанцем по-испански, а со всеми остальными по-русски, с индусом по-английски. Вел он пресс-конференцию легко и просто, привычный к этому

делу. Несколько вступительных слов, а потом передал право на вопрос даме.

— Словацкое радио. Скажите, господин почетный консул, каково это быть иностранцем в родном городе?

Почетный:

— Разумеется, никаким иностранцем я себя не считаю, моя работа лишь в представлении интересов его величества короля Тауфа'Ахау Тупоу Четвертого и всего народа Тонга в Российской Федерации. Роль почетного консула, как вы понимаете, не только почетна, но и весьма ответственна. Королевство Дружественных островов не в состоянии содержать большое число дипломатических представительств, посольства страны есть только в Лондоне, в Канберре, и есть миссия при ООН в Нью-Йорке. Вот теперь открылось консульство в Москве, которое в состоянии обслуживать не только все постсоветское пространство, но и большинство государств Восточной и Южной Европы.

Испанец:

— Ваше превосходительство, моя страна тоже сталкивается с проблемой сепаратизма. Ответьте, пожалуйста, если к вам обратятся лица с паспортами непризнанных государств и территорий, вы правомочны выдать визы для посещения Тонги этими лицами и с данными документами?

Почетный:

— Вопрос очень объемный. Пример непризнанных государств — скажем, Приднестровье в юрисдикции Молдавии или Турецкая республика Северного Кипра у Турции. У многих граждан этих территорий есть несколько видов документов. Например, абхазы могут иметь еще действующие общегражданские заграничные паспорта СССР. У них возможны валидные документы Республики Грузии, с этими документами они могут подавать в консульство прошение на получение виз. С абхазскими — нет. Пока. То же и ТРСК. Если они сохранили британские или кипрские доку-

менты, то визы им просто не нужны: и Кипр, и Тонга — члены одного общего Британского Содружества. На территории бывшего СССР сегодня образовано пятнадцать полноправных республик и около десятка самопровозгласившихся территорий, та же Абхазия, Приднестровье, Южная Осетия, Карабах... Многие стремятся к этому статусу — Горный Бадахшан, Талашская Республика, Красный Курдистан, Крым, Аджария, Мокши... — А Чечня?

— На общих основаниях — с российским паспортом. В нашей бывшей стране существовало чуть ли не около двухсот народов и народностей, а собственных государственно-правовых единиц — менее сотни. Так мы будем делиться и самоопределяться до последней деревни.

Индус:

— Для Индии вопрос национальной целостности — приоритетный. Признате ли вы паспорта граждан так называемого государства Белуджистан?

Почетный:

— Мы принимаем к рассмотрению только два вида паспортов: национальные и международные, выданные органами ООН. Лессе-пассе. Это удостоверение личности ЮНЕСКО, Международной комиссией по ядерной энергии и ФАО.

«Московский комсомолец»:

— Александр Хинштейн. Господин консул, предположим, наш Павел Гусев захотел бы стать гражданином Тонги. Что для этого он должен сделать?

Почетный немного растерялся, ибо не знал, кто такой Павел Гусев. На выручку пришел протестантский пастырь.

Лысый:

— Святой Августин молился и просил: «Даруй мне чистоту сердца и непорочность воздержания, но не спеши, о Господи!»

Обстановка ухмылистости немного растаяла, кстати, подействовал и аперитив, корреспонденты уже не поигрывали бровями и перья-

ми. Последними потому, что их ни у кого не было, — все пользовались магнитофонами или диктофонами: опытный ныне пошел журналист, каждый раз он готов к «суду и обороне».

Неожиданно на столе Никитина зазвонил прямой городской телефон. Сам консул обычно разговаривал через коммутатор, и этот номер ни в каких справочниках и на визитках не значился, выходит, кто-то свой. Или ошиблись? Консул извинился и поднял трубку, но знакомый аппарат заговорил в режиме интеркома:

— Михвас, эта Миша, — пьяным в дребан голосом представился архивариус дипмиссии. — Лысый у вас?

Никитин растерялся, стал нажимать подряд все кнопки на аппарате, но тут нужна была какая-то комбинация, а какая — он не мог от растерянности вспомнить. На помощь пришел Геннадий:

— Михаил Богданович, у консула сейчас пресс-конференция.

— А-а, ты там! — удовлетворился пьяный старший дипломат. — Слухай, Лысый, мы с пацанами тут примазали на бабки... Че, правда, шо вам, католикам, типа яйца отрезают? А то Щюрик звездит... корочэ, отрезают? Ховорит, вы по это-му с бабами не можетэ, так?

В кабинете у всех понимающих русский язык стали вытягиваться лица. У всех, кроме испанского корреспондента и самого священника. Испанец не понял вопроса, а Геннадий просто не смутился. На помойке и не такие вопросы задают.

— Должен вас обрадовать, Михаил Богданович, что вы выиграли в этом пари. До конца девятнадцатого века в папской капелле в Ватикане действительно была традиция кастрировать певчих. Но папа римский Лев XIII отменил это правило.

— Какой Лэв? Двэнадцатый, не понял?

— Тринадцатый, — спокойно уточнил патер, не поднимаясь со своего

места: слышимость была отличной.

— Ща понял, — проконспектировал Смок.

— А безбрачие католических священников, говоря по-латыни, целибат, — это обязательное условие римско-католического обряда. Он был принят на Тридентском соборе, а позже подтвержден на соборе Эльвирском, в Испании. В триста третьем или триста девятом году нашей эры, сейчас не помню точно.

— Хен, ну ты даешь! Половина бабок от мазы — твои. Общий привет! Василич, пардон боку! — прокричал архивариус и отключился от линии.

В кабинете повисла тишина, только индус вполголоса переводил испанцу содержание переговоров. Ведущий пресс-конференции доброжелательно оглядел присутствующих и ровным голосом сообщил:

— Продолжим, дамы и господа!

31.

Почетный консул Королевства Тонга лежал в своем Козицком переулке с повышенным давлением — в деле дипломатической службы следовало сделать передышку.

Лежал и думал, потому что не пил, а размышлять наедине с самим собой привык аж с 1953 года. То есть делал это дело молча всю жизнь. Сейчас его терзала судьба страны, так как на свою собственную ему было наплевать, а на дипломатическую — насрать.

Зачем в этой стране существует одиннадцатилетнее образование? Для чего оболтусам, которые не только уже пьют и трахаются, нужна алгебра и элементарные функции, тригонометрия? Неорганическая химия? Да и физика в таком объеме?

«Вот тебе, Михаил Васильевич, пригодилась физика в жизни? Да ни разу! В мою пору никто не слышал и о матлингвистике. Не нужны были мне и тангенс с котангенсом. Все, что я о них знал, так это то, как правильно они пишутся по-русски.

Далее. Нужно ли профессиональ-

ное образование? Да, как противовес общественному, безликому. А высшее такое — в масштабах страны? Упаси Господь! Ведь как страна задышалась без грамотных юристов, а в Москве было только два вуза с этими кафедрами — МГУ и ВЮЗИ, заочный. Зато театральные-то, театральные! ГИТИС, Школа-студия МХАТ, имени Щукина, имени Щепкина, Институт кинематографии, Институт культуры, всякие курсы при академических и неакадемических театрах... Цирковое училище! Физкультурный институт — это уже нечто... Литературный институт. Пять лет учить на писателя. Да на кого хочешь, кроме врачей. Ну, это же бессовестно изучать пять лет английский в институте, когда ребята приходят туда уже с языком. Ну, чуть методики, немного техники, а ведь остальное — это только практика. Но, видите ли, несолидно меньше пяти лет учиться! Не освоишь диалектического материализма, равно как и марксистско-ленинской философии.

Зачем это великолепие бедной стране? Правильно венгры говорят: «Нет денег — не ходи в ресторан».

А инженеры? А военные? А...

По большому счету, для общего развития деток в школе нужны только родной и иностранный языки, математика, частично химия, биология, история, обществоведение... Может, во мне говорит гуманитарий? Но почему же? Ребенок должен иметь возможность выбирать себе программу.

Что я порю за чушь? Где ее выберешь в маленьком городке, в поселке, в селе?! На какие шиши купишь работяга своим детям компьютерной как раз в дом?! И все же... А что делать? Как специалиста с немецким языком загонишь в Якутию, когда ему очень хочется в Швейцарию?

А как загоняют в Америке? Конкурс, безработица, перепроизводство кадров. И совсем не обязательно большая зарплата. Даже вряд ли большая. Может, социальные какие

гарантии, налоговые там льготы?..

Что делает в этой стране Комитет по кинематографии? Содержит самого себя в целом комплексе зданий в Гнездиновском переулке? А Госкомитет по печати? Печатает учебники? Тогда почему Министерство образования не может провести конкурс среди частных издательств, не обращаясь в печатное министерство? Чем занимается Госкомитет по спорту и туризму? А если говорить честно, то и культуры? Развалились же в стране творческие союзы, которые только дублировали и так бездеятельные свои государственные ведомства: рассыпались все эти артисты, писатели, художники и журналисты — никому, кроме них самих, оказались не интересными их склоки. Они разбежались, раздвоились-растроились, а никто этого и не заметил! Да, говорят, культура гибнет. Ничего она не гибнет! Как читали люди книжки, так и читают. Почему вся страна должна смотреть подлую конъюнктуру в десятках тысячах кинотеатров? В одной Москве было больше ста — Геннадий говорит, во всей Испании столько нет, включая и залы с порнографией...

Нас сожрали чиновники. Элементарно объели, как в том анекдоте: «Почему в продаже нет ондатровых шапок? Потому что начальство плодится быстрее ондатр, а последнего отстрела не было с тридцать седьмого года». Чиновники, эти крысы, отчаянные без смелости, жадные без дерзости и жестокие без мужества...

Все равно, что на дворе — царь, Сталин, перестройка, — все работаем на ненасытное брюхо чиновника. Как только между тобой лично и слесарем-сантехником стоит какой-нибудь ЖЭК — или как сегодня? — РЭУ... так сразу тебе ремонт будет стоить вдвое — надо кормить этого гада РЭУ.

Как только тебе в рот залез дантист, ты должен дать деньги на регистратуру, гардеробщика, зам. главного врача по общим вопросам. То же с проблемами прямой кишки.

Ты покупаешь билет на самолет и — оплачиваешь персональное авто председателя профсоюза работников воздушного транспорта...

Ты попал в медвытрезвитель...

Ты написал письмо...

Слава тебе, Господи, что жизнь прошла. И следующая твоя квартира будет небольшой по площади — два на полтора метра. Спасибо и за то, что уже не надо ни о ком заботиться — семья сама отпихнула тебя. Мерси и за эту сытную интрижку: все веселей будет подыхать. Что там Геннадий говорил? Переворот? А почему же нет? С какой это стати те, под нами — вверх ногами, должны кайфовать на своих Дружественных островах? Как там Миша-то наш Смок говорит? «Тащи с завода каждый хвост — ты тут хозяин, а не хость!» Справедливые слова у нашего примата. Почти как у нобелевского лауреата Шолохова Михаила Александровича. Как там у него в «Тихом Доне»? А, вот... «Они думают — у казака одна плетка, думают, дикой казак и вместо души у него бутылочная склянка, а ить мы такие же люди: и баб так же любим, и девок милуем, своему горю плачем, чужой радости не радуемся».

Вот именно! Вот так и запишем, милейший Михаил Васильевич, консул вы наш почетный: «Чужой радости не радуемся». Именно».

Старый учитель принял лекарства, которые ему равными горками выложила на стуле привезенная из МИДа врачиха.

Его память постоянно сбивалась на тысячи диктантов, которые он произносил в классах на предмет трудностей русского языка и правописания. Обычно ученики их нена-

видели, а Никитину М. В. нравилось диктовать им грустные, смешные, умные фразы русских классиков. На предмет сложности правописания, синтаксиса и пунктуации. Он прокатывал их у себя во рту, как всякий словесник, любуясь архитектурой чужого голоса. Не для оболтусов и потенциальных проституток он же все это говорил?! Ну вот, например, Гоголь, «Старосветские помещики»: «В этом лесу обитали дикие коты. Это народ мрачный и дикий; они всегда ходят тощие, худые, мячуют грубым, необработанным голосом».

Хемингуэй, «Праздник, который всегда с тобой»: «Хэм! — сказал он, и я понял, что теперь со мной говорит критик, так как в разговоре он ставит имя собеседника в начале предложения, а не в конце. Я даже прочел отрывок из романа, над которым работал, а ниже этого никакой писатель пасть не может».

Булгаков, «Мастер и Маргарита»: «Эти добрые люди, — заговорил арестант и, торопливо прибавив: — игемон, — продолжал: — ничему не учились и все перепутали, что я говорил». (Еще ни один обалдуй правильно не записал эту фразу!)

Бернард Шоу, «Майор Барбара»: «Я стою за права рабочего класса и потому стараюсь сделать поменьше, чтобы побольше работы досталось моим товарищам».

О. Генри, «Похождение Пандоры»: «Три раза в жизни женщина ступает словно по облакам и ног под собой не чувствует от радости, первый раз, когда она идет под венец, второй раз, когда она входит в святилище богемы, и третий раз, когда она выходит из своего огорода с убитой соседской курицей в руках»...

Тут бывший учитель заснул.

Продолжение следует.

Феликс КИРЕЕВ

Феликс Киреев окончил геологический факультет Саратовского госуниверситета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат геолого-минералогических наук. Автор более ста научных статей и пяти коллективных монографий. Места работы: Саратовский госуниверситет, Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (ИГЕМ) РАН, РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина; СП «Вьетсовпетро» (Вьетнам).

ЛЕВА

Слевой я познакомился через своих друзей — Сашку Бунтякова и Леньку Куницына. Сашка учился на химфаке университета, а мы с Ленькой — на геологическом. Откуда они знали Леву, я понятия не имел и не интересовался. У Левы были золотые зубы, смеющиеся глаза и мягкий армянский акцент. Он был старше нас лет на десять, женат, но о своей семье никогда ничего не рассказывал. В одежде его отличал какой-то особый стиль, в котором сочетались раскованность и в то же время некий, я бы сказал, элегантный консерватизм. Он предпочитал белые сорочки без галстука; отлично сшитые брюки мышинного цвета водопадом спускались на добротные английские туфли, которые стоили почти полторы зарплаты среднестатистического советского гражданина, а на ладной фигуре, как влитой, сидел финский темно-синий пиджак. Общую картину завершала массивная золотая печатка на безымянном пальце левой руки. Я никогда не видел его одетым в куртку. В прохладное время и даже зимой Лева носил драповое пальто и шляпу, а в морозы — ондатровую шапку, но не обычный треух, а в виде сшитой на заказ стильной кубанки. Шляпа тоже была не из простых — их еще называли «стетсоновскими». Они были серого цвета, слегка удлиненные, с пробитым ребром ладони «пирожком» и с закругленными твердыми полями, окантованными темно-серой шелковой тесьмой. О качестве этих шляп я мог судить по собственному опыту, так как сторговал такую же у своего однокурсника Витьки Старовойтова за семьдесят. Я ей дорожил и старался не сдавать в общественных гардеробных, где равнодушные гардеробщицы грубо засовывали в узенькие деревян-

ные ячейки все без разбору — будь то благородная шляпа или старая мятая ушанка. Так я поступил и в Астраханских банях, куда мы как-то отправились попариться своей устоявшейся банной компанией. Шляпу я сдавать не стал, а уже на месте, раздевшись, тщательно прикрыл ее от настырных глаз и отправился в парилку. Мы несколько раз, распаренные, выходили отдохнуть и, завернутые, как патриции, в простыни, попивая из термосов чай, вели неспешную беседу. Пришла пора одеваться. Я привстал с кресла, чтобы разобраться со своими шмотками, и с ужасом уставился на мокрый темный блин. Взял с собой, называется. Уберег. Безо всякой надежды на успех я попытался придать шляпе первоначальную форму, и представьте себе, мне это удалось: если не считать мокрых пятен, она выглядела как новая. Вот что значит качественная вещь.

Мы знали, что каждый вечер Лева ужинает за «своим» столиком в ресторане «Москва», и когда нам нужно было по бедности студенческой «перехватить» чирик на выпивку, мы знали, куда идти. Он никогда не отказывал и вообще относился к нам дружески. Выпивать нам вместе слевой приходилось нечасто, и я не помню, чтобы он произносил длинные и цветистые кавказские тосты. Да, собственно, и повода для этого особого не было. Ограничивались, в основном, обычным: «Ну, погнались!» Правда, ему нравились анекдоты про армянское радио, да и то рассказывали их, как правило, мы, а он смеялся. Еще он любил поговорку «Где армянин прошел, там еврею делать нечего» и добавлял при этом: «Выпьем за то, чтобы у нас все было, а нам за это ничего не было». А вообще Лева был немного-

словен и довольно скрытен, серьезных тем избегал, а от прямых вопросов ловко уходил. Но он не всегда пребывал в таком благодушном состоянии. Как-то раз мне пришлось увидеть его совсем другим, каким я не знал.

Мы иногда навевались в «Москву» не только чтобы сшибить у Левы монет, но и просто по-сидеть. Однажды, зайдя в зал, как всегда увидели его, подошли поздороваться и, чтобы не казаться назойливыми, хотели было сесть за другой столик. Но он пригласил нас присоединиться к нему. Заказали закуски, выпивку, и завязался обычный ресторанный треп ни о чем конкретном. Кроме Левы нас было четверо: я, Сашка, Ленка Куницын и еще наш общий друг Санька Косарев, с которым я учился в одной группе. Санька только что получил от отца, жившего в Камышине и заведовавшего там какой-то селекционной станцией, очередной перевод, и он пригласил нас это дело отметить.

Через некоторое время к нашему столу нетвердой походкой подошел подвыпивший парень приклатенного вида, с золотой фиксой на передних зубах. Придвинув стул, он уселся между мной и Сашкой и начал что-то говорить, стряхивая пепел прямо в тарелку с салатом, и даже предпринял попытку налить себе вина. Наверное, он считал себя очень крутым. Мы слегка оцепенели от такой наглости. Что за тип? Откуда он взялся? Ни слова не говоря, я нагнулся и дернул ножку стула самозванца. Тот вместе со стулом опрокинулся, затем вскочил, обескураженный, и хотел уже броситься на меня, но вдруг остановился, как будто наткнулся на какую-то невидимую стену. Я проследил его взгляд, и мне стало немного не по себе. Направленные на парня глаза Левы исходили такой холод и такую равнодушную беспощадность акулы, что казалось, сейчас вся посуда на столе покроется инеем, а его визави превратится в ледяного истукана.

— Слушай, дорогой, — процедил Лева, — больше сюда не ходи, хорошо, да?

Парень послушно кивнул головой, что-то невнятно пробормотал, поставил стул на место и направился к выходу. «Да, быть врагом такого человека опасно для здоровья», — подумал я о Лева, с лица которого еще не сошла проступившая бледность подавленного бешенства.

— Ну что, погнали, — сказал он, разливая вино по фужерам, и неожиданно добавил спокойным голосом: — Выпьем за дураков, без которых скучно было бы жить на свете!

Мне ребята говорили, что у него отец какая-то шишка в правительстве Армении, вроде замминистра сельского хозяйства. Может, так оно и было, но мне в это верилось с трудом, так как сам Лева сапож-

ничал на Сенном базаре, где у него была небольшая будочка с печкой на случай холодов. Сам же Сенной наименование свое получил от того, что раньше здесь в основном шла торговля сеном, а также дровами и скотиной. Сначала он размещался на Московской площади, недалеко от железнодорожного вокзала. Но после того, как в 1909 году на этом месте началось строительство университетских корпусов, ему пришлось перебраться на новое место, где он существует и поныне. Со временем Сенной базар утратил свой статус «сенного», хотя сено ввозили в город вплоть до 50-х годов прошлого века. Тем не менее его название неискоренимо засело в головах консервативных саратовцев. Уже исчезли ломовые телеги с соленой и мороженой рыбой, ободранными тушами быков, баранов, свиней, которые привозили мужики из окрестных деревень. Уже на территории было построено добротное здание с продовольственными рядами, разделочными и морозильными помещениями, но все равно по-прежнему сохранялся тот особый необъяснимо привлекательный, манящий дух тех самых старых базаров. Здесь так и остались нетронутыми открытые деревянные прилавки под навесом, за которыми местные жители приторговывали домашней птицей, ягодой, грибами, различными соленьями. С внутренней стороны рынка вдоль дощатого забора разместились бабки, выложившие, кто на перевернутых ящиках, кто на рогоже, а то и просто на газете, различный домашний хлам. Чего тут только не встретишь: старую керосиновую лампу, кухонную утварь, швейные иголки, нитки в катушках, клубки пряжи, грубые носки ручной вязки, вышитые салфетки... Всего не перечесать.

Неподалеку от баб обосновались мужики. У них можно было разжиться гвоздями, шурупами, дефицитной леской, рыбными крючками, каким-то инструментом, ручками и петлями от дверей, мотком электрического шнура, патроном под лампочки, навесными дверными замками и брусками для точки ножей. В одном месте на заборе, наверное, еще со времен нэпа, сохранилась поблекшая кирпично-ржавая надпись: «Вкусный русский хлебный квас пейте только у нас». По базару ходили тетки и даже приличного вида мужчины, которые, опасливо глядя по сторонам — нет ли рядом милиции, — время от времени раздвигали руки, предлагая продукцию стран СЭВ: чехословацкие кофточки, польские брюки, венгерские мужские костюмы и даже немецкое дамское белье. Шныряли парни с обувными коробками. Они почти безошибочно намечали клиента и, поманив пальцем, с таинственным видом приоткрывали крышку коробки, в которой находилась пара более или менее приличных мужских полуботинок или женских туфель. А любители покурить трав-

ки знали, что достать ее можно было у нескольких мужиков среднеазиатской внешности, торговавших зеленью. На вопрос: «Не угостишь ли папироской?» — один из них доставал пачку «Беломора» и со словами: «Конечно, дорогой» вытаскивал папиросу, уже начиненную анашой. Одна папироска стоила рубль. На базаре всегда ошивалось много шпаны, и нужно было зорко следить за своими карманами. Шпана была почти вся из «Шанхая» — обширного криминального района, примыкавшего к Сенному базару. Этот район, застроенный старыми деревянными одноэтажными домишками, спускавшимся по пологому склону Глебучева оврага, часто со своими огородиками и домашней живностью, простирался по ту сторону Астраханской улицы до самого завода им. Орджоникидзе. Мне пришлось до поступления в университет полтора года там отслесарить — так что эти места я знал неплохо. Здесь, как говорится, «если хочешь долго жить, лучше ночью не ходить», и когда кто-нибудь по незнанию или спьяну забредал сюда в темное время суток, у него были все шансы выйти отсюда уже в одних трусах.

Вот в таком колоритном месте и осуществлял свою производственную деятельность Лева. Держать здесь сапожную мастерскую было, по видимому, делом довольно прибыльным, но Лева здесь господствовал один. Наверняка было немало желающих составить ему компанию. Но мы были почти уверены в том, что все попытки конкурентов жестко и решительно пресекались. Зимой мы иногда забегали к Лева после лекций поболтать и раздавить в тепле пузырек винца, благо университет находился всего в одной трамвайной остановке от Сенного. Лева несколько кривился от одного только вида нашего дешевого портвешка, но «посуду» нам выдавал. В будке у него всегда было опрятно и тепло. Приличную часть помещения занимала самая настоящая кирпичная печь, обмазанная глиной и побеленная известкой. Примерно на уровне груди у печки был большой выступ, на котором можно было что-то обсушить. Слева из-за печки выглядывала часть то ли кушетки, то ли топчана, заправленного простым шерстяным одеялом, было где отдохнуть и расслабиться. Однажды в один из таких визитов дверь распахнулась, впусав клуб морозного воздуха, и вошла молодая симпатичная женщина в зимнем пальто с чернубуркой на плечах.

— Привет, Лева, — проговорила она тоном старой знакомой. — Вот два гондона от моего дурака. Посмотри, что здесь можно сделать? — И она громыхнула прямо на выступ печки два здоровенных мужских ботинка.

— Ладно, оставляй, посмотрю, — сказал Лева, вынув изо рта по-сапожнички зажатый губами гвоздик.

Он прицелил гвоздик к набойке на туфле и с одного удара ловко вогнал его в каблук. — Приходи сегодня вечером.

Сказано это было с неким подтекстом, о смысле которого было нетрудно догадаться.

И вдруг Лева стал коммерческим директором Саратовского филиала треста «Аралат»! Может быть, действительно папа помог? О стремительной карьере Левы мы узнали, когда он как-то пригласил нас на свое новое место работы. Собственно говоря, это был разливочный цех, откуда уже в бутылках расходились прибывшие из Армении коньячный напиток «Арагац», вино «Айгешат» и «Аревшат». Насколько мне было известно, винцом здесь в неурочное время приторговывал ночной сторож, к услугам которого прибегали окрестные мужички. Пройти к цеху не составляло труда, так как вход в него находился в обычном дворе, а будка сторожа стояла рядом с этим входом. Я знал это не понаслышке, потому что жил на той же улице, буквально через три двора от «Аралата».

Итак, мы зашли в давно знакомый мне двор и позвонили в обычную дверь небольшого кирпичного здания. Открыл сам Лева. Впустив нас, он своим ключом запер за нами дверь, и мы оказались в просторном помещении, посередине которого двигалась транспортерная лента со стоявшими на ней уже наполненными и запечатанными бутылками с вином. Вдоль транспортера стояли женщины. Они снимали с ленты бутылки и ставили их в картонные коробки. Лева подошел к транспортеру, взял несколько бутылок, а затем пригласил нас в небольшую каморку, находившуюся тут же, в трех шагах, и гордо названную кабинетом. Слева у стенки стоял шкаф-сервант, на полках которого за стеклом разместились фужеры, кое-какая посуда и муляж грозди винограда. Справа было выходившее на улицу окно. Между сервантом и окном угнездились небольшой стол и несколько стульев. В дальнем углу чернел сейф — обязательный атрибут кабинета каждого уважающего себя директора. Лева достал фужеры и собственноручно наполнил их «Айгешатом». На наш вопрос, как он дошел до жизни такой, Лева неопределенно покрутил в воздухе пальцами, вроде того: «Зачем вам это?» С характерным своим смешком и юмором он рассказал, что при старом коммерческом директоре были перебои с доставкой в цех бочечного вина, из-за чего страдало производство. Причиной тому служило непонимание железнодорожниками всей важности этого момента. Прибывшие из солнечной Армении вагоны с вином постоянно оказывались где-то на далеких подступах к пакгаузам, «Аралат» платил неустойки за простой вагонов, а шибко принципиальный русский директор забрасывал железнодорожное начальство жа-

лобами на нерасторопность диспетчеров. С приходом Левы все эти наболевшие вопросы были сняты, штрафы прекратились, а вагоны подавались без задержки. К пакгаузам была проторена «дорожка понимания», отвечающие за формирование составов диспетчеры всегда могли прийти с канистрой литров на пять, а работники-грузчики — рассчитывать на кружку хорошего вина.

Мне тоже как-то раз удалось воспользоваться гостеприимством этого пакгауза. У меня назревало двадцатипятилетие. Дата значимая, и я обратился к Лева — не мог бы он мне помочь с вином. «Без вопросов, — ответил он, — приезжай, но только не через ворота — там тебя никто не пропустит, а рядом с пакгаузом в заборе есть дыра». Накануне дня рождения я подкатил на своем «Урале» к указанному месту. Достал из коляски двадцатилитровую стеклянную бутылку, пролез с ней сквозь щель в дощатом заборе — и вот я на месте. Двери в пакгауз были распахнуты. Добро пожаловать!

За небольшим столиком сидел мужичок в железнодорожной форме. Рядом стоял стакан, голова его покоилась на руках. Все понятно. Левина доктрина в действии. Посмотрел направо. В кажущемся после яркого дневного света полумраке я различил огромные, утопленные в пол весы, на которые грузчики накатывали не меньше чем с полтонны бочку. За весами сидел самолично Лева. На нем была модная темно-синяя лавсановая рубашка, он деловито диктовал кому-то вес, а тот записывал.

— А, Феликс, привет, дорогой! — прервал свою работу Лева. — Дядя Петя! — обратился он к какому-то пожилому рабочему. — Налей-ка Феликсу во-он из той бочки, — и показал на угол пакгауза. — Это вино особое, специально для друзей, — добавил он, — ну и вообще.

Я понял, что под этим «вообще» подразумевалась определенная категория «нужных» людей.

День рождения прошел славно. Вино оказалось отличным, но как мы ни старались, бутылка осела не больше чем на четверть. Потом ко мне забегали «на стаканчик» друзья, я носил вино к себе на кафедру, где уже больше года работал после окончания университета, и прошло не менее месяца, пока бутылка наконец-то опустела. Мысль о том, чтобы хранить вино до каких-то особых дат, нам, естественно, в голову не приходила.

Надо сказать, судьба обошлась с Левою жестоко. А может, все к этому шло. Я уже давно жил в

Москве и как-то, приехав в отпуск в Саратов, узнал от Сашки Бунтякова, что Лева был осужден на целых девять лет за какие-то махинации с древесиной. К тому времени он вроде бы заведовал крупным складом пиломатериалов, ну и злоупотребил. Сашка рассказал, как они с Ленкой Куницыным однажды навестили его в саратовской тюрьме. Если сказать, что Лева там был на особом положении, это не сказать ничего. Ребятам без проблем выписали пропуск и даже разрешили свидание прямо в камере, которую камерой можно было назвать лишь при большом воображении. Если что и отличало ее от обычной городской комнаты, то это узкое, забранное в решетку, высоко сидящее окно. Здесь даже стоял холодильник «Саратов». Занимал эти «хоромы» Лева один. Как оказалось, числился он здесь работником котельной, но чтобы не случилось аварии или, не дай бог, котельная не взорвалась, ему строго-настроено наказали никаких кранов не касаться, а лучше вообще в ней не появляться. Когда ребята потянули было из сумки принесенную с собой водку, Лева их остановил, затем достал из холодильника бутылку армянского трехзвездочного коньяка, каким еще Сталин поил Черчилля, лимон и отличную полукопченую колбасу. «У меня тут все есть, — сказал он, — только плати». А платил он не слабо — только за одну «квартиру» тысячу рубликов в месяц, особенно если учесть, что средняя зарплата по стране тогда была где-то сто — сто двадцать рублей. Лева даже умудрился, будучи в тюрьме, во второй раз жениться.

Его дальнейшая судьба мне неизвестна. Хотя... Несколько лет назад я затеял в квартире небольшой ремонт. Работал у меня молодой армянин из Саратова. Звали его Армен. Как-то разговорились, и я сказал, что знал в Саратове такого вот Леву Арутюняна. Армен аж присел от неожиданности. «Да ты что! — он с уважением глянул на меня. — Это такой человек!» Я понял, что тот человек, о котором подумал Армен, пользуется в определенных кругах в Саратове большим авторитетом. «Но может, это другой Лева?» — с сомнением спросил я. «Нет, нет, он один такой», — заверил меня Армен. Что ж, не исключено. Но как бы там ни было, я бы хотел, чтобы Лева закончил свой век счастливо, в окружении любящих родных и близких. Ведь человек со смеющимися глазами не может быть плохим, разве что немного. Да и все мы не без греха. А пол ламинатом мне Армен застелил отменно.

Галка ГАЛКИНА

Со своей Татьяной я познакомился 13 августа 1988 года на нашем городском стадионе «Строитель». Шел первый городской конкурс красоты. Мы с Таней сидели рядом на трибунах. «Мисс нашего города» тогда завоевала Светлана Шабатина — медсестра скорой помощи. Я был знаком с ней. Но мне потом говорили специалисты-психологи, сексологи, аналитики:

— Если бы Таня участвовала в конкурсе, она с такой внешностью заняла бы первое место... Татьяна была еще красивее Светланы...

*Александр Лежин,
г. Димитровград*

Галка ГАЛКИНА:

Александр, недаром говорят: красота — страшная сила! А уж ежели речь идет о женской красоте, то и вовсе — тушите свет! Что и подтвердили психологи, сексологи и даже аналитики, все как один отметившие, что Татьяна красивее Светланы!

Однако удивляет откровенная беззастенчивость и пылкость аналитиков, которые должны в такой ситуации сохранять хладнокровие и сдержанность. Но, стало быть, красота Татьяны была настолько всеокрушающая, что в мужчине заговорил древний инстинкт, затмивший все доводы разума.

Вот только за Светлану обидно. Тоже ведь имя-то хорошее. И главное, что ведь — медсестра. Женщина в белом халате — все равно что Сенгурочка. У мужчины рядом с такой женщиной всегда

Новый год! А если что, так она и на помощь придет. И даже приедет — на машине скорой помощи.

Это, видимо, и предопределило победу Светланы Шабатиной на стадионе «Строитель».

Девушка с веслом, в Вашем случае со стетоскопом, как ни крути, — не только символ женской красоты, но и его земное воплощение. Немного, как говорят аналитики, функциональный, но однако ж. Зато Ваша Таня — идеал. Далекий, недостижимый и прекрасный. Поэтому хотя и она и не участвовала в конкурсе красоты, а все равно победила. Без весла и стетоскопа, а просто так. Сидя на лавке стадиона «Строитель».

Потому что рядом с ней был настоящий мужчина, и она этого достойна!

Навстречу мужскому достоинству

- ☺ *Если к Вам пришел мужчина, приготовь душисто мыло!*
- ☺ *Если ты пропах собакой, то закончишь праздник дракой!*
- ☺ *Коль к тебе пришли подружки, ты закончишь жизнь в психушке!*
- ☺ *Если к Вам пришел сурок, съешьте плавленый сырок!*
- ☺ *Вот и вышел ты в астрал, там никто тебя не ждал!*
- ☺ *Кое-кто к тебе явился, значит, ты совсем допился!*
- ☺ *Если ты любви достоин, значит ты — советский воин!*
- ☺ *Если ты здоров, как бык, путь прямой тебе во ВГИК!*
- ☺ *Я — мужчина хоть куда — «мерседес» и борода!*
- ☺ *У меня достоинств масса, но растет бурдюк от кваса!*

Критика чистого разума

- ☼ *Я пока еще не Кант, но уже пою белькант!*
- ☼ *Хочешь вместе кантоваться и вовек не расставаться?*
- ☼ *Жил на свете старый Кант и носил он красный бант!*
- ☼ *Жил на свете старый Кант и носил он старый бант, наливал вина в стакан и заказывал канкан!*
- ☼ *За тобой придут Канты — вот тогда тебе кранты!*
- ☼ *Кантом можешь ты не быть, но обязан водку пить!*
- ☼ *Если Кантом не рожден, лезь почаще на рожон.*
- ☼ *Гегель, Гоголь, Кант и Маркс — все отправились на Марс!*
- ☼ *Канта Ленин не читал, водку пил и не чихал!*
- ☼ *Энгельс с Марксом целовался — Кенигсберг врагам достался!*

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

**SMS'КА, ОТПРАВЛЕННАЯ МИНИСТРУ НАШЕЙ ОБОРОНЫ:
Дембель стал на день короче?**

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ЮНОСТЬ» ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ

Оплатите подписку в любом банке и отправьте копию квитанции (а также бланк-заказ на подписку) одним из предложенных способов:

1. На электронный адрес
unost-reklama@mail.ru.
2. По факсу: 8 (499) 250-40-72/74.
3. По адресу: 125047, Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская, д. 8, стр. 1.

Подписка на журнал «Юность» через редакцию гарантирует вам:

- оформление доставки начиная с любого месяца года.
- предоставление полного пакета бухгалтерской документации (для юр. лиц).
- доставка журнала заказной бандеролью, что исключает потерю журнала при транспортировке.

КОНСУЛЬТАЦИИ У СПЕЦИАЛИСТОВ

Читатели журнала «Юность», имеющие годовую подписку, могут получить бесплатную консультацию у специалистов (литературоведов, критиков, прозаиков, поэтов), входящих в творческий актив журнала!

Объем присылаемых на консультацию рукописей ограничен:

1. Проза — до 10 страниц.
2. Поэзия — 8–10 стихотворений (не более 200 строк).
3. Драматическое произведение — одноактные пьесы и басенные циклы (не более 5 наименований в цикле).

4. Критические материалы — не более 2–3 страниц.
5. Литературоведческие работы — до 5 страниц.
6. Очерки и публицистика — до 3 страниц.

Размер шрифта присланных произведений не менее четырнадцатого.

Наши консультанты могут рекомендовать ваши произведения к публикации на страницах журнала «Юность».

Консультации проводятся по телефону и по скайпу.

Телефон для справок: 8 (499) 250-40-60.

БЛАНК-ЗАКАЗ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «ЮНОСТЬ» ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ

- Да, я подписываюсь на 6 номеров журнала «Юность» – 1000 руб.
- Да, я подписываюсь на 12 номеров журнала «Юность» – 1900 руб.

Мой адрес:

Индекс:	Республика
Район	
Город / село	
Улица	Дом Квартира
Фамилия, Имя, Отчество подписчика:	
Телефон:	

Извещение	Получатель платежа: НП «Редакция журнала Юность»		
	Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва		
	ИНН: 7710047052 КПП: 771001001		
	Расчетный счет № 40703810138040100906		
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225		
	Корр. Счёт: 30101810400000000225		
	Ф.И.О. и адрес плательщика		
	Вид платежа:	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Юность»		
	Плательщик:		
Квитанция	Получатель платежа: НП «Редакция журнала Юность»		
	Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва		
	ИНН: 7710047052 КПП: 771001001		
	Расчетный счет № 40703810138040100906		
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225		
	Корр. Счёт: 30101810400000000225		
	Ф.И.О. и адрес плательщика		
	Вид платежа:	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Юность»		
	Плательщик:		